РОДНИ КОЛЛИН

ТЕОРИЯ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

РОДНИ КОЛЛИН

ТЕОРИЯ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Об этой книге

«Теория вечной жизни» — книга Родни Коллина о том, что происходит с человеком за пределами отведенного ему времени: до зачатия, после смерти и при новом появлении на свет. Автор берет одну мерку — время, которое течет с разной скоростью для клетки, для молекулы и для электрона, — и прикладывает ее ко всему пути человека.

Так перед читателем раскрываются четыре мира: органический, где проходит обычная жизнь, молекулярный мир души, электронный мир духа и минеральный мир окаменения. В каждом из них по-своему идут время, память, суд и возвращение. Рядом с этим чертежом автор ставит свидетельства древних учений — Упанишад, «Тибетской книги мертвых», египетского «Суда Осириса», Платона, Данте, христианских и суфийских текстов — и показывает, что они говорят об одном.

Последние главы обращены к тому, что человек может сделать сам: как отделить в себе вечное от смертного, что дает страдание и что такое преображение. В приложении — модель вселенной из четырех соединенных кругов, в конце книги — иллюстрации с пояснениями.

Жизнь — лира, ибо напев ее — смерть.

Бессмертные смертные и смертные бессмертные — одни живут смертью других и мертвы жизнью других. Ибо для дыхания жизни смерть — стать влагой, а для этой влаги смерть — стать твердью. Но из такой тверди рождается влага, а из такой влаги — дыхание жизни.

Путь вверх и путь вниз — один и тот же.

Тождественны начало и конец… Живое и мертвое — одно и то же, и так же бодрствующее и спящее, юное и старое: первое, сдвинувшись, становится вторым, а второе, сдвинувшись, — первым.

Ибо время — дитя, играющее в шашки, и ход — за этим дитятей.

— Гераклит, «О вселенной»

Тому, кто, очистившись, разорвать бы хотел этот
порочный круг
И вновь вдохнуть воздух небес, — привет!
Там, во дворах Аида, найдешь ты
Слева манящий кипарис, высокий и светлый,
Из-под корня которого течет вода Забвенья.
К ней не подходи: повремени утолять свою жажду.
Ибо по другую руку — и дальше — бьет
Из бездонного омута прозрачный поток Памяти,
Прохладный, полный свежести. Стражам его взывай так:
«Я дитя земли и звездного неба;
Знайте: и я небесного рода — но иссушен жаждой!
Я гибну: дайте же, дайте скорее тот чистый глоток
Ледяной Памяти!» И из божественного того родника
Тотчас дадут тебе пить; и, испив,
Ты с прочими героями будешь вечно царствовать.

— Золотая пластинка, найденная в орфическом погребении

Сделка Начикеты со Смертью

Начикета сказал: «Одни говорят, что человек, умерев, продолжает существовать, другие — что нет. Объясни это, и пусть это будет мой третий дар».

Смерть сказала: «Об этом вопросе рассуждали боги, он глубок и труден. Выбери другой дар, Начикета! Не будь суров. Не принуждай меня объяснять».

Начикета сказал: «Смерть! Ты говоришь, что боги рассуждали об этом, что это глубоко и трудно; но чье объяснение может быть так же хорошо, как твое? Какой дар сравнится с этим?»

Смерть сказала: «Возьми сыновей и внуков, и пусть все они будут долговечны, возьми скот и коней, слонов и золото, возьми великое царство.

«Что угодно, только не это: богатство, долгую жизнь, Начикета, державу — что угодно; утоли желание сердца.

«Наслаждения, недоступные людям, прекрасных женщин с колесницами, их музыкальные инструменты; возносись превыше мечтаний; наслаждайся. Но не спрашивай, что лежит за смертью».

Начикета сказал: «Губитель людей! Все это проходит. Радость кладет конец наслаждению, самая долгая жизнь коротка. Оставь себе этих коней, оставь пение и пляски, оставь все это себе.

«Богатство не может насытить человека. Стоит ему лишь угодить тебе, Владыка всего, — и он проживет сколько пожелает, получит все, чего пожелает; но я не променяю своего дара.

«Какой человек, подвластный смерти и тлению, получив случай обрести нетленную жизнь, станет еще радоваться всего лишь

долгой жизни, думая о совокуплении и красоте?

«Скажи, куда уходит человек после смерти; положи конец всем этим спорам. Только этот дар, который ты окружил такой тайной, я и приму».

— *«Катха-упанишада»*

Содержание

I	Жизнь между рождением и смертью	8
II	Жизни между смертью и рождением	23
III	Душа в молекулярном мире	36
IV	Дух в электронном мире	49
V	Бытие человека в невидимых мирах	58
VI	Время в невидимых мирах	70
VII	Окаменение в минеральном мире	81
VIII	Суд, или новое воплощение	93
IX	Возвращение в органический мир	103
X	Память в невидимых мирах	115
XI	Отделение страданием	126
XII	Преображение в электронном мире	138
	Приложение. Модель вселенной	155
	Иллюстрации	164

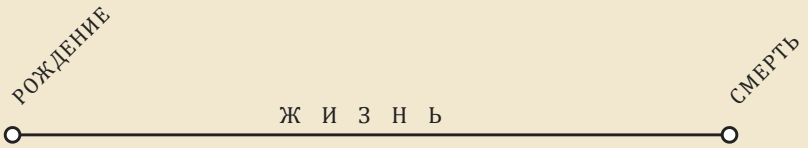
I

ЖИЗНЬ МЕЖДУ РОЖДЕНИЕМ И СМЕРТЬЮ*

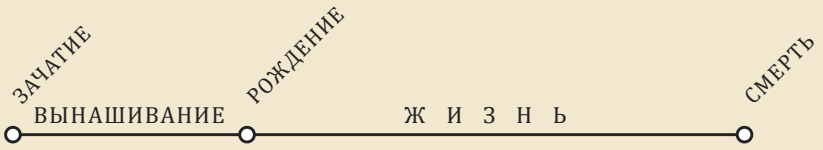
✦

* Эта глава представляет собой предельно сжатое изложение мыслей, содержащихся в главах 10, 11, 14 и 21 более ранней книги — «Теория небесных влияний».

Человек рождается, и человек умирает. Между этими двумя точками лежит линия развития, которую называют жизнью.

Но рождение для человека — не начало. Ибо в этой точке физический носитель, который определяет, чем он будет, уже сформирован. Его сильные и слабые стороны, его врожденные склонности и возможности уже установлены. В действительности индивидуальный путь человека начался гораздо раньше — в зачатии; вот так:

Как же измерять эту линию человеческого пути? Если считать в годах, вынашивание составляет лишь сотую ее часть. Но измерение в годах — это планетная шкала, созданная движением Земли, и к внутреннему времени человека она не относится. Чтобы измерить его органическое развитие, мы должны найти совсем иную шкалу. Ключ к этой новой шкале — в том, что человек зачинается как единственная клетка, под законами и в шкале времени мира клеток, а заканчивает свой путь человеческим существом, с восемьюдесятью годами памяти за плечами, под законами и в шкале времени людей. Это значит, что на протяжении своего пути он проходит всю дорогу от клеточного времени к человеческому. Он живет на скользящей, или логарифмической, шкале времени. Его внутренние процессы, запущенные в момент зачатия с почти невообразимой скоростью, идут все медленнее и медленнее, как заводной механизм, у которого кончается завод, пока не прекратятся совсем со смертью. На этой шкале проделанной работы период вынашивания составляет не сотую, а третью часть человеческого пути.

С другой точки зрения, этот период можно считать временем, когда складывается одна треть всей природы человека. Эта треть — самая грубая часть его конечного психофизического организма — состоит из его изначального физического носителя, или органического тела. После рождения тело человека можно сохранить здоровым или довести до болезни, ту или иную

функцию можно развить или оставить дремать. Но превратить его в иное тело, чем то, что уже создано, нельзя никогда. Круглоголовый младенец никогда не вырастет в длинноголового мужчину, а кареглазый — во взрослого с голубыми глазами. И основной физический склад, и реакции, которые из него вытекают, к рождению уже полностью определены.

Вторая часть природы человека, его личность, складывается во второй период, называемый детством. В это время физическое тело, созданное до рождения, устанавливает связи с внешним миром. Одну обстановку оно начинает считать естественной, привычной и успокаивающей, другую — чуждой и отталкивающей. Это и составляет его норму. А внутри этих заданных рамок его собственные врожденные физические склонности вырабатывают индивидуальный вкус — в товарищах, занятиях, временах года, местах и так далее. К концу детства приходит способность мыслить понятиями, а вместе с ней ее цивилизованная спутница — искусство чтения. И среди бесчисленного множества миров воображения, которые тем самым становятся доступны, человек выберет — или за него выберут — один или два, которые потом навсегда определят пейзаж его ума.

К концу детства личность — которая служит как бы посредником между обнаженным физическим организмом и миром, в котором он существует, — уже сложилась. Окружающий мир бесконечен, но личность, выросшая так в детстве, подобно цветному светофильтру, делает так, что взрослый человек всегда будет видеть этот мир окрашенным в определенный цвет: все предметы этого цвета сильно вырастут в цене, а предметы других цветов потускнеют или вовсе исчезнут. Эта личность образует определенную и прочную часть организма человека и после

отрочества вплоть до смерти серьезно уже не меняется. Этот принцип признают многие религиозные и политические идеологии, которые настаивают на строгом надзоре за маленькими детьми лет до семи или десяти, когда их «внушение» считается надежно закрепленным.

В оставшуюся часть жизни, примерно с семи лет и до конца отпущенного человеку срока, двойной организм тела и личности отрабатывает все возможные свои реакции на обстоятельства, в которых может оказаться. Этот период, называемый зрелостью, в большинстве случаев есть лишь автоматический результат того, что уже созданное существо сталкивается с новыми задачами, местами и людьми, и не влечет за собой создания в нем самом ничего нового.

Смысл этих трех периодов существования для человека можно пояснить сравнением со статуей. В первый период статую вырезают из камня или дерева; во второй — раскрашивают, украшают и инкрустируют драгоценными камнями; в третий период готовое изваяние переходит из рук в руки, его бережет понимающий владелец, оно валяется заброшенным на свалке, оно то чистое, то грязное, то лишенное своих камней, то даже украшенное заново. И все же до мгновения окончательной гибели — от чьей-то злой прихоти, по несчастной случайности или от

ветхости — это все та же статуя, что вышла в мир из мастерской ремесленника.

Так обстоит дело с обычным человеком. Но у нас есть свидетельства, позволяющие предположить, что этот третий период — потенциально время развития третьей, обычно скрытой части природы человека. Мы можем назвать ее душой. Позже мы увидим, почему можно сказать, что у обычного человека душа лишь дремлет, и почему пробуждение души можно считать самой трудной задачей, какую только человек способен перед собой поставить, — сравнимой, по сути, с превращением статуи в живое существо.

Как понять шкалу этой линии жизни, на которой вынашивание, детство и зрелость равны по содержанию? Что означает это замедление жизненных процессов? Как соотносится органическое время, показанное на этой шкале, со временем месяцев и лет, которым обычно измеряют человеческий возраст?

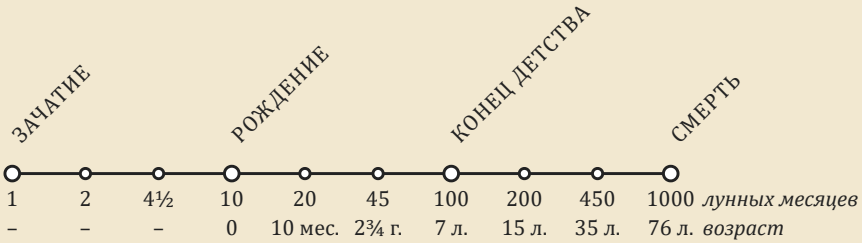
Представьте себе волчок, который от обычного толчка вертится 75 секунд. В момент запуска этот волчок делает много десятков оборотов в секунду, а в последнюю секунду, прежде чем упасть и замереть, может совершить лишь один-единственный оборот. Шкала секунд соответствует нашему обычному измерению человеческого времени годами; шкала оборотов

соответствует проделанной работе, ибо определенное количество затраченной энергии выражает каждый оборот, а не каждая секунда. Таким образом, в первую секунду совершается в десятки раз больше работы, чем в последнюю. Так же и с годами человеческой жизни.

Придадим трем уже описанным периодам жизни среднюю продолжительность. Вынашивание у человека длится 280 дней, или 10 лунных месяцев; детство — около семи лет, или 100 лунных месяцев; а традиционный срок человеческой жизни, от 70 до 80 лет, равен 1000 лунных месяцев.

Такая шкала, на которой на равных расстояниях стоят 1, 10, 100 и 1000 единиц, называется логарифмической. Последовательно пользуясь такой шкалой, мы можем получить более мелкие деления — на основе равной органической работы:

Так существование человека делится на девять частей, каждая из которых длится чуть дольше, чем все время, прошедшее до нее. Более того, каждая часть отмечает собой господство одной из функций его организма. Все эти функции присутствуют в человеке — в возможности или в действии — на протяжении всей его жизни. Но у каждой вехи одна из них главенствует в его организме, управляет им и придает соответствующему возрасту свою особую окраску.

Через два месяца после зачатия зародыш — не что иное, как переваривающий организм, машина для превращения питания, получаемого из кровотока матери, в клеточную ткань определенной формы. Из всех функций, впоследствии знакомых взрослому человеку, — пищеварения, движения, дыхания, инстинктивного обмена веществ, мысли, страстной эмоции и творческой функции, или пола, — у зародыша на этой стадии полностью осуществлена лишь первая. Поэтому можно сказать, что точкой 1 на этой логарифмической шкале управляет функция пищеварения.

Через четыре с половиной месяца после зачатия начинает развиваться новая функция. Она связана с дыханием и движением, которые на самом деле суть две стороны одного и того же: дыхание определяет темп движения, и наоборот, — как в

соотношении между тягой в топке паровоза и возможной скоростью поезда. В этот момент зародыш обретает собственное движение — начинает, как говорят, шевелиться, — и затем у него начинает развиваться система легких, готовясь к первому вдоху в миг рождения. Таким образом, можно сказать, что в точке 2 вступает функция движения, а в точке 3 — функция дыхания.

В первый год жизни физический обмен веществ, связанный с ростом тканей и увеличением объема, особенно силен. В этот год младенец прибавляет в весе больше, чем в любой другой отдельный год своего существования. Все лучшие силы организма теперь, по-видимому, уходят в обмен веществ физического роста, который, за неимением лучшего описания, мы можем назвать функцией, характерной для точки 4.

В точке 5, между двумя с половиной и тремя годами, быстрый рост мозга дает перевес интеллектуальной функции; ребенок обретает дар речи и отвлеченных понятий и через интеллектуальное группирование впечатлений, венцом которого становится способность рассуждать, постепенно образует личность. В общих чертах точка 6 отмечает завершение этого процесса.

Точка 7, или пятнадцать лет, отмечает половое созревание, когда вступает в действие сочетание надпочечников и половых желез, которые вместе возбуждают организм к страстной эмоции и ее выплеску вовне. Такой выплеск следует отличать от подлинного пола, который по своей природе сознательно творческий; этот же скорее связан с буйными, напористыми и страстными порывами, которые особенно отличают отрочество, но для многих людей остаются высшим их выражением даже в зрелости.

Подлинный пол — в смысле высшей творческой функции, которая ведет к согласию всех прочих функций, будь то в создании детей по физическому образу родителей, в создании искусств или в создании подлинной роли человека в жизни, — осуществляется только с развитием высших эмоций в точке 8, в расцвете жизни. Но полное выражение этой функции зависит от роста новых сил и новых способностей, которые заложены в человеке, но осуществимы лишь при совершенно особой работе и особом знании. Ключ к этим новым силам лежит в возможности для человека стать сознающим себя и свое место в окружающей вселенной. Ибо из этого может возникнуть — в очень счастливых случаях — вполне сложившаяся душа, или постоянное начало сознания.

При обычном положении вещей в человеке нет ни постоянства, ни сознания. Каждая из этих функций говорит в нем — автоматически и по очереди — своим голосом, ради собственных интересов, безразличная к интересам других функций или целого, но пользуясь при этом языком и именем индивидуума.

«Я должен прочесть газету!» — говорит интеллектуальная функция. «Поеду кататься верхом!» — возражает двигательная. «Я голоден!» — заявляет пищеварение; «Мне холодно!» — обмен веществ. А «Не позволю мне мешать!» — кричит страстная эмоция, вставая на защиту любой из них.

Таковы многие «я» человека. И в них — ключ ко всем внутренним и внешним противоречиям, которые повергают его в такое смятение, сводят на нет его лучшие намерения и не дают ему передышки в уплате долгов, безрассудно наделанных каждой из его многочисленных сторон. Каждая функция его сущности, равно как и каждая игра воображения его личности, раздает

обещания, берет на себя обязательства, за которые человек в целом должен нести ответственность.

Итак, первое условие для души, или объединяющего начала, заключается в постепенном ограничении каждой функции ее надлежащей ролью — через самонаблюдение и осознанность — и в постепенном устранении противоречий между ними через общее признание ими этой единой цели.

Сводка функций, вступающих в последовательных точках линии человеческой жизни, покажет, таким образом, что хотя с одной точки зрения жизнь человека с возрастом идет на убыль, с другой — в нем периодически раскрываются новые силы, работающие с более тонкими энергиями и несущие все большие возможности.

Точка	Возраст	Новая функция	Система
1	2 месяца от зачатия	Пищеварительная	Пищеварительный тракт
2	4½ месяца от зачатия	Двигательная	Мышечная
3	Рождение (завершение физического тела)	Дыхательная	Легочная
4	10½ месяца	Обмен веществ роста	Соединительная ткань
5	2¾ года	Интеллектуальная	Цереброспинальная
6	7 лет (завершение личности)		
7	15 лет	Страстная эмоция	Симпатическая нервная
8	35 лет	Пол: творческая эмоция	Половая и блуждающий нерв

Эти функции представляют собой действие в человеке разных уровней энергии, и у каждого из них есть своя соответствующая система в человеческом теле. Точно так же разные энергии, или материи, которые циркулируют в доме, — горячая и холодная вода, газ, электрическое освещение и электрическая сила — подаются каждая по своей собственной системе труб или проводов. Но хотя эти системы существуют в организме человека с самых первых его дней, энергия или материя, действующая через них, высвобождается природой лишь в определенном возрасте — так же, как воду, газ и электричество, обслуживающие дом, могли бы подключать от соответствующих магистралей в разные, следующие одна за другой даты.

Особенность же всех перечисленных выше функций и их энергий в том, что они работают в органическом теле, через органы и ткани клеточного строения. Это самоочевидно. Ибо хотя высшие эмоции и производят явления, которые кажутся сверхфизическими, мы все же знаем, что они передаются осязаемым мозгом и нервной системой, строение которых мы можем исследовать. И обычно мы не можем представить себе их действие отдельно от этой физической машины.

Однако у нас есть все основания полагать, что воздействие все более высоких энергий на последовательных ступенях развития не заканчивается в точке 8, в расцвете жизни. В точке 9 логарифмической шкалы, что соответствует примерно семидесяти пяти или семидесяти шести годам, природа вносит в существование человека еще более высокую и проникающую энергию.

Но эта энергия отличается от прочих тем, что она слишком сильна, чтобы удержаться в теле клеточного строения, — точно так же, как энергия молнии слишком сильна, чтобы удержаться в

теле дерева, которое от удара тотчас расщепляется и гибнет. Эта последняя космическая энергия такова, что при ее ударе клеточное тело человека мгновенно отделяется от любого более прочного жизненного начала, которое может в нем существовать, и остается распадаться. Это явление представляется ему смертью.

В отрицательном смысле эта высшая энергия разрушает физическое, или органическое, тело человека. Но что она делает в положительном смысле? Мы можем сказать, что она соединяет смерть и зачатие. Это значит, что по своей природе она работает вне нашего времени. Через нее итоговая сумма, или сущностная подпись, индивидуума переносится назад, к тому мгновению, когда хромосомы оплодотворенной яйцеклетки исполняют танец соединения в пары, которым будут определены все последующие качества его организма.

Как это может быть? Наше чувство времени происходит от физиологического развертывания тела, так же как наше чувство тепла происходит от температуры крови. Клеточное тело — это одновременно и наши часы, и наш термометр. Удар, который его разрушает, одновременно освобождает нас и от температуры, и от времени. Со смертью мы вступаем в безвременье, или вечность. Из этого состояния безвременья, из этого вкушения вечности все точки внутри времени одинаково доступны. Или, вернее, они связаны не временем, а напряженностью энергии, которая их наполняет.

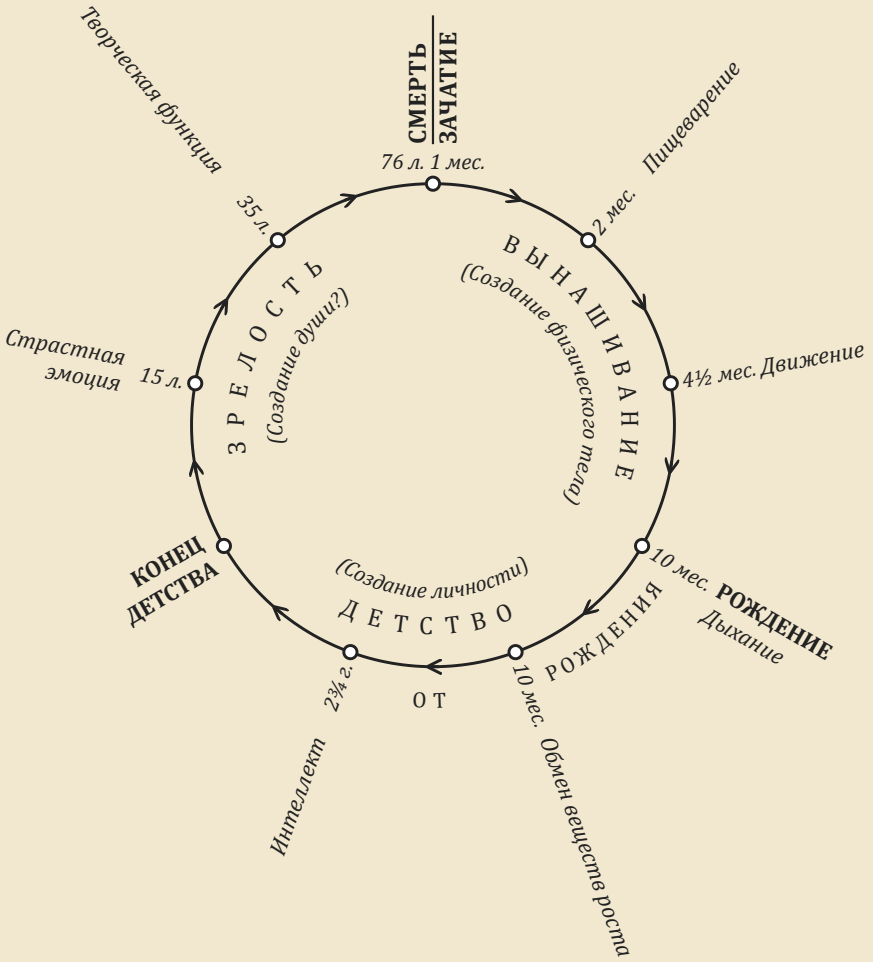
Две точки в обычном цикле человеческой жизни наполнены самой мощной и божественной энергией, какую мы знаем. Только Бог дает жизнь, и только Бог ее отнимает. Смерть и зачатие связаны вне времени божественной напряженностью действующей в них энергии. Как один магнит, другой магнит и Северный полюс связаны вне времени общим для них

магнетизмом, так смерть, зачатие и Бог связаны вне времени общей для них мощью.

Энергия смерти сводит все бытие человека, плод всех его дней, к невидимой квинтэссенции — так перегонка может свести десятки тысяч цветов к единственной капле душистой эссенции. И как эта эссенция способна проникать сквозь дверную щель — что было бы немыслимо для цветов в их исходном физическом виде, — так и сущность человека, перегнанная смертью, по-видимому, способна проходить сквозь время способом, совершенно немыслимым с точки зрения его органического тела.

Так предсмертная агония человека тождественна экстазу его зачатия; и то, чем он стал в первое из этих мгновений, должно управлять тем, что неизбежно вырастет из узора, созданного во второе.

Теперь наша схема принимает вид, показанный на рисунке.

Что можно сказать в такой схеме об обычном восприятии человеком своей жизни? Какова природа его сознания и его памяти о том, что с ним происходило? Обычное осознание человеком своего существования можно представить слабой точкой света или тепла, которая неумолимо движется по этому кругу от рождения к смерти, едва способная бросить свой отблеск

дальше чем на день-другой вперед и назад, но порой оставляющая за собой некую остаточную энергию, которую мы ощущаем как память.

Однако для этого продвижения сознания и памяти — в том слабом состоянии, в каком они существуют у обычного человека, — точка на вершине круга представляет непреодолимую преграду. Сквозь этот изолятор смерти и зачатия сознание обычного человека пройти не может; и о том, что лежит за ним, впереди или позади, память ничего ему не говорит.

И все же, поскольку это величайшая из всех тайн, мы не вправе пройти мимо нее. Все рано или поздно придут к этой точке, и лучше бы им прийти туда, сосредоточив на ней всю способность понимания, какая доступна им в жизни, нежели вслепую и в страхе. Ибо от страха нельзя ждать ничего, кроме беды.

II

ЖИЗНИ МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И РОЖДЕНИЕМ

✦

Можно прийти к выводу — и мы к нему пришли, — что мгновение смерти и мгновение зачатия суть одно. Само разрывание составных частей старого тела рождает то электрическое напряжение, которое заставляет определяющие гены следующего тела устремиться друг к другу в новом сочетании. Словно нота или аккорд, порожденные бытием человека в его смертном распаде, заставляют тонкие составляющие оплодотворенной яйцеклетки выстроиться в соответствующий узор — так звук скрипки рисует соответствующий узор на подносе с песком.

И происходит это потому, что энергия смерти и энергия зачатия одинаковы по силе и тонкости — это энергия столь проникающая, что ее действие проходит сквозь время так же легко, как энергия радиоволн проходит сквозь пространство. Смерть и зачатие соединены так потому, что в этих двух точках, и только в них, в существование обычного человека входит эта богоподобная, пронизывающая время энергия. Все энергии, которые сами собой работают в человеке между зачатием и смертью, даже самые сильные, таковы по природе, что их действие заключено в одной точке времени, — так же как действие механической энергии, например рычага, заключено в одной точке пространства. Высшая же энергия смерти и зачатия

мгновенно разливается по долгим отрезкам времени — так же как электромагнитная энергия, свет или радиоволны, мгновенно разливается по огромным областям пространства. Но подпись, или запись жизни, высвобожденная при смерти, пусть даже свободная от времени, не находит в существовании человека иного места, достаточно чуткого, чтобы принять ее отпечаток, кроме зачатия. Именно в этом смысле смерть и зачатие можно считать одним и одновременным.

Это мгновение смерти и зачатия неизбежно связано с идеей Суда. Нам знакомы разверзающиеся гробницы, последняя труба, взвешивание душ, разделение на проклятых и блаженных, как на средневековых картинах. Но все истинные учения содержат эту идею, и часто в гораздо более тонком и подробном виде. В книге «Ночная сторона природы» сказано: «В тот миг, когда душа изгнана из тела, она видит всю свою земную жизнь в едином знаке; она знает, добра она или зла, и сама произносит себе приговор». Здесь совершенно ясно выражена мысль о том, что человек сам себя судит. Если сказать механистически, это означает, что суд, или определение будущего состояния, есть точная математическая равнодействующая причин, заложенных в прошлой жизни. Еще нагляднее это передают некоторые описания санкхьи.

В странном мифе Платона об Эре Памфилийце, которого сочли убитым в битве и который на двенадцатый день, уже лежа на погребальном костре, ожил, рассказано, как души людей отправляются в долгий путь и наконец становятся станом на лугу между устьями неба и ада. Здесь, увидев, как души по заслугам возносятся вверх и низвергаются вниз, они удостаиваются видения трех Судеб — Судеб прошлого, настоящего и будущего. С колен Лахесис, Судьбы Прошлого, бросают вниз бесчисленные

образцы жизней, и души выбирают их по своей природе и желанию, но больше всего — по обычаю своей прежней жизни.

Здесь появляется мысль, что на Суде что-то можно изменить. Если бы человек пришел туда, полностью зная, кем он был и кем хочет быть, выбор был бы ему открыт. Только большинство людей не в силах представить себе иную жизнь, они обречены выбрать привычное; так что для них, в сущности, выбора нет.

В христианском видении святого Макария Александрийского (III век) душу три дня освобождал от тела ее ангел-хранитель. Затем она восходила к Богу для поклонения, на шесть дней отсылалась вкусить радостей рая, во второй раз восходила к Богу, обрекалась тридцать дней скитаться в аду и лишь на сороковой день представала на последний суд.

Так же и в «Тибетской книге мертвых» говорится, что лишенное тела «я» три с половиной дня проводит в беспамятстве, затем на час возносится к высшему блаженству, или состоянию будды, после чего постепенно нисходит через невидимые миры, пока — спустя некоторое время после восемнадцатого дня — не достигнет Суда и самого входа в ту утробу, из которой родится в следующий раз. На этом Суде присутствует вся иерархия богов, а последним свидетелем выступает зеркало кармы, то есть собственное прошлое души.

«Тибетская книга мертвых» говорит открыто то, на что все прочие версии лишь намекают изнутри: Суд есть назначение развоплощенному «я» нового тела в согласии с его записью. До этого Суда душа всегда может надеяться каким-то последним порывом поклонения или понимания улучшить свою будущую участь. Но вынесенный Суд отменить уже нельзя, и «я», наделенное теперь новым носителем, должно пройти весь круг

жизни этого тела, прежде чем снова предстанет перед тем же судом и получит тот же шанс.

Что еще это может означать, как не зачатие? Ничто не может повернуть вспять развертывание однажды зачатого тела или изменить природу и способности, заложенные в нем. Этими способностями можно распорядиться хорошо или дурно, их можно развить, или они могут атрофироваться, но их нельзя ни обменять на другие, ни избавиться от них.

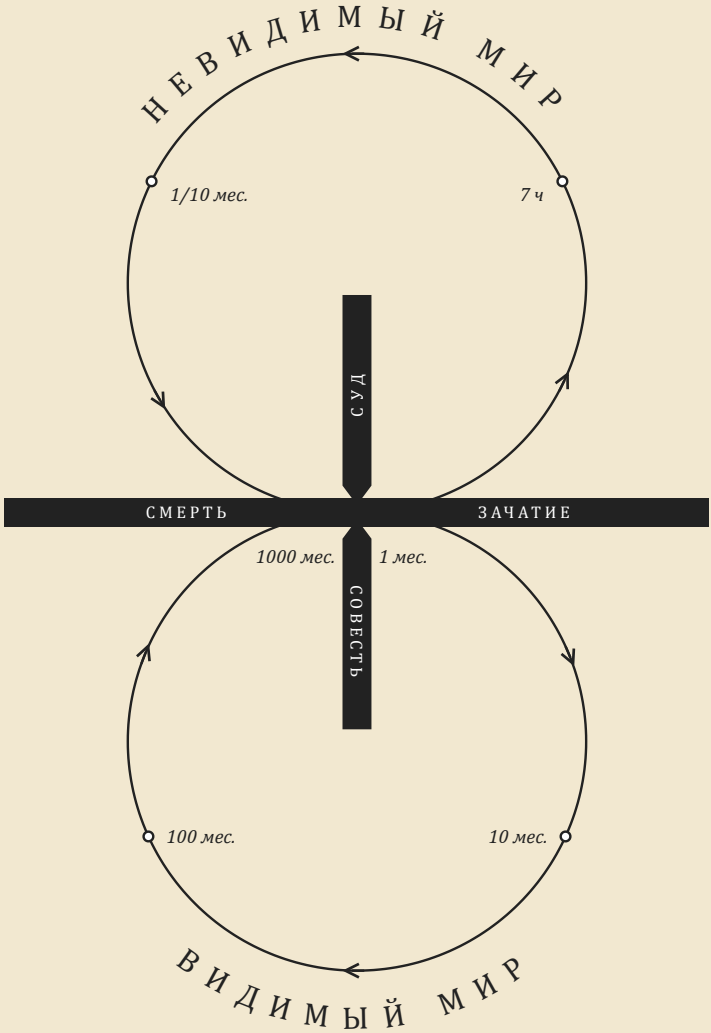
Смерть и зачатие — одно. Смерть и Суд — одно. Суд и зачатие — одно. Смерть, Суд и зачатие — одно. Так замыкается круг жизни.

Есть, однако, мысль, которую мы совсем упустили, читая эти странные тексты. По святому Макарию, между смертью и судом душа проводит сорок дней в небесах, аду и раю. Душа Эра Памфилийца помнила, как семь дней стояла станом на небесном лугу, а затем еще четыре дня была в пути, прежде чем пришла к видению Судеб и распределению жизней. В «Тибетской книге мертвых» между Судом и новым вхождением в утробу проходит от восемнадцати до сорока дней, и у каждого из них свои видения и свой опыт.

Все эти рассказы согласно указывают, что между Смертью и Судом лежит определенный промежуток, точно измеримый днями или неделями. В это время «я» лишено тела и в таком состоянии способно воспринимать как реальные иные части космоса, недоступные ему, пока оно привязано к телу. Но как могут смерть, суд и зачатие быть одновременны и в то же время разделены безмерно важным промежутком? Это величайшая тайна.

Тут на ум приходит любопытное соображение, подсказанное нашей схемой. Поскольку к узору жизни лучше всего подошла логарифмическая шкала и поскольку три равных деления

физического существования отмечены на ней 1, 10, 100 и 1000 месяцами, начало круга, или зачатие, приходится не на ноль, а на единицу. Где-то, вне круга, остается недостающий месяц. Но этот круг, по нашему определению, представляет жизнь тела. Значит, недостающий месяц проходит вне круга тела. И более того, на нашей логарифмической шкале этот месяц так же долог, как все остальное существование. Это невидимый и бесконечный промежуток между двумя тождественными точками. Смерть и зачатие — одно; и все же между ними лежит целое существование. Это возможно лишь в другом измерении.

Как это изобразить? Способ есть только один — фигура бесконечности: два соединенных круга, один из которых принадлежит физическому миру, а другой — следующему, один

невидим, а другой видим. Из физического мира видимый круг кажется законченным в себе. Он совершенен, у него нет ни входа, ни выхода. Это порочный круг человеческой жизни. Вместе с тем весь свой смысл он получает лишь от соприкосновения с невидимым кругом, в который душа переходит в миг смерти и в котором проживает полное, законченное существование, прежде чем быть зачатой в новое тело — в тот же самый миг.

В этом же и тайна мифа Платона в «Политике», где объясняется, как некоторое время космос движим Богом по кругу, а затем, когда назначенный ему круг времени исполнен, он бывает отпущен и начинает вращаться в обратную сторону, но уже сам по себе, как независимое живое существо.* Лучше и не описать отношение между невидимым и видимым кругами.

---

* «Мифы Платона», перевод Дж. А. Стюарта, с. 179.

Об узоре этого невидимого существования можно даже сделать выводы. Мы уже поняли, что жизнь движется все медленнее по мере того, как идет от зачатия к смерти. Человеческое существование, таким образом, представляет не какое-то одно время, а долгое замедление времени — от скорости клеточной жизни, которая правит зачатием, до скорости умственной жизни, которая господствует к смерти. Оглядываясь к зачатию, мы видим, что все происходит быстрее и быстрее и все больше опыта наполняет каждую единицу времени. В конце детства опыт сжат вдесятеро плотнее, чем в старости, при рождении — в сто раз, а при зачатии — в тысячу.

При зачатии скорость опыта достигает крайнего предела для клеточной жизни, то есть наибольшей скорости, какая возможна в пределах физического тела. Если продолжить прогрессию дальше, она станет слишком быстрой, чтобы вместиться в клеточную

форму; она станет сродни скорости молекулярной энергии. Такова природа опыта в невидимом круге.

Путем вывода мы можем продолжить нашу шкалу назад, во второй круг, хотя не можем ни увидеть его, ни измерить. Если по аналогии снова разделить этот круг на три периода, они будут отмечены одним месяцем, одной десятой месяца (2,8 дня), одной сотой месяца (7 часов) и одной тысячной месяца (40 минут). И опять эти периоды будут равны по содержанию.

Но и теперь у нас недостает сорока минут. И точно так же, как, рассматривая круг жизни физического тела, мы не нашли места для недостающего месяца иначе как вне физического мира, так и здесь нам приходится предположить мир еще в одном измерении. Весь круг этого измерения продлится лишь сорок минут — «время трапезы» сразу после последнего выдоха, когда, по «Тибетской книге мертвых», над ускользающей душой занимается «изначальный Ясный Свет» совершенного состояния будды. Этот круг — мир высшего мыслительного центра, как предыдущий был миром высшего эмоционального центра. Это электронный мир света, как тот был молекулярным миром сущности. Этот круг лежит в третьем измерении времени, где осуществляются все возможности.

Даже внутри этого круга можно представить, что та же необычайная шкала продолжается. Тогда три деления третьего круга будут отмечены 40 минутами, 4 минутами, 24 секундами и 2½ секундами. Все эти периоды снова будут равны друг другу и всем предыдущим. И именно в конечной точке этого круга, в едином вздохе, на крайнем пределе сжатия опыта, где все в миллиард раз быстрее и тоньше, чем в мире физического тела, умирающий может увидеть всю свою жизнь «в едином знаке».

Отсюда понятна одна сторона высших миров: это миры, в которых то же самое знают или переживают за более короткое время. Особенность обычного логического ума, по скорости которого измеряется жизнь физического тела, в том, что он знает

или переживает одно вслед за другим. Переходя к следующему переживанию, логический ум не в силах удержать переживание или знание, бывшее прежде. Его он должен оставить позади. Для логического ума все доказательства строятся последовательно, то есть во времени. Но к тому времени, как он доходит до конца доказательства, он уже потерял из виду начало, потому что вещи могут проходить через него лишь по очереди. Отсюда все явления забвения. Полагаясь на один только логический ум, человек обречен забывать.

Дело не в том, что в жизни человека недостаточно опыта или знания, чтобы он стал мудрым или просветленным. Но, полагаясь на восприятие логического ума, он переживает лишь одно за раз и забывает это, как только переходит к следующему. Если бы все, что он знает в то или иное время, удалось сжать в более короткий срок, так чтобы меньше забывалось, проступили бы бесчисленные связи причин и следствий, узоры космических влияний, и они сделали бы его мудрым сверх всякого воображения.

Именно это, по-видимому, и происходит в высших и невидимых мирах, куда «я» проникает при смерти. Во втором круге то, что равноценно опыту целой жизни, проходит за один месяц; в третьем круге то же самое сжато в сорок минут; а в предельной точке этого круга целая жизнь проживается за две с половиной секунды.

Попробуем представить, что может значить такое сжатие. В «Тибетской книге мертвых», которая будто бы обращена к душе умершего, чтобы вести ее в странствиях по невидимому миру, снова и снова подчеркивается, что все, что он может встретить, — восторги, ужасы, ослепительный свет, черная тьма, боги и демоны — все исходит из его собственного ума. Он встречает самого себя,

все, что он есть. Если он сумеет это понять, он может стать свободным.

Отсюда далее подчеркивается, что для людей каждого народа невидимые миры предстанут и населятся согласно догматам их земной веры и что даже для людей без веры эти миры будут в каком-то смысле невероятно усиленным видением того, что занимало их ум при жизни. Личная карма предельно сжимается и затем видится сквозь линзу верований, так что все доброе и злое в человеке одному является собранием ангелов и бесов, другому — зримыми математическими законами, третьему — благодетельными и грозными силами природы, четвертому — живыми символами, пятому — кошмаром безымянных страхов и призраков, и так далее.

Эта мысль, которая встречается во многих толкованиях рая и ада, как будто подсказывает, что восторженный или ужасающий облик невидимых миров можно объяснить просто сильным сжатием собственного жизненного опыта души.

Некоторое представление о смысле такого сжатия можно получить даже из того, как субъективно действуют обычные эмоции. Ведь если логический ум воспринимает мысли и переживания лишь по очереди, то эмоции позволяют принимать мысли и переживания одновременно. Вдруг видишь, как плачет близкий друг или ребенок, — и мгновенно, разом, сквозь эмоциональное восприятие проходит сотня воспоминаний о причиненных жестокостях, невосполнимых потерях, горьких обидах, и все это соединено с ощущением собственной или чужой вины, а еще с образами сострадания и нежности, взятыми из Писания, из искусства, из житий святых или даже от родителей и других людей своего круга. Если эмоциональный отклик достаточно силен, все эти воспоминания могут мгновенно

соединиться и дать почти непереносимое чувство жалости, негодования, щемящей остроты и страха.

И если несколько десятков или сотен образов, воспринятых вместе обычной эмоцией, производят такое действие, каково же будет действие целой жизни из миллиардов образов, сжатой в час, в минуту или в секунду? Можно сказать лишь, что если жизнь была наполнена приятными эмоциями, приятными встречами, приятными впечатлениями от людей и природы, постижениями истины, открытиями законов природы, творческой работой, привязанностью, мужеством, честностью и так далее, то действие такого сжатия было бы восторгом сверх всякого воображения. Если же, напротив, жизнь была наполнена причинением жестокости, наслаждением чужим страданием или бесконечными страхами, тревогами, ложью, наваждениями, низостями и предательствами, то действие сжатия этих образов было бы ужаснее любого ада, какой способен описать человек.

Прожить свою жизнь за сорок минут означало бы, что все восприятия и чувства сжаты, или усилены, в миллион раз. «Горечь муки, что мы чувствуем ныне за один час, кажется столь же великой, как все скорби преходящего мира за сто лет», — восклицают умирающие в средневековом «Часослове Премудрости».[*] Ненависть многих лет сжалась бы в ненависть минут, но в миллион раз более сильную; радости устремления, открытия, привязанности, усиленные в миллион раз, стали бы богоподобными восторгами.

[*] «Книга об искусстве умирания», под редакцией Ф. М. М. Компер, с. 119.

Более того, при сжатии времени такая ненависть и жестокость не только усилились бы сверх всякой меры, но и переживались бы вместе со всем страхом, обидой и страданием, которые они

породили и связь с которыми обычно скрыта милосердным забвением растянутого времени. А устремление и преданность, напротив, соединились бы с восприятием высших законов и высших миров, к которым они вели. Это и в самом деле означало бы взойти на небо и сойти в ад.

III

ДУША В МОЛЕКУЛЯРНОМ МИРЕ

✦

Мы должны попытаться понять истинный смысл трех кругов, по которым отдельное «я» проходит весь свой путь через жизнь и смерть. До сих пор мы представляли себе эти круги следующими друг за другом во времени: привычный круг — семьдесят шесть лет существования в физическом мире клеточных организмов; перед ним круг месячного существования в нефизическом мире, где все явления в тысячу раз усилены и сжаты; а еще раньше — третий круг существования, длящийся лишь сорок минут, где все в миллион раз быстрее, чем в физической жизни.

Но представление об этих состояниях как о последовательных идет лишь от природы человека. На деле они представляют разные миры, в которых отдельный человек проводит эти установленные сроки. И как клеточный мир природы продолжает существовать независимо от того, жив ли какой-то человек и участвует ли в нем, так и эти другие миры должны присутствовать всегда, хотя человек может рассчитывать лишь на столь краткое знакомство с ними. Семьдесят шесть лет, один месяц и сорок минут — это сроки, которые механизм человека рассчитан провести в каждом из трех миров, так же как этот механизм рассчитан провести десять месяцев в утробе, семь лет в детстве и семьдесят в телесной зрелости. Иначе говоря, эти сроки

отмечают время, за которое изначальный толчок отдельной жизни — квант энергии, отпущенный высшими законами каждому человеческому атому, — преодолевает разное сопротивление трех сред, подобно тому как пуля, выпущенная из винтовки, проходит сквозь дерево с одной скоростью, сквозь воду — с другой, а сквозь воздух — с третьей.

Какова же природа этих трех миров? Мир органической жизни, в котором физическое тело человека проводит семьдесят шесть лет, знаком нам достаточно. Его главная черта — клеточное строение, а его процессы определяются продолжительностью жизни и скоростью реакции клеток. Но, как мы условились в прошлой главе, шкала времени человека, которая кажется бегущей все быстрее и быстрее, если оглядываться к рождению и дальше, при зачатии и вовсе уходит из мира природы. Никакое ускорение сверх того, что господствует при зачатии, не может вместиться в клеточное тело. Продолжительность жизни и скорость реакции клеток для него слишком медленны.

Поэтому если путь человека и за пределами зачатия продолжает ускоряться, он должен проходить в мире более тонком, чем мир клеточных организмов. Этот мир — мир молекулярных.

Как хорошо известно, вещество в молекулярной форме пользуется гораздо большей свободой, чем вещество в клеточной форме. Свойства вещества в молекулярной форме хорошо изучать на запахах и ароматах. Такое вещество обладает необычайной способностью к длительности, проникновению и рассеянию без изменения собственной природы. Одно-два зернышка мускуса будут наполнять запахом комнату годами, и по прошествии этого срока не удастся обнаружить заметной потери веса. Тот же аромат проходит сквозь ватный фильтр, задерживающий все частицы

крупнее стотысячной доли дюйма. Меркаптан можно распознать — то есть он сохраняет свою природу, — даже когда он разведен в объеме воздуха, в пятьдесят миллионов миллионов раз превышающем его собственный.*

* «Британская энциклопедия» (14-е изд.), статья «Обоняние и вкус» Дж. Г. Паркера.

Итак, если клеточные тела могут перемещаться лишь по линии, причем человек обычно со скоростью не больше нескольких миль в час, то запахи могут распространяться в сотню раз быстрее, и притом во всех направлениях плоскости сразу, то есть по площади. Эта площадь может быть невероятно огромной в сравнении с их первоначальной сгущенной формой. На деле единственное сопоставимое расширение в клеточном мире лежит вовсе не в движении, а в росте: человеческий организм, например, увеличивает свой объем в 250 миллионов раз между зачатием и зрелостью. Но такому клеточному расширению нужны годы, чтобы произвести то, чего молекулярное рассеяние достигает за минуты; иначе говоря, рост в молекулярном мире, если можно его так назвать, в сотни тысяч раз быстрее, чем в клеточном, — как и следует ожидать по нашей логарифмической шкале.

Далее, никакое клеточное тело не может занимать то же пространство, что и другое клеточное тело. Но два запаха могут занимать одно и то же пространство. И запах одного клеточного тела может занимать то же пространство, что и другое клеточное тело, то есть пропитывать его, как молоко, оставленное в холодильнике рядом с луком, пропитывается его запахом.

Представьте человеческое сознание, наделенное свойствами вещества в таком молекулярном состоянии. Оно могло бы творить многие чудеса, приписываемые магам, и в самом деле обладало бы способностями, которые часто приписывают душе после смерти.

Оно могло бы присутствовать одновременно во многих местах, проходить сквозь стены, принимать разные облики, входить внутрь других людей, знать, что происходит в разных их органах, и так далее. Подобно мускусу, оно могло бы годами «обитать» в каком-то месте; а будь молекулярное тело человеческого размера наделено едкостью меркаптана, оно давало бы о себе знать на пространстве величиной с половину материка.

Вспомним теперь слова, обращенные к умершему в «Тибетской книге мертвых»:

> О благороднорожденный… твое нынешнее тело, будучи телом желаний… не есть тело грубой материи, а потому ныне ты в силах пройти прямо сквозь любые скалы, холмы, валуны, землю, дома и саму гору Меру, не встречая препятствия… Ты воистину наделен силою чудесного действия, которая, однако, не есть плод какого-либо самадхи, но сила, пришедшая к тебе естественно… Ты можешь мгновенно оказаться в любом месте, где пожелаешь; ты в силах достичь его за то время, за какое человек сгибает или протягивает руку. Этих различных сил иллюзии и перемены облика не желай, не желай.*

---

* У. И. Эванс-Вентц. «Тибетская книга мертвых», с. 158–159 (изд. Оксфордского университета).

Описанные здесь силы — это силы, присущие веществу в молекулярном состоянии, и так называемое «тело желаний», или душа, как нам скорее следует его называть, состоит из такого вещества, точно так же как физическое тело состоит из вещества клеточного.

Эту мысль любопытным образом подтверждает древний обычай, особенно важный в тибетских,* египетских** и перуанских обрядах, — ставить в сторону свежую еду и питье, от запаха, или сути, которых душа умершего, как полагают, получает себе пищу.

Здесь ясно признается, что физическая природа души подобна природе запаха, то есть что она состоит из вещества в молекулярном состоянии.

[*] У. И. Эванс-Вентц. «Тибетская книга мертвых», с. 19.

[**] Сэр Э. А. Уоллис Бадж. «Книга мертвых», с. 242–245 и др. Обратите внимание и на слова: «Знаю я и великого бога, пред чьими ноздрями вы кладете небесную пищу», с. 501.

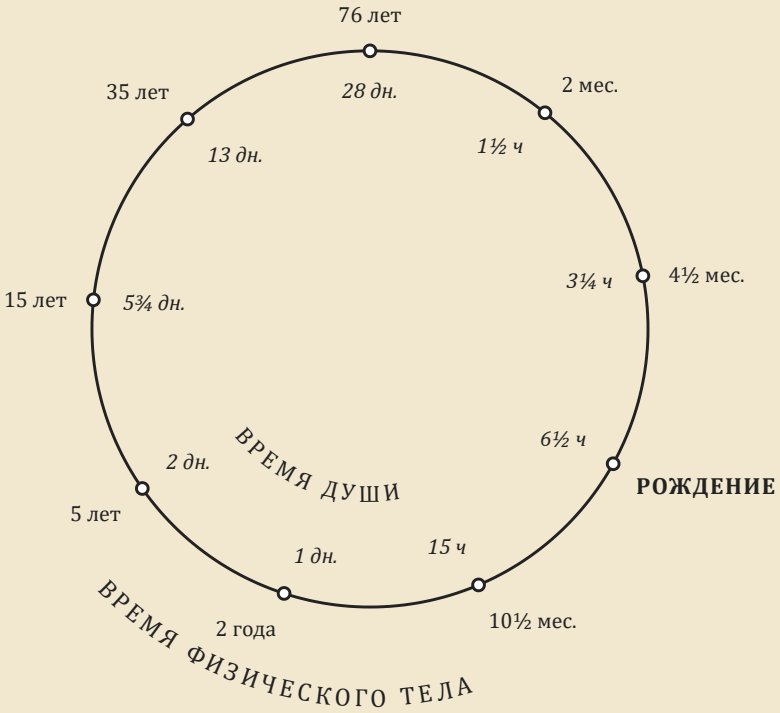
Итак, второй круг, в котором отдельное «я» проводит один месяц, по-видимому, представляет мир молекулярных явлений. Этот мир, разумеется, пронизывает, или пропитывает, клеточный мир природы. Но человек не может пользоваться силами, присущими молекулярному веществу, пока его сознание заперто в клеточном, или физическом, теле. Однако при смерти этого физического тела, как подсказывают тексты, рождается новое тело, по-видимому из молекулярного вещества, и оно проживает полное существование и служит носителем человеческого сознания в промежутке, пока индивидуальность не будет готова к зачатию в новое физическое тело.

У обычного человека молекулярное тело, или душа, по-видимому, рождается, растет, достигает зрелости и угасает в пределах своего месячного срока — в точности так же, как физическое тело за свои семьдесят шесть лет. Эта мысль с поразительной точностью выражена в зороастрийском тексте — «Риваяте Шахпура Баручи»:

> В первый день (после смерти) величина души подобна величине новорожденного младенца. На второй день душа вырастает до величины ребенка семи лет. На третий день величина души становится как у взрослого пятнадцати лет.[***]

*** «Риваят Дараба Хормаздьяра», т. 1, с. 147; цитируется по книге Дж. Д. К. Паври «Зороастрийское учение о будущей жизни», с. 20.

Если поместить на один круг параллельные времена тела и души по нашей логарифмической шкале, их соответствие зороастрийскому расчету поразительно. На этой шкале душа в один день соответствует младенцу около двух лет, в два дня — ребенку пяти лет, а немногим больше пяти ее дней равнозначны физической половой зрелости.

Это сходство между младенчеством, детством и зрелостью души и тела, по-видимому, с другой стороны связано с мыслью «Тибетской книги мертвых» о том, что в первые семь дней своего пути душа встречает Мирных Божеств, а в следующие семь — Гневных, или с рассказом святого Макария о шести днях, проведенных в раю, и затем тридцати — в аду. Ведь и в физической жизни тела младенчество и детство можно видеть как период, соответствующий раю, а наступающий возраст — как то, что погружает человека все глубже и глубже в осознание трагедии, страха и страдания мира, в котором он живет.

Точно так же индивидуальное сознание, родившееся в мир молекулярных явлений, поначалу, вероятно, было бы ошеломлено чудесностью и красотой новых восприятий и сил, которыми оно наделено. Но затем, постепенно, по мере того как его ограниченный срок клонится к концу, им, надо думать, все больше овладевала бы грозная сторона даже этого мира и предчувствия о собственном будущем состоянии. Ведь везде, где существуют время и перемена, каков бы ни был масштаб этого времени, неизбежно найдутся последовательные состояния, соответствующие весне, лету, осени, зиме; заре, дню, вечеру, ночи; младенчеству, детству, зрелости и старости. И мир души, столь же подвластный времени и перемене, не может быть исключением.

Но нужно помнить, что существа в таком мире существовали бы в одном измерении больше, чем существа, наделенные клеточными телами. О способности двигаться во всех направлениях одновременно, то есть перемещаться по площадям, а не по линиям, уже говорилось. Как и о способности проникать в твердые предметы и проходить сквозь них. Обе эти способности — лишь отдельные проявления свободы в другом измерении.

Говоря обобщенно, клеточные тела свободны двигаться по всему миру другого клеточного вещества. В принципе это означает, что физические люди свободны в мире природы, который покрывает всю поверхность земли. Но молекулярные тела, говоря так же обобщенно, были бы свободны двигаться по всему миру молекулярного вещества, то есть по всей сплошной сфере камня, почвы, воды и воздуха, из которой состоит мир земли. Ведь все это имеет молекулярное строение. Эта возможность, ясно указанная в уже приведенном тибетском тексте, конечно, лишь теоретическая: как отдельные люди в своих физических телах, хотя в принципе и свободны путешествовать по всей поверхности земли, на деле могут прожить всю жизнь в нескольких милях от места рождения, так, вероятно, и их души после смерти остались бы столь же нелюбопытными.

Такая свобода сделала бы буквально возможной и всеобщую мысль о том, что души праведных уходят вверх, в рай, который, по всем преданиям и намекам, находится в верхних слоях атмосферы. И она пролила бы свет на наш собственный прежний вывод о некоем сродстве между истинным человеком (то есть душой, которая отличает его от прочих позвоночных животных) и ионосферой, лежащей в шестидесяти милях над поверхностью земли.*

* «Теория небесных влияний», главы 7 и 8.

Но пока мы должны удовольствоваться общей мыслью, выведенной из нашей логарифмической шкалы времени: души людей после смерти могут существовать в молекулярном мире и в таком состоянии пользовались бы свободой еще одного измерения сверх тех, что доступны человеку в клеточном теле физической жизни. И далее — что силы, способности и ощущения,

присущие такому молекулярному состоянию, очень близко соответствовали бы тем, которые с незапамятных времен и во всех концах света приписывали душам умерших.

Если же мы соединим все, что следует из этой проникающей силы молекулярного вещества, с действием сжатия времени, о котором шла речь в прошлой главе, то увидим, что состояние души в молекулярном мире должно быть совершенно невообразимо для людей, чье восприятие заперто в медленной и жесткой форме клеточного тела. И что для сознания, которое наслаждается свободой того, иного, состояния, заключение в физическое тело, если бы оно могло его вообразить, было бы полно всего ужаса одиночного заключения в темной, холодной темнице с узкими окнами.

Очень яркое описание этой мысли дано в древнейшем герметическом писании, «Коре Косму»:

> Тогда впервые узнали души, что они осуждены, и мрачны стали их взоры… Когда им предстояло быть заключенными в тела, одни из них стенали и плакали — и только; но были и такие, что противились своей участи, подобно благородным зверям, которые, будучи пойманы хитрыми уловками жестоких людей и уводимы прочь из дикой земли, что им родина, силятся бороться с теми, кто их одолел. А иная вскричала и, снова и снова обращая взор то вверх, то вниз, сказала: «О ты, Небо, источник нашего бытия, и вы, ярко сияющие звезды, и неугасимый свет солнца и луны; и вы, эфир и воздух, и святое дыхание жизни Того, кто правит один, вы, что делили с нами наш дом; как жестоко, что нас отрывают от столь великого и прекрасного!..
>
> Нас изгонят из святой атмосферы и из места близ свода небесного, из блаженной жизни, какой мы жили там, и заточат в жилища столь жалкие и низкие, как эти… Сколько ненавистного

придется нам делать, чтобы удовлетворять нужды этого тела, которому так скоро погибнуть! Глазам нашим будет мало простора, чтобы вмещать вещи; мы будем видеть их лишь посредством влаги, что содержится в этих шарах; и когда увидим Небо, нашего праотца, сжатым до малой меры, мы не перестанем стенать. И даже если увидим, то не увидим воочию, ибо — увы! — мы осуждены на тьму. И когда услышим ветры, сродников наших, веющие в воздухе, глубоко будем скорбеть, что не дышим в лад с ними. Вместо этого горнего мира жилищем нам уготовано сердце человека — вещь малая. Несчастные мы! Чем заслужили мы такие кары?»*

* «Коре Косму» в книге «Герметика» под редакцией Уолтера Скотта, с. 475–477.

Помимо огромной эмоциональной силы этого писания, нас поражает, как часто в нем покидаемое душами состояние описано как газообразное, или молекулярное. «Вы, эфир и воздух, и святое дыхание жизни Того, кто правит один… Нас изгонят из святой атмосферы и из места близ свода небесного… и когда услышим ветры, сродников наших, веющие в воздухе, глубоко будем скорбеть, что не дышим в лад с ними…» Воздух, атмосфера, дыхание — это вещество в молекулярном состоянии, и весь отрывок, кажется, силится передать муку сознания, перенесенного из молекулярного тела в тесноту клеточного. Особенно поразительна мысль о сужении восприятия: на молекулярном уровне оно объемлет предметы, а на клеточном видит их с одной точки, уменьшенными перспективой, и притом «лишь посредством влаги, что содержится в этих шарах», а не прямым соприкосновением и проникновением.

Этот отрывок с огромной пронзительностью подчеркивает мысль, что переживания души принадлежат истинному миру — миру, который всегда здесь, но из которого люди изгнаны, пока

пребывают в физическом теле. Как бы поэтично это ни звучало, нельзя точнее описать отношение между веществами, присущими каждому из миров. Наука достаточно ясно говорит нам, что молекулярный мир пронизывает клеточный, а электронный мир пронизывает молекулярный. Эти три мира всегда сосуществуют. Но если более тонкие миры могут проникать в более грубые, как свет проникает сквозь стекло или запахи проникают в масло или молоко, то предметам более грубого строения никак не войти в более тонкие. Путь туда им закрыт так же ясно, как верблюду — сквозь игольные уши.

И все же если эти миры присутствуют всегда и пронизывают всякое живое существо в каждое мгновение и если жизнь в них бесконечно свободнее, чудеснее, грознее и светлее той, что нам знакома, мы не можем не тосковать о невозможном и не спрашивать, нет ли на деле пути из нашего физического мира в те миры, по которому можно пройти еще до смерти.

Лишь такая тоска может привести нас к верному пониманию трудного изречения, что у обычного человека во время физической жизни нет сознательной души, и того, почему создание такой души в этой жизни — величайшая задача, за какую он вообще может взяться. Ведь душа — это носитель человека в невидимом, или молекулярном, мире. Из всего сказанного бесспорно, что сейчас человек в таком мире не живет и даже не может вообразить, каково было бы в нем жить. Либо его душа еще не родилась, как подсказывают тексты, либо, если она где-то и существует, он еще не знает, как в ней жить.

Вообразите запертую оранжерею. Сквозь щель в двери вносят семя и сажают его. Оно прорастает, выпускает бутоны и вырастает в полный цветок. В этой форме оно заключено в запертом помещении и никак не может выйти в мир снаружи. Когда цветок

превращается в плод, дает новое семя и сам умирает, такое семя может снова выйти сквозь щель в двери. Это естественный цикл. Однако в своей «развернутой» форме цветок имеет лишь одну возможность сообщаться с миром за дверью — его аромат, если он у него есть, может свободно проходить сквозь щель к тому, что лежит за ней, хотя само клеточное растение остается взаперти до конца своего существования.

Этот процесс, по-видимому, в точности подобен приходу человека в физический мир, его росту здесь и его уходу в иное место. Семя людей, по-видимому, выходит из молекулярного мира. Но клеточное тело, которое из него вырастает, всецело заключено здесь, и если человек — не что иное, как физическое тело, у него не может быть никакого сообщения с невидимым миром, откуда он вышел, пока смерть снова не сведет его к сущностной форме, достаточно сгущенной, чтобы пройти туда.

Лишь если он сумеет уже теперь развить в себе нечто подобное аромату цветка, то есть душу, или начало сознания, он сможет начать двигаться в том, ином мире, еще живя в этом.

Как это возможно? Душа, или тело молекулярного мира, может быть создана лишь искусственно — долгим накоплением тончайшей энергии, которую производит физический организм, и ее кристаллизацией через непрерывную попытку стать самосознающим. Но обычный человек не может не тратить эту энергию так же быстро, как она производится, — на страх, гнев, зависть, тоску и на свое обычное состояние зачарованности собой и окружающим миром. Чтобы удержать эту растрату, он должен создать в себе волю. Чтобы создать волю, он должен иметь одну цель. Чтобы иметь одну цель, он должен узнать все стороны себя и заставить их принять власть своей совести. А прежде этого он

должен пробудить совесть ото сна. И ни одной из этих ступеней он не может достичь сам по себе.

И все же возможность существует — и несет с собой огромные следствия не только для нынешнего положения человека, но и для того, что будет потом. Одна лишь эта возможность оправдывает наше исследование.

IV

ДУХ В ЭЛЕКТРОННОМ МИРЕ

✦

При всех чудесах того существования, к которому мы пришли в рассуждениях, многое еще остается необъясненным. В конце второго круга остается еще сорок минут. Если оглянуться назад, еще дальше рождения души, к той точке, где все, что равно целой жизни, сжато в этот короткий час, мы найдем явления, превосходящие даже молекулярный мир, — так же как за порогом зачатия явления выходили за пределы клеточного. Третий круг, в котором отдельное «я», по-видимому, проживает полную жизнь за сорок минут, должен лежать в мире еще более быстром и тонком, чем молекулярный. Это электронный мир.

По аналогии носитель, в котором «я» обитало в этом круге и в этом мире, должен состоять из вещества в электронном состоянии. Главный наш пример вещества в таком состоянии — свет. И если молекулярная энергия, такая как запах или звук, распространяется в сотню раз быстрее, чем движутся клеточные тела, то свет излучается еще почти в миллион раз быстрее.* Свет распространяется мгновенно в трех измерениях — то есть не только вдоль линии, как клеточное тело, и не по площади, как запах, но по всему объему пространства. В принципе, не завися от атмосферы, он может уходить бесконечно вверх, за пределы

влияния Земли, и за семь минут достичь самого источника всего нашего света — самого Солнца.

[*] Скорость человека (в среднем) — 5 метров в секунду (6 миль в час); скорость звука — 500 метров в секунду; скорость света — 300 000 километров в секунду.

Более того, свет, или вещество в таком электронном состоянии, сам освещает все, на что падает, а высшие степени электронного вещества, такие как рентгеновские лучи, обладают даже способностью освещать внутренность твердых предметов. Тело из такого вещества было бы, таким образом, само себе источником света и в своем восприятии не зависело бы от освещения солнца, луны или других обычных светил. Оно воспринимало бы везде, где бы ни находилось, собственной силой рассеяния и проникновения, и это восприятие могло бы охватывать и самые большие, и самые малые предметы — так же как один и тот же свет может одновременно освещать большую комнату и клетку под микроскопом в этой комнате.

Попробуйте представить себе человеческое сознание, связанное со светом яркой электрической лампы в комнате и переносимое всюду, куда проникают ее лучи. Электронное тело, которым обладало бы такое сознание, имело бы свой фокус, или, так сказать, сердце, в раскаленной добела нити лампы, но включало бы весь свет, испускаемый этим источником. Если бы лампа светила равномерно во все стороны, то наделенное таким телом сознание вмещало бы в себя все предметы в комнате — столы, стулья, цветы, мужчин и женщин. Тем самым оно освещало бы, или сознавало, каждый предмет со всех сторон одновременно. Все эти предметы стали бы как бы внутренними органами этого электронного тела и ощущались бы так, как обычными чувствами мы ощущаем органы и ощущения внутри физического тела. В этом последнем случае мы знаем, что боль или радость сердца —

это наша боль или радость, что движения, возникающие в мозгу, — это наши мысли, что ощущения благополучия или неудобства, которые рождает пищеварение в желудке, — это наши ощущения. Так и для сознания, связанного со светом этой электрической лампы, все происходящее в комнате происходило бы внутри него и ощущалось бы как его собственная жизнь.

Это в точности соответствует, хотя и в малом виде, тому, что во многих богословиях описывается как природа Бога, в котором все творения существуют и имеют свое бытие. Человеческое сознание, связанное с телом из электронного вещества, включало бы в себя все соседние существа и тем самым разделяло бы природу Бога, было бы соединено и с Богом, и с ними. Таков, очевидно, смысл и йоги, что значит «соединение», и религии, что значит «воссоединение».

Можно подумать и дальше о функциях такого тела. Если предположить, что лампа дает излучение самого широкого диапазона, то ее низшей функцией было бы инфракрасное излучение, или тепло, средние функции были бы представлены светом разных цветов — красным, желтым, зеленым и синим, а высшие — ультрафиолетом и рентгеновскими лучами. Ее функции, таким образом, состояли бы в том, чтобы сообщать другим созданиям тепло, цвет и рост, а своими высочайшими частотами она могла бы проникать во все их внутренние части и поддерживать их. Она была бы, по сути, животворящей.

Далее, если клеточные тела в принципе свободны в клеточном мире природы, а молекулярные тела свободны в молекулярном мире Земли, то по аналогии электронные тела были бы свободны в электронном мире. Иначе говоря, они могли бы существовать и перемещаться везде, где есть электронное вещество, — так же как физический человек может жить и передвигаться в любом месте

земной поверхности, где есть другое клеточное вещество. Но излучение Солнца — это электронное вещество, и это излучение заполняет всю Солнечную систему. Значит, такое электронное тело по самой своей природе должно быть свободно во всей Солнечной системе. Оно было бы причастно природе Солнца. Такое тело мы называем духом.

Итак, если наши выводы из логарифмической шкалы верны, то индивидуальность человека, которая семьдесят шесть лет обитает в физическом теле, перед этим месяц обитала в душе, а еще раньше — сорок минут в духе. И рождение в этот дух совпало со смертью предыдущего физического тела. Другими словами, в мгновение смерти человек входит в электронный мир, или мир духа.

Из того, что мы угадали о природе опыта в электронном мире, видно, что эти сорок минут опыта в духе и в самом деле можно описать словами святого Макария: «В третий день Христос повелевает всякой христианской душе восходить на небо для поклонения Всемогущему Богу». Именно в этот период к умершему обращаются в «Тибетской книге мертвых» так:

> О благороднорожденный, слушай. Ныне ты переживаешь Сияние Ясного Света Чистой Реальности. Узнай его. О благороднорожденный, твой нынешний разум, по истинной природе пустой, не принявший никакого облика ни по признакам, ни по цвету, природно пустой, — это и есть сама Реальность, Всеблагое.
>
> Твой собственный разум, который ныне есть пустота, но не пустота небытия, а сам разум — беспрепятственный, сияющий, трепещущий и блаженный, — это и есть само сознание, Всеблагой Будда.

> Твое собственное сознание, сияющее, пустое и неотделимое от Великого Тела Сияния, не знает ни рождения, ни смерти и есть Неизменный Свет — Будда Амитабха.[*]

[*] У. Й. Эванс-Венц, «Тибетская книга мертвых», с. 95–96 (книга I, часть 1, «Бардо мгновений смерти»). Будда Амитабха: на санскрите и по-тибетски — «Будда Беспредельного Света»; по-монгольски — «Тот, кто вечно сияет»; в другом облике — Амитаюс, «Будда Вечной Жизни». А. Гетти, «Боги северного буддизма», с. 37.

Такой опыт, невыразимый ни на каком языке и ни в каких понятиях, доступных физическому человеку, неизбежно должен переводиться на язык той философии, с которой знакомы те, кого он озарил. Христианин святой Макарий «восходит на небо для поклонения Всемогущему Богу»; буддийский лама становится «неотделимым от Великого Тела Сияния». А мы, делая свои выводы в понятиях современной науки, как будто видим, что это не может означать ничего иного, как освобождение во всей Солнечной системе и восхождение к самому источнику электронной энергии — к Солнцу.

«Стать свободным во всей Солнечной системе» — как можно помыслить такой опыт? Здесь вновь приходит на ум видение Эра Памфилийца. Ведь души, с которыми странствовал Эр, пришли к месту, откуда они могли видеть

> прямой Свет, протянутый сверху через все Небо и Землю, словно столп, цветом подобный радуге, но ярче и чище… Этот Свет и есть то, что связывает Небеса воедино; как подпояски скрепляют корабли, так он скрепляет весь круговорот Неба; а от его концов тянется Веретено Необходимости, которое производит все небесные обращения.[**]

[**] «Мифы Платона», пер. Дж. А. Стюарта, с. 141.

Пряслень этого веретена заключал в себе семь других пряслен, вложенных один в другой, как шкатулки, и на каждом из них восседала Сирена, издававшая звук одной высоты, а все звуки вместе слагались в единую гармонию. Неподалеку на престолах сидели три Мойры — прошлого, настоящего и будущего, — которые вращали пряслены: одна вперед, другая назад, а третья попеременно то в одну, то в другую сторону. И великий Столп Света проходил сквозь середину всего.

Теперь мы видим, что это изображает действительное восприятие того, к чему в другой книге* мы пришли так трудно и умозрительно, — длинного тела Солнечной системы, невообразимо славного столпа четырехмерного Солнца, облеченного в поющие спирали планетных орбит, в котором восемьдесят лет человеческой жизни существуют вместе в едином мгновении. Это и есть электронный мир, вольным гражданином которого является дух и в который бытие человека, по-видимому, рождается на безвременные сорок минут после смерти.

---

* «Теория небесных влияний», глава 5.

Так же видел и святой Иоанн на Патмосе:

> Я был в духе в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний… Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною; и, обратившись, увидел семь золотых светильников и, посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом: глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи, и голос Его, как шум вод многих. Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его

выходил острый с обеих сторон меч; и лице Его — как солнце, сияющее в силе своей… И Он положил на меня десницу Свою и сказал мне: не бойся; Я есмь Первый и Последний, и живый; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти.**

** Откровение святого Иоанна Богослова, 1:10–18.

Это то же видение бытия Солнечной системы: ее лик — Солнце среди семи светил планет, ее тело облечено в их оболочки и украшено мечом Марса, поясом Венеры, венцом Сатурна и ногами сияющего Меркурия. Такое видение может принадлежать лишь сознанию, наделенному электронным телом и существующему в электронном мире, где, как мы сказали, оно было бы свободно во всей Солнечной системе. «Я был в духе…» — говорит о себе сам Иоанн.

Но этим самым описанием святой Иоанн отвечает на наш прежний вопрос. Ведь, в отличие от Эра Памфилийца, Иоанну, по-видимому, не пришлось входить во врата смерти, чтобы увидеть такое видение. По его свидетельству, он был «в духе», то есть вошел в электронный мир и через его посредство увидел все вечное бытие Солнечной системы, будучи еще физически жив. Более того, он вернулся в наш мир и даже попытался записать пережитое, хотя задача эта была, очевидно, невыполнима.

Такой человек должен был приобрести для себя в этой самой жизни не только душу, но и дух. Как Ной проводил свои дни, строя ковчег, чтобы уцелеть в грядущем мире воды, так и эти люди за время своей жизни на земле создали носитель, на котором можно пройти сквозь электронный катаклизм и уцелеть в мире света. Но если задача Ноя состояла в том, чтобы создать для человеческого сознания дополнительную и еще более прочную оболочку, то им

предстояло перенести сознание в новый носитель — не только намного тоньше физического тела, но тоньше любой энергии, какая в этом теле есть.

Что это значит? Хотя мы и не понимаем, и даже не догадываемся, чего может потребовать создание души, это сотворение нового тела из материалов, которые есть, но тратятся впустую, по крайней мере можно себе представить. Дух же сделан из материалов, которых у человека нет. Ведь обычно человек не располагает свободной электронной энергией. Он не испускает света. Обычно он не может передавать свои мысли или действовать на расстоянии. У него нет ни одной силы, свойственной этому состоянию вещества. Можно сказать, что у него есть право на душу, даже если души у него нет; но на дух у него нет природного права. Его дух был вольным даром Бога в начале и остается у Него. Чтобы найти его, человек должен вернуться туда, откуда пришел.

Обретение духа означает превращение вещества. Сначала человек должен приобрести душу, обратив всю свою молекулярную энергию к этой единственной цели. Затем ему предстоит научиться связывать эту душу с еще более высоким уровнем — уровнем, на котором ею уже нельзя злоупотребить. Он должен превратить ее в такую напряженность, которой не может пережить отдельная личность и где поэтому понимание становится постоянным. Такая напряженность встречается только на электронном уровне. Это значит, что он должен наполнить душу духом. В самом себе он должен научиться превращать молекулярное вещество в электронное, то есть расщепить атом и высвободить внутри себя такую степень энергии, которую начинает измерять лишь наш век. Только

высвобождение такой энергии может поднять его в тот божественный мир, о котором свидетельствуют эти видения.

Все это значит, что обретение духа мы не можем себе представить. Мы можем лишь сказать, что запись Иоанна, пусть она и передает немногое, доказывает самое важное: путь из физического мира живых людей в электронный, или божественный, мир действительно существует, и живые люди проходили туда и возвращались обратно.

V

БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА В НЕВИДИМЫХ МИРАХ

✦

Смутно разглядев беспредельные возможности молекулярного и электронного миров, через которые человек, по-видимому, проходит между смертью и рождением, мы должны теперь встретиться лицом к лицу с одной основополагающей идеей. Это идея о том, что силы человека и его бытие — две совершенно разные вещи и что употребление первых всегда должно зависеть от второго.

Принято считать, что сильный человек не обязательно добрый человек. Он может им быть, а может и не быть. Между этими двумя свойствами нет связи. Его сила относится к его силам, а степень его доброты — к его бытию. И эту силу он может равно употребить на то, чтобы трудиться для тех, кто слабее его, или на то, чтобы заставить их трудиться на себя.

То же самое видно в случаях, когда человек на время обретает новые силы. Бывает, что человек высвобождает в себе какой-то источник почти сверхчеловеческой энергии и выносливости, и тогда на короткое время он может сделать невозможное и не замечает ни опасности, ни боли, ни обычных соображений безопасности или страха. Но у одного человека эта сила высвобождается, скажем, когда он спасает ребенка из горящего дома, а у другого она связана с приступом слепой ярости, в

котором он мечется, бросаясь с ножом на всякого встречного. Энергия может быть одинаковой, но она служит разному бытию.

Точно так же внезапно доставшееся большое наследство может открыть вдумчивому и владеющему собой человеку всевозможные новые и интересные возможности, тогда как слабого человека погубит поток новых искушений, с которыми он не в силах совладать. Возрастание силы всегда становится решающим испытанием для носителя — как повышенное электрическое напряжение заставит одну лампу засиять вдвое ярче, а другую мгновенно перегореть. Можно сказать, что это испытание бытия двух ламп.

Основополагающая идея состоит в том, что переход в новое состояние не означает изменения бытия человека; напротив, тогда-то и откроется истинное бытие человека, как бы хорошо он ни скрывал его прежде. Это всегда признавалось в оккультной мысли, где черная магия нередко понималась как приобретение новых сил при том, что бытие человека со всеми его слабостями, желаниями, личными вожделениями и честолюбием оставалось прежним. О том же говорит карта Таро «Колесница», и о том же — сказание об Икаре, который подлетел слишком близко к солнцу на крыльях, скрепленных одним лишь воском, и, когда воск растаял от жара, был низвергнут на погибель. «Крылья» — это, очевидно, новые силы, а «воск» — старые слабости.

Вступление в электронный и молекулярный миры в смерти, со всем, что из этого следует, должно, таким образом, быть последним и самым страшным испытанием бытия человека.

Как может человек судить о своем бытии? Его бытие измеряется его желаниями — тем, чего он хочет. Этот способ издавна применяется в сказках, где человеку, которого испытывает судьба, дают три желания. И, как показывают такие

сказки, желания человека обычно столь порывисты, противоречивы и разрушительны, что, когда дело доходит до третьего, ему обычно не остается ничего, кроме как пожелать вернуться в те обстоятельства, какими он наслаждался вначале, и выбраться из ужасных затруднений, которые он создал первыми двумя.

Здесь слышится странный отзвук трех последовательных жизней человека — в духе, в душе и в теле — и намек на то, почему, получив чудесные возможности первых двух, он, как подсказывает миф об Эре, может не придумать ничего лучшего, чем выбрать в точности тот же образец физической жизни, какой был у него прежде.

Если мы хотим судить о бытии человека с точки зрения последнего испытания — смерти, то первым вопросом будет: к какому миру относятся его желания? Ведь желания, относящиеся к физическому, или клеточному, миру, будут там, естественно, столь же неуместны и опасны, как младенческое желание сосать грудь в мире взрослых людей. Что может случиться с человеком, все бытие которого состоит из желаний, связанных с физическим удобством, с ощущениями еды и питья и с чисто физической стороной пола, если у него нет клеточного тела и он не существует в клеточном мире? Он будет как рыба, вынутая из воды, для которой то, что возможности существования в воздухе бесконечно больше, ровно ничего не значит: каждое мгновение будет для нее мукой, и она может лишь всем своим существом жаждать, чтобы ее бросили обратно в море.

Удар такой перемены состояния для человека, совершенно к ней не готового, все бытие которого было сосредоточено на физических явлениях, неизбежно вызвал бы беспамятство — так же как человек, годами запертый в темной камере и затем

внезапно выгнанный на яркий солнечный свет, был бы совершенно ослеплен и, вероятно, лишился бы чувств. «Тибетская книга мертвых» и в самом деле настаивает на том, что все обычные люди в смерти впадают в обморок, который длится три с половиной дня, то есть, по нашей логарифмической шкале, всю жизнь духа, проведенную в электронном мире, и две трети жизни души в молекулярном. Эти более тонкие состояния вещества, со всеми их чудесными возможностями знания, проникновения и понимания, согласно этой идее, слишком сильны для неподготовленных людей, которые приходят в себя от обморока лишь в старости души, когда процессы уже замедлились до скорости, всего в десять раз превышающей скорость при зачатии.

Согласно тому же тексту, египетской «Книге мертвых», средневековой «Книге об искусстве умирания» и другим подобным учениям, умирающий должен пройти напряженную подготовку, чтобы суметь вынести сильнейший удар новых состояний. Чем быстрее он сможет вернуть себе сознание, тем выше он сможет подняться и тем больше понять и пережить. Как у человека, ныряющего в ледяное море, неизбежно будет мгновенное затмение сознания, но все зависит от того, как быстро он сможет прийти в себя и вспомнить себя.

Таким образом, если «Тибетскую книгу мертвых» можно принять как вероятную, то большинство неподготовленных людей так никогда и не изведают жизни духа, или электронного мира, хотя, по устройству вселенной, каждый человек имеет на это право. Это его право по смерти — как бывает право по рождению, — которое он продает за чечевичную похлебку привязанностей к вещественному.

При обычном состоянии его бытия иначе и быть не может. Переход из физического мира в молекулярный можно сравнить со

взрывом бомбы, вещество которой в одно мгновение превращается из нескольких кубических дюймов желатина в тысячи кубических футов газа. Но переход из физического мира в электронный был бы буквально подобен взрыву атомной бомбы, где расширение столь велико, что образуется вихрь, проходящий сквозь всю атмосферу Земли и уходящий в солнечное пространство. Снимки атомного взрыва и в самом деле поразительно наглядно изображают идею «восхождения на небо».

Но чье сознание достаточно сильно, чтобы связать себя со взрывом атомной бомбы и сохранить при этом осознанность? Если раздражение, лесть или внезапный окрик могут мгновенно лишить человека всякого ощущения своего собственного присутствия и существования, какая есть возможность сохранить это ощущение сквозь невообразимый удар смерти?

Для этого человеку пришлось бы пройти самую напряженную подготовку и выучку. Ему пришлось бы приобрести невероятно сильное бытие, которое сверхчеловеческими усилиями привыкло бы выдерживать без утраты самосознания самые сильные удары, тяготы, лишения и насилия, какие только можно встретить в физическом мире. Только тогда мог бы он надеяться вынести последний удар смерти, не впав в бесчувственный обморок.

Такая возможность явно не относится к обычному человеку. Его задачей в смерти будет понять, где он, и найти, на что опереться, когда, как говорится в ярких словах «Тибетской книги мертвых»,

> ты пребывал в обмороке последние три с половиной дня. Как только ты очнешься от этого обморока, у тебя возникнет мысль: «Что случилось!» [Ибо] в это время вся Сангсара [феноменальная вселенная] придет в круговращение.*

[*] У. Й. Эванс-Венц, «Тибетская книга мертвых», с. 105.

Поэтому мы можем попытаться представить себе ощущения человека, пробуждающегося в молекулярном мире, и спросить, как на это пробуждение повлияет природа его бытия.

Первая его задача относилась бы, конечно, к нему самому. Что со мной случилось? И здесь сразу же его ощущение, или отклик, зависело бы от того, как он относился к себе при жизни. У большинства людей представление о себе связано с телом определенного возраста, облика и здоровья, с привычными физическими ощущениями и повторяющимися болями, и снабжено определенным именем. Для таких людей ощущение, что они лишились этого тела, было бы одним из величайших ужасов. Они не знали бы, кто они такие и существуют ли вообще. Всякий, кто испытал, когда его тесная связь с телом была поколеблена действием наркоза или каким-то глубоким душевным потрясением, это необычайное ощущение: «Кто я? Существую ли я на самом деле?» — уже смутно предвкушал такой опыт.

У человека слабого или боязливого бытия это чувство, что у него нет тела и, значит, его самого нет, вызвало бы глубочайший ужас. И он тотчас же попытался бы создать или вообразить себе тело, подобное тому, которое привык называть «я». Поскольку он существовал бы в молекулярном мире и был бы наделен телом из молекулярного вещества, которое по своей природе может проходить куда угодно и принимать любую форму, он отчаянно старался бы вылепить из него подобие своего прежнего физического тела. Чем прочнее при жизни его индивидуальность отождествлялась с телом, тем успешнее, можно ожидать, это бы ему удавалось; а молекулярное вещество так послушно мысли, что он мог бы даже убедить себя, будто все еще обладает своим прежним телом или вовсе его не покидал.

Так все могло бы казаться ему по-прежнему знакомым; он успокоился бы на том, что существует. Но тем самым он добровольно пожертвовал бы всеми новыми переживаниями и возможностями иного восприятия и понимания, заложенными в мире, где он теперь живет.

Например, его молекулярное тело, как мы заключили раньше, обладало бы способностью проникать в другие физические тела и тем самым ощущать их природу: оно могло бы осознать сущность другого человека, или дерева, или скалы. Молекулярное тело обладало бы, таким образом, необычайно возросшей способностью понимать природу вселенной и становиться единым с другими созданиями. Но человек слабого бытия пришел бы в ужас от всякого такого опыта, который означал бы для него утрату физического облика и тождества с собой, а без них у него не было бы подтверждения его существования.

Теперь становится ясно, почему электронный мир милосердно закрыт для обычных людей обмороком. Ведь если в молекулярном мире можно сделать себе тень физического облика из вещества, сравнимого с запахом, то в электронном мире такая попытка была бы совершенно невозможна. Огромная скорость, яркость и сила рассеяния действующей там энергии означали бы, что индивидуальность каждую секунду рушилась бы в бездну света и силы; и всякая попытка удержать ее в таких границах была бы в тысячу раз тщетнее, чем попытка изваять статую из ртути. В таком мире человек, неспособный выйти за пределы обычных представлений о «физическом себе», сошел бы с ума от ужаса и бессилия, если бы его не спасало бесчувствие — так же как при жизни его спасает обморок от слишком сильной боли.

В молекулярном же мире, напротив, можно представить себе, что обстоятельства, обстановка, иллюзии и привычки физической

жизни воспроизводятся и даже обретают некое мнимое существование, хотя и оторванное от клеточных тел, которые одни придавали им смысл. Поскольку бытие человека не меняется с переменой состояния, те вожделения, которые владели его бытием в физическом мире, — будь то богатство, удобства, женщины, еда или питье, — владели бы им и там; и, не имея средств наслаждаться физическими предметами своего желания, ему пришлось бы довольствоваться молекулярными «запахами», или эссенциями, которые они испускают.

У. Й. Эванс-Венц рассказывает любопытную историю о жителях деревни на юго-западе Индии, которые по обряду поливали особыми сортами пива и виски могилу умершего европейца-плантатора, чей призрак, как они уверяли, не оставлял их в покое, пока его не снабжали теми же напитками, каких он требовал при жизни.* Точно так же можно ожидать, что такие одержимые души будут посещать места или людей, которые сильнее всего притягивали их физическую жажду.

---

* У. Й. Эванс-Венц, «Тибетская книга мертвых», с. xxxv.

Чем для тела является физическая жажда, тем для ума является разнузданное воображение. Это также один из главных показателей бытия человека. Какова же была бы роль воображения в молекулярном мире души? В материальном мире мечты человека о радужных или ужасных возможностях рано или поздно всегда ограничиваются фактами физического существования, необходимостью добывать пищу и кров для физического тела или для тех, кто от него зависит. Здесь ему приходится иногда выходить из своих мечтаний — хотя бы для того, чтобы поесть или не попасть под колеса. Но в нематериальном мире, не стесненный действительностью, он мог

бы жить целиком в мечтах. Он мог бы проводить все свое время среди картин и обстоятельств, созданных его собственным воображением, играя там свои излюбленные воображаемые роли, и прерывали бы его лишь столь же воображаемые страхи и ужасы, возникающие из других сторон его собственного ума. Такие воображаемые картины, приключения и действующие лица, естественно, зависели бы от опыта, стремлений и опасений человека при жизни и были бы у каждого свои. В «Тибетской книге мертвых», например, для каждого дня после смерти описаны чрезвычайно сложные и подробные видения богов, демонов, небес и адов, но всегда с наставлением умершему:

> «Не страшись этого. Не ужасайся. Не трепещи. Узнай в них воплощение твоего собственного разума».*

---

* У. Й. Эванс-Венц, «Тибетская книга мертвых», с. 141.

Итак, хотя в молекулярном мире каждый человек мог бы пережить свой собственный рай и свой собственный ад, все это не имело бы никакой объективной реальности. Он жил бы лишь среди теней настоящих вещей, не в силах, подобно Танталу, когда-либо коснуться или вкусить винограда, образ которого висел перед ним. Таков был бы удел людей чисто физической природы в нефизическом мире. Это и есть призрачные мертвецы греческого Аида, несчастные духи тибетской Преталоки, томящиеся по тому, чем им никогда не насладиться.

Вместе с тем мы должны помнить правило: обычные неподготовленные люди никогда не могут судить о бытии других людей и оценивать их внутренние ценности и настоящие привязанности, потому что на пути неизбежно встают их собственные привычки и предубеждения. Так может случиться, что некоторые люди, которые кажутся нам целиком преданными

физическим ощущениям, на деле обратились в эту сторону от разочарования в более искусственных сторонах человеческой жизни; или же благодаря росту осознанности они, возможно, нашли способ сделать так, чтобы физические впечатления питали также умственную и эмоциональную стороны их природы. Очевидно, что удел таких людей в невидимом мире мог бы сильно отличаться от того, что здесь описано.

Ибо лишь одно отделяло бы чистилище, которое терпят люди, всецело преданные чувственности, от невообразимого рая нового знания, свободы, опыта и истины. Это разница между вожделениями и стремлениями людей разного бытия.

Ведь как у людей физических аппетитов смерть отнимает единственное средство потакать им, так у людей бескорыстных и более благородных порывов она убирала бы главное препятствие и давала бы невероятную возможность утолить такое стремление. Человек, жаждавший знания и ради этого способный забыть личные желания и слабости, в новом состоянии смог бы непосредственным восприятием понять действие законов природы. Его молекулярное строение, например, позволило бы ему воспринимать природу магнетизма, звука и музыки и так далее; он мог бы расширить свое сознание настолько, чтобы постичь бытие гор, морей и других органических единств, слишком больших, чтобы их охватили физические чувства. И поскольку нижний предел физического зрения и физического осязания, действующих через свои клеточные орудия, — это предмет масштаба самых крупных клеток, то можно ожидать, что восприятие молекулярного тела проникало бы вниз, в область отдельных молекул.

Тело из молекулярного вещества, наделенное человеческим разумом, было бы само себе и микроскопом, и телескопом, и

орудием для многих других видов сверхфизического ощущения, которые еще не воспроизведены машинами, созданными человеком. Ученый, наделенный таким телом, если только его не сковывали бы чисто человеческие страхи и слабости, несомненно, жил бы в своем особом рае.

Поэт тоже, который в физическом мире полагается на смутные предчувствия чувств, картин и настроений, на неопределимые ощущения бытия мужчин, женщин, городов, морей и лесов, мог бы там воспринимать природу этих вещей непосредственно — проникновением, а не внешним восприятием. Человеколюбец наконец смог бы понять нужды других, вместо того чтобы навязывать им свои. А человек, желающий учиться, смог бы в одно мгновение пересечь мир в поисках учителя того уровня мудрости, какой ему нужен.

Так возможности в молекулярном мире были бы ограничены лишь воображением, заслоняющим настоящую природу вещей личными картинами ума, и косностью чувства «я». Ведь именно это последнее помешало бы человеку войти в бесконечные формы, теперь ему открытые, — так же как в жизни благопристойному обывателю может помешать войти в портовый кабак или на прием во дворце одно лишь чувство, что он «не такой человек». Даже в физическом мире перед человеком открыто бесчисленное множество возможностей, которые остаются неосуществленными не из-за какого-либо действительного препятствия, а единственно из-за неуверенности в себе, тревоги, страха перед мнением других и тому подобного. Конечно, здесь такие воображаемые препятствия поддерживаются и оправдываются настоящей бедностью, настоящими болезнями, настоящей болью и настоящими недостатками тела и ума. Но там, в нефизическом мире, таких

объективных препятствий не было бы. Все зависело бы от того, что человек думает о себе и чего требует от себя.

Человек, который считал себя физическим телом, жил бы в призрачном подобии физического мира, мучимый невозможностью потакать тому, чего больше нет. Человек, который считал себя миллионером, продолжал бы копить воображаемое богатство и пользоваться воображаемой властью, все время обремененный заботами о сохранении того, чем больше не владеет. С другой стороны, человек, который считал себя математиком, жил бы в мире математических законов, а биолог — в мире законов природы, так что их позднейшие открытия в физическом мире, быть может, следовало бы видеть как смутные воспоминания о законах, непосредственно воспринятых в сверхфизических мирах между смертью и рождением.

Так и человек, который всем своим бытием верил, что все существует в Боге, и мог совершенно забыть в этой убежденности о своем личном существовании, мог бы на деле пережить эту истину. И если бы он ее пережил, невозможно поверить, что знание и уверенность, данные таким опытом, когда-либо снова покинули бы его, каковы бы ни были обстоятельства его следующего рождения.

VI

ВРЕМЯ В НЕВИДИМЫХ МИРАХ

✦

Хотя все, что мы вывели о невидимых мирах, кажется и удивительным, и разумным, мы, по-видимому, все еще недостаточно порвали с обычными восприятиями физической жизни. Ведь там все должно быть совершенно противоположным, обратным и противным всему, что мы знаем здесь. Именно потому тот мир для нас и невидим — как лицевая сторона монеты неизбежно невидима тому, кто смотрит на ее оборот.

Труднее всего нам помыслить с противоположной точки зрения время. Обычно мы представляем себе, что есть одно время, текущее в одном направлении и с одной скоростью. Мы уже попытались порвать с мыслью об одной скорости течения и показали, что есть все основания полагать: течение становится все медленнее и медленнее позади нас, к прошлому, и все быстрее и быстрее впереди, к будущему. И мы попытались увидеть следствия такого ускорения времени и природу иных миров, в которые это ускорение неизбежно ведет.

Но остается еще одно предвзятое представление, с которым нужно порвать, — что время всегда должно течь в одном и том же направлении. В сущности, приняв мысль, что смерть и рождение — одно, что человек возвращается к началу и вступает в повторение своей прежней жизни, мы уже приняли мысль, что

где-то и как-то время может идти вспять, может иметь обратное течение, несущее людей назад, от их конца к их истоку. И такое устройство, казалось, подразумевалось в механизме солнечной системы, открывшемся в видении Эра: он увидел витки, или спирали, планетного времени, вращающиеся в противоположные стороны, — Судьба настоящего крутила их в одну сторону, Судьба будущего — в обратную, а Судьба прошлого — то в одну, то в другую. Иначе говоря, одна система спиралей словно несет людей вперед через их земное поприще, а другая незримо несет их обратно, туда, откуда они начали.

Однако второй платоновский миф развивает эту мысль гораздо подробнее. Этот миф из «Политика» мы уже приводили, вспоминая слова Чужеземца о том, что

> этот космос в течение некоего времени сам бог помогает вести и направлять в его круговом движении; а потом, когда назначенные ему круги времени исполнят свою меру, отпускает его. И тогда начинает он сам собою вращаться в обратную сторону, ибо он живое существо, получившее разум от того, кто вначале его сотворил.[1]

[1] «Мифы Платона», в переводе Дж. А. Стюарта, с. 179.

Это описание, казалось, с поразительной точностью подходило к фигуре двух соединенных кругов, или знаку бесконечности, к которой мы пришли, чтобы обозначить связь между видимой и невидимой жизнями человека. Но следствий этой связи мы тогда не рассмотрели.

Что значит, что «круговое движение» времени в невидимом мире обращается вспять? Есть ли у нас ключи к пониманию этой задачи? Пожалуй, есть. Вспомним, например, теорию, которую развил Успенский, заметив, что запутанные сюжеты сновидений

порождаются тем самым событием, которое нас будит: многие сны, если не все, должны сниться задом наперед, от конца к началу.[2] И вспомним другую мысль — что почти мгновенное повторное переживание жизни утопающими тоже идет в обратном порядке, то есть от мгновения, когда человек тонет, назад, к рождению.

[2] П. Д. Успенский. «Новая модель вселенной», с. 289.

Оба эти примера вызывают в памяти устройство кинопленки и проектора. Получасовой фильм содержит столько же кадров, или картинок, сколько дней содержит жизнь человека, так что сравнение это очень наглядно. В покое пленка намотана на катушку. Пропущенная через проектор с нужной скоростью, она создает иллюзию движущегося изображения, живой истории и все это время перематывается с первой катушки на вторую. Когда показ окончен, пленка оказывается намотанной на вторую катушку, но в обратном порядке. Чтобы подготовить ее ко второму показу, ее нужно снова перемотать на первую катушку. Обычно это делается механически, с большой скоростью и без проекционного света, то есть невидимо, в невидимом мире. Не может быть более точной модели жизни человека в двух мирах. Время в невидимом мире должно идти вспять. Как же может быть иначе?

Платон в мифе «Политика», по-видимому, относил мысль о времени, текущем попеременно то назад, то вперед, к разным эпохам большего космоса — Земли. Но вместе с тем он указывал, что этот принцип должен относиться ко всем космосам, включая микрокосм человека. Ибо так Бог устроил свое творение: сперва высшая сила заводит пружину, затем часовой механизм идет по механическим законам.

И в самом деле, взяв этот принцип в большем масштабе, Платон показывает много любопытных и неожиданных следствий такой перемены. Он очень живо описывает, как она сделала бы людей землерожденными: люди начинали бы с того, что их составные части собирались бы под землей в человеческий облик, этот облик в должный срок выбрасывался бы из могилы и через день-другой, побыв на воздухе, начинал дышать. Он описывает, как старые становились бы моложе, переходили к зрелости, юности, детству, делались все меньше и меньше и так исчезали.

Сам Платон не дает себе труда показать, как такое обращение времени полностью поменяло бы ролями и различные царства природы: как растения, вместо того чтобы рождаться из земли и быть съеденными человеком, тогда, подобно нынешним людям, казались бы рожденными от людей и погребенными в земле; а люди, вместо того чтобы рождаться от своих матерей и быть погребенными в земле, подобно растениям рождались бы из земли и поедались своими матерями.

Платон просто оставляет нам принцип. Но само существование этого принципа переворачивает все наше представление о времени, о причине и следствии, о добре и зле, о спасении и о любой другой задаче, перед которой стоит человек. Ибо это мысль такой силы, напряженности и таких далеких последствий, что ее невозможно было выдумать. Она слишком сильна для человеческого воображения, которое само по себе способно рождать лишь слабые идеи, расслабляющие мысли.

Рассмотрим подробнее, что следует из времени, текущего вспять, имея в виду, что именно такова должна быть природа времени в невидимом мире. Прежде всего нужно рассмотреть, что происходит с нашим представлением о причине и следствии. Причина и следствие — просто описание разных ступеней

временной последовательности: то, что идет прежде, принимается за причину, то, что следует после, — за следствие. Но если бы время обратилось, следствие стало бы причиной, а причина — следствием.

Возьмем простой пример. Человек разгневан на меня, он говорит колкость, я ее слышу и обижаюсь. Обратим время. В моей голове проходят мысли обиды; нервным импульсом они передаются моим барабанным перепонкам, те приходят в колебание и посылают звуковые волны по воздуху к его гортани; она отзывается созвучным колебанием и в свою очередь посылает нервные импульсы в его мозг и солнечное сплетение, где они превращаются в мысли и ощущения страстного гнева. И вот — моя обида оказывается причиной его гнева. Я сам ответствен за все, что мне говорят. Во мне лежит причина всего, что я вижу, слышу и воспринимаю. Я сам создаю тот мир, в котором живу.

При таком движении времени благотворитель отбирает у бедных деньги и делает их нищими; убийца дает рождение убитому и ответствен за его жизнь.

А великий писатель, какой-нибудь Шекспир? По всему миру люди исполнены благородных, странных и трагических мыслей и чувств. Они берут в руки потрепанные, зачитанные тома и переносят в них свои высшие эмоции. Если это делают тысячи или миллионы людей, тома от этих эмоций становятся новыми, сходятся вместе, проходят вспять через печатный станок, сводятся ко все меньшим и меньшим изданиям и по прошествии веков сжимаются в единственную рукопись.

Эту рукопись в конце концов находит Шекспир. Он кладет ее на стол перед собой, переворачивает страницы, слова втекают обратно в его перо, и движение пера рождает в нем необычайный пыл силы и понимания. Когда все втекло обратно, он исполнен

восторга и знания. Все, что чувствовали миллионы людей, вошло в него: читатели создали Шекспира.

Что все это значит? Это значит, что вселенная едина, что каждая ее часть зависит от каждой другой части, каждое явление связано со всеми другими явлениями и ничто не может измениться без того, чтобы не изменилось целое. Именно это знание рождает в великих спасителях человечества, в высших людях, чувство, что они ответственны за все зло и все страдание мира. Если смотреть в одном направлении времени, такие люди вбирают в себя, усваивают огромные количества человеческой боли и невежества; если смотреть в другом — кажется, что они их порождают. Это другое направление воспринимают только они. В этом восприятии, принадлежащем невидимому миру, они знают, что они и это безбрежное море страдания неразделимы. Они знают, что ответственны за все, что было до них. Они знают, что никакого прочного удовлетворения им как отдельным людям не достичь, пока не поднимется уровень всего человечества, пока все человечество не возродится — в прошлом так же, как и в будущем.

Как это возможно? Это значит, что страдающие должны с надеждой ждать своего спасителя, невежественные — предвосхищать свое просветление; они должны быть уже исцелены тем, что произойдет. В этом внутренний смысл веры. Вера — то, чем человечество облегчает невыносимое бремя учителей и спасителей в обращенном времени; то, чем поднимается уровень целого.

Только с мыслью об обращенном времени мы можем увидеть истинное значение обета бодхисаттвы — не входить в нирвану, пока не будут спасены все чувствующие существа и все создания повсюду не будут поставлены на путь состояния будды.[3] Ибо этот обет должен рождаться из видения вселенной такой, какова она

есть, то есть в обращенном времени и над временем. Только люди, замкнутые в нашей обычной иллюзии времени, текущего в одну сторону, могли бы верить в личное спасение и рай, не зависящие от других и от прошлого.

[3] У. И. Эванс-Вентц. «Великий йог Тибета Миларепа», с. 9.

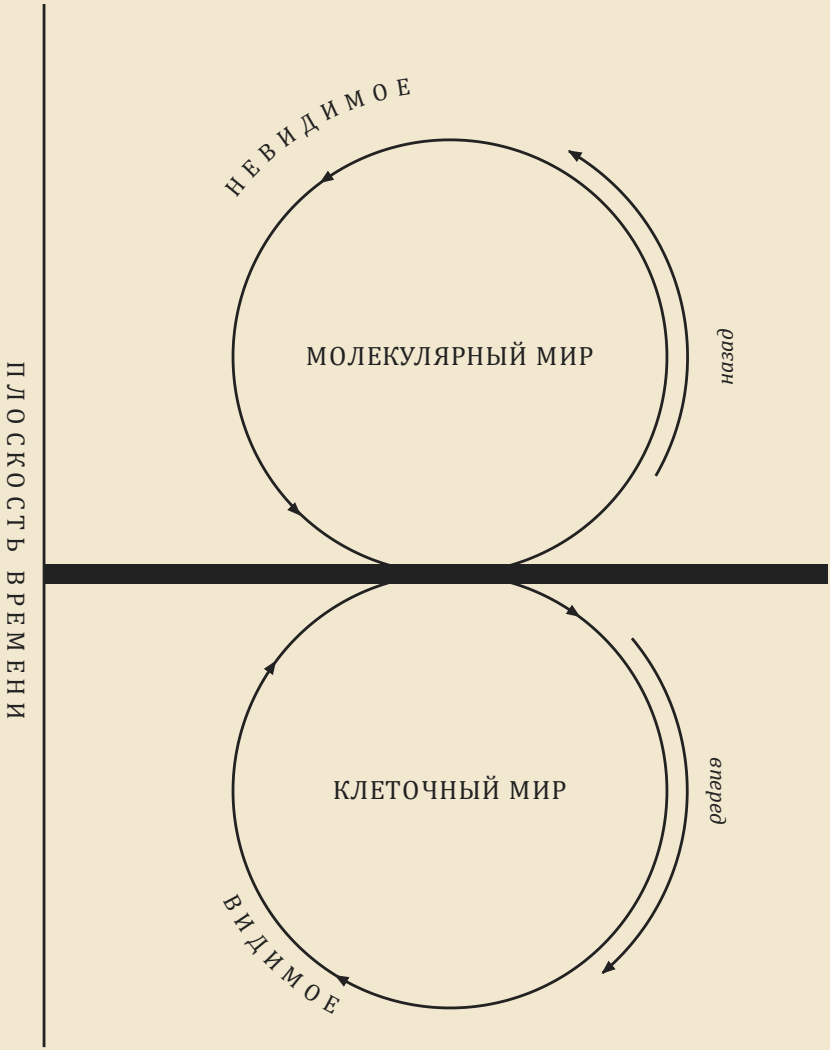
Есть и еще одно странное следствие обращенного времени. Мы уже видели, как звук шел бы от слушающего к говорящему. Но тогда мы не отметили, что и свет теперь исходил бы из всех созданий, вместо того чтобы ими приниматься. Из людей, животных, растений и камней поднималась бы энергия, творящая свет, и свет теперь восходил бы от земли к солнцу. Повсюду из скал поднималось бы тепло, из цветов — цвет, от всего растущего — ультрафиолетовые лучи, и, сливаясь вместе, они снова составляли бы солнечное излучение. Как вся жизнь, какой мы ее знаем теперь, происходит от солнца, так в том, ином времени вся жизнь возвращалась бы туда. Это был бы вдох Брахмы индийской космологии.

Все это, по-видимому, в точности соответствует времени после смерти. Ибо там, вместо того чтобы свет создавал сущность, а сущность — физическую форму, как происходит в известном нам теперь мире, физическая форма, как мы выводим, должна растворяться в молекулярную, а молекулярная — в электронную материю. С другой точки зрения это означало бы обратное превращение клеточных тел в солнечный свет, то есть возвращение того солнечного света, из которого они изначально были созданы. Как наша жизнь явно берет начало от солнца, так при обращении времени она неизбежно возвращалась бы туда.

Такое обращение времени, со всеми описанными нами следствиями, по-видимому, принадлежит природе второго, или

невидимого, круга, по которому душа человека проходит через молекулярный мир, вновь проживая свою физическую жизнь в обратном порядке и ощущая себя причиной, а не следствием всего, что она прежде пережила.

Если мы снова начертим два круга, то увидим, почему это обращение неизбежно. Плоскость чертежа — это плоскость времени; движение по этой плоскости по часовой стрелке — время прямое, или обычное; движение против часовой стрелки — время обращенное; движение по восьмерке, или знаку бесконечности, должно включать один круг вперед и один круг назад, подобно намотке и перемотке кинопленки или подобно виткам, вращаемым в противоположные стороны, в видении Эра. Но все ли это?

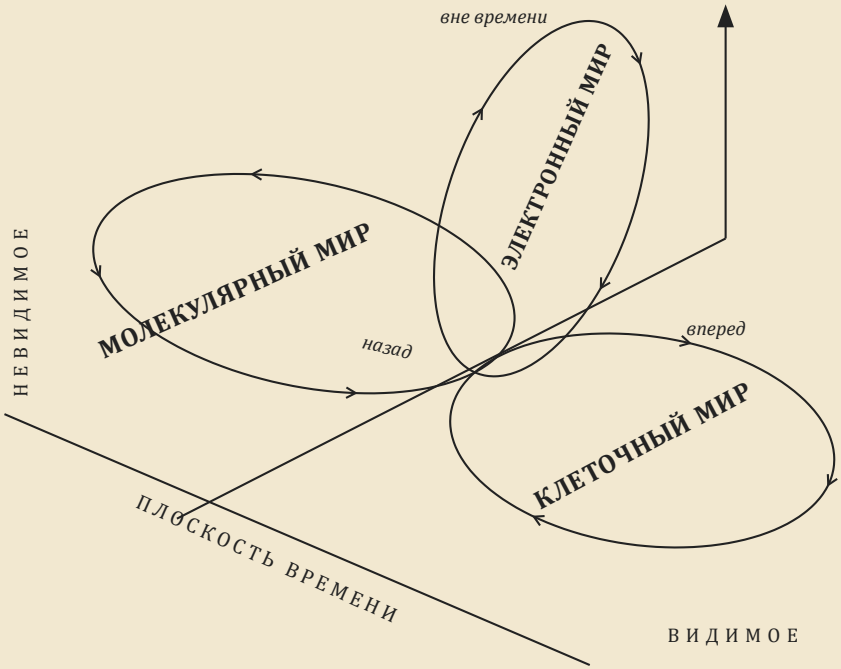
Что вперед, что назад — путь одинаково долог,
Что внутри, что снаружи — одинаково узок.
Время не ждет никого.

«Обойди стороной», —
Говорила Кривая; так и мне здесь придется.[4]

[4] Г. Ибсен. «Пер Гюнт», в переводе Нормана Гинзбери, действие V, сцена 4.

Так восклицает Пер Гюнт в последней крайности.

Чтобы завершить нашу картину, нужно вспомнить, что существует третий круг — круг электронного мира, или духа, — и что этот круг существует в ином измерении. Этот другой круг должен вовсе подниматься из плоскости времени, должен лежать под прямым углом ко времени. Здесь не будет ни прямого, ни обратного времени, потому что все время — прошлое, настоящее и будущее — будет простираться внизу. Время будет существовать без течения, как все длинное тело солнечной системы, над которым одновременно властвовали Судьбы прошлого, настоящего и будущего, сосуществовало, или было развернуто, перед взором Эра Памфилийца.

В третьем круге не может быть ни причины, ни следствия, потому что все одновременно едино. Будущее человека предстает непрерывным продолжением его прошлого, а прошлое — его будущего, подобно тому как единый нерв может тянуться от мозга до кончиков пальцев и ощущаться сразу во всех точках. Бодхисаттва там неотделим от шудры, а шудра от бодхисаттвы, как сердце неотделимо от чрева, а чрево от сердца. Все там едино, и лишь то, что служит искуплению целого, может искупить хотя бы одно создание.

VII

ОКАМЕНЕНИЕ В МИНЕРАЛЬНОМ МИРЕ

✦

О том, какое невообразимо страшное впечатление произвело бы зло жизни каждого человека, если бы оно было предельно сжато во времени и пересмотрено с полным осознанием всего проистекшего из него страдания и собственной вины, мы уже говорили. Такого рода психологическое возмездие, порождаемое переменой в нашем восприятии и понимании времени, — по сути единственный ад, который готов принять современный человек. Психология двадцатого века подготавливает людей к мысли о субъективном аде; но она не допускает возможности какого бы то ни было объективного ада, для которого современная научная космология не может найти места.

Между тем все изученные нами древние тексты — египетские, греческие, тибетские, зороастрийские или средневековые европейские — сходятся в предположении, что существует действительное место возмездия, определенная часть космоса, куда после смерти отправляются те, чья жизнь неисправимо порочна. В каждом случае ясно дается понять, что это совсем иное, нежели субъективные муки, рождаемые ужасом перед итогом собственной жизни, ужасом перед собственным умом, о которых говорилось выше. Ибо их, как сказано, душа испытывает до Суда, и, если она правильно их поймет, они, как полагают, могут

повлиять на этот Суд к лучшему. На старом языке такое страдание называлось «чистилищем», то есть очищением. Согласно «Тибетской книге мертвых», если душа сумеет увидеть этот мир субъективного ужаса и раскаяния таким, каков он есть, в тот же миг она освобождается от круговорота жизней и вовсе минует Суд.

Истинный же ад всегда изображается как действительное место, куда неисправимо злое существо отправляется после Суда и откуда нет возврата иначе как после огромного срока страданий.

На египетском Суде, например, ждет чудовище Аммит, «пожирательница мертвых», чьи крокодильи челюсти предвещают все адские пасти Средних веков. Эта фигура — отчасти рептилия, отчасти лев, отчасти гиппопотам, — встающая из огненного озера, есть «поедательница сердец, пожирательница неоправданных» и для египтянина символизировала своего рода страшного космического мусорщика, чье назначение — поглощать отбросы, или нечистоты, человечества. Перенесенный в климат и обычаи Европы, ад изображается точно в том же смысле — как космическая печь для сжигания мусора.

Эти изображения ада наводят на мысль, что в мире человеческих душ, как в каждом доме и городе, должно существовать некое устройство для уничтожения отходов, которые иначе заражали бы и отравляли целое. Некоторые души, можно предположить, стали слишком гнилыми или слишком жесткими, чтобы и дальше служить в прежнем виде, и потому от них нужно избавиться ради общего здоровья.

Подобное исчезновение из круговорота обычной жизни и смерти представлял себе в наше время П. Д. Успенский, который, рассуждая о вечном возвращении, говорит о возможности того, что душа «умирает», «то есть когда после многих жизней, проведенных в скольжении по наклонной плоскости, в движении

по сужающейся спирали, со все более и более скорым концом, душа перестает рождаться».[1]

[1] П. Д. Успенский. «Новая модель вселенной», с. 497.

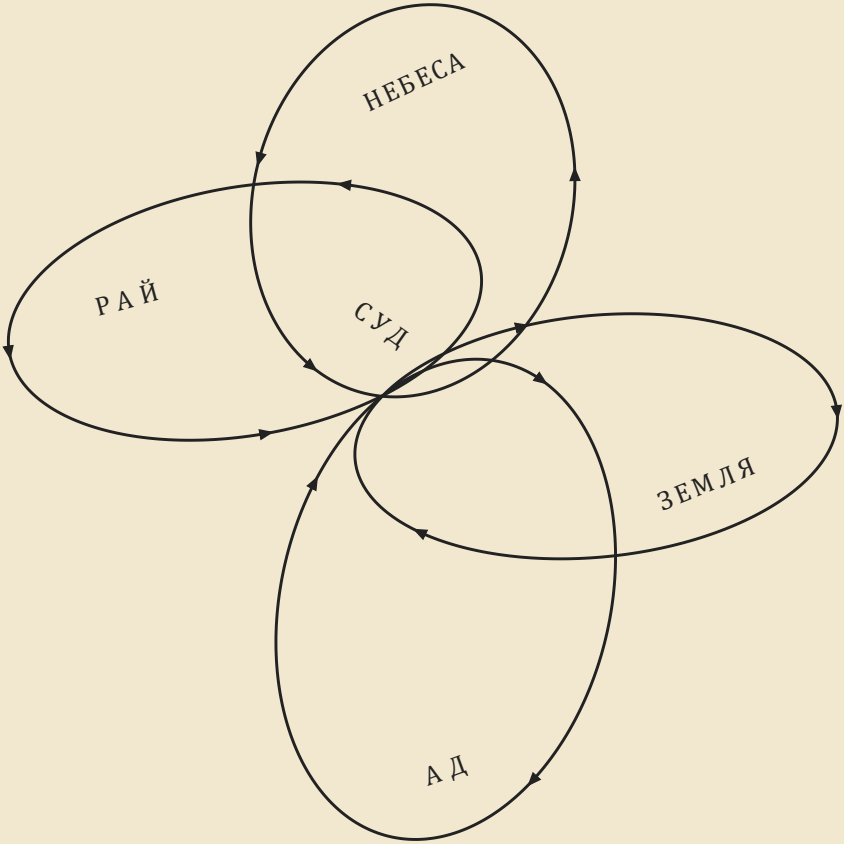
Но куда же она уходит тогда? Поскольку ничто не может исчезнуть из вселенной иначе как с распадом целого, то если душа перестает рождаться здесь, это должно означать, что она рождается в какой-то иной части космоса. Должно быть царство ниже царства органической жизни — для нисходящих душ, точно так же как раньше, рассматривая молекулярное и электронное состояния материи, мы пришли к заключению, что должны быть высшие царства для восходящих.

Очень яркий образ той же мысли передает зороастрийское учение. Здесь великое перепутье и миг Суда между жизнями изображены в виде страшного моста Чинват. По нему праведная душа с помощью совести проходит невредимой. Но неисправимо злая душа, устрашившись лезвия бритвы, падает с середины моста вниз головой в бездну ада. То есть она выпадает из кругов возможной эволюции.[2]

[2] Иранский «Бундахишн», цит. по: Дж. Д. К. Паври. «Зороастрийское учение о будущей жизни», с. 95.

Этот образ моста Чинват поразительно напоминает то место на нашей схеме, где сходятся три круга различных существований. Очевидно, в этом месте встречи можно сорваться — упасть, то есть, в еще один круг, в единственном оставшемся измерении.[3] Этот круг, противоположный электронному, или солнечному, должен спускаться в самую нижнюю, самую плотную, самую медленную и самую неизменную часть космоса.

[3] Тибетское слово для мира ада, «хунг», означает «павший».

Здесь мы снова вспоминаем видение Эра.

> Они пришли в некое призрачное место, где были два отверстых Устья Земли, близко одно от другого, а напротив них, вверху, два Устья Неба; и между ними восседали Судьи, которые, вынеся свои приговоры, велели праведным идти дорогой, что ведет направо и вверх, через Небо… а неправедных отсылали дорогой, что ведет налево и вниз… Он видел, как души, когда над ними был произнесен суд, уходили — одни через одно из Устьев Неба, другие через одно из Устьев Земли; а еще… видел он, как через два других

> Устья души возвращались: одни поднимались из Земли, запыленные с дороги, покрытые прахом, другие спускались с Неба, чистые.

Схема, к которой мы пришли, предстает теперь точным изображением того, что описывает Эр. Если представить круги путями, то, стоя в точке их пересечения — месте встречи всех миров, — мы и в самом деле увидели бы два входа в электронный, или божественный, круг: один, по которому души восходили, и другой, по которому они возвращались; и равным образом два входа в неведомый бездонный круг: один, в котором души исчезали, и другой, из которого они могли вновь появиться.

Продолжим видение.

> И он сказал, что все они, приходя… с радостью сворачивали на Луг и располагались там станом, словно на собрании… Так беседовали они друг с другом — одни стеная и плача, когда вспоминали обо всем страшном, что претерпели и видели в своем странствии под Землей, — а странствие это, по его словам, длилось тысячу лет… [Ибо] по числу обид, какие кто-либо когда-либо причинил, и по числу тех, кого он обидел, он несет кару за все по порядку, по десять раз за каждую: платит же он раз в сто лет, ибо сто лет считаются сроком человеческой жизни; так и выходит, что цена злодеяния выплачивается десятикратно.[4]

---

[4] «Мифы Платона», в переводе Дж. А. Стюарта, с. 157.

Вот и тот самый ключ, которого мы ждали. В аду все в десять раз дольше, в десять раз медленнее. Мир ада — продолжение логарифмической прогрессии времени, которая уже так многое нам показала, но в противоположном направлении.

Так что по аналогии с делениями других кругов периоды, отмечающие существование в мире ада, составят примерно 80 лет,

800 лет, 8000 лет и 80 000 лет. Эр, относя возможное искупление злых жизней к сроку, в десять раз превышающему их длительность на земле, по-видимому, представляет себе выход при первом переломе — что души могут умереть из мира ада и вернуться в высшие миры через 800 или 1000 лет, точно так же как младенцы могут умереть из клеточного мира при рождении, вовсе не вступив в полный срок земной жизни.

Но далее он открывает существование еще более страшных возможностей. «А о тех, кто бесчестил богов и родителей, и о тех, кто их чтил, и о тех, кто был убийцами, он говорил, что воздаяние им еще больше». И он приводит пример некоего царя Ардиэя Памфилийского, который за тысячу лет до того убил отца, брата и многих других и который теперь пытался вернуться в верхний мир, но был повернут назад, к еще более долгому сроку и еще более страшным мукам. Здесь представлены время еще более медленное, длительность еще большая, плотность еще более крайняя.

Точно так же «Тибетская книга мертвых» говорит об огромном сроке существования в мирах ада: «упав туда, ты должен будешь терпеть невыносимые страдания, и нет определенного срока, когда ты оттуда выйдешь».[5]

[5] У. И. Эванс-Вентц. «Тибетская книга мертвых», с. 109.

Можем ли мы представить себе значение такой медлительности времени, как пытались представить себе действие огромной скорости времени в молекулярном и электронном мирах? Замедляя время еще больше, чем в старости, мы снова находим явления, выходящие за пределы органического мира, клеточная материя которого недостаточно прочна для таких сроков существования. Немногие животные, переживающие двести лет,

такие как слон и гигантская черепаха, уже пожертвовали всякой тонкой чувствительностью ради одного лишь веса и прочности кожи и панциря. Значительная часть их анатомии уже сродни дереву, которое одно из всей клеточной материи живет еще дольше. Некоторые деревья — дубы и секвойи — могут жить даже две тысячи лет и больше. Но ради этого они отказываются не только от способности ощущать, но и от способности двигаться. И они — исключения.

В общем можно сказать, что единственная материя, существующая дольше двух-трех столетий, — минеральной природы. Во всяком случае, когда мы подходим ко второй и третьей точкам этого нижнего круга, отмеченным такими периодами, как 8000 и 80 000 лет, мы можем думать лишь о скалах, металлах и ископаемых, или окаменелых, останках некогда живых существ.

Эта последняя мысль поразительна. Ибо, когда мы вспоминаем описания адских мук во все века — сильный жар и холод, огонь и лед, дыбу и стирание в порошок — и неразрушимую природу существ, которые должны терпеть это бесчисленные века, мы не можем не думать, что все это лишь образные украшения простой мысли о человеческих душах, которые каким-то образом окаменели, превратились в ископаемые, затвердели сверх всякой твердости, свойственной человеку. Ибо это подразумевает также утрату способности меняться или исправляться, утрату способности откликаться — то, в чем мы узнаем характерную черту величайших преступников.

Такую степень неподвижности или твердости всегда изображали минеральной — в ходячих выражениях вроде «каменное сердце», «кремневое сердце», «железная воля» и тому подобных. И описания ада изобилуют такими минеральными и

металлическими метафорами, так же как описания рая — образами воздуха, атмосферы, дыхания и ветра. На одной тибетской картине ада мы видим грешников, согбенных под тяжестью огромных камней, запертых в «железном доме без дверей», наполняемых расплавленным металлом, влачимых по железным шипам, распиливаемых на части, переплавляемых в железных котлах и так далее.[6] Всем этим так называемым «наказаниям» можно найти соответствия в средневековых европейских видениях ада, особенно в «Аде» Данте. Общее у всех них одно: страдающие всегда изображены так, будто они каким-то образом стали минералом или неразрывно прикованы к минеральным формам. И что при этом они стали так же неподатливы, как минералы. Они кристаллизовались, так что терпят бесконечные муки и все же не способны ответить на них, как ответили бы живые существа. Как всегда подчеркивается в представлениях об аде, они не могут умереть. Совершенно то же самое можно сказать о куске скалы или о железном бруске.

[6] У. И. Эванс-Вентц. «Тибетская книга мертвых», с. xxii.

Все описанные «наказания» на деле соответствуют процессам, которыми в природе разрушается жесткость минералов и металлов и которыми они медленно разъедаются и измельчаются до того состояния, когда в виде минеральных солей снова могут быть усвоены строением органической жизни. «Муки ада» вполне могли бы оказаться описанием, сделанным геологом с воображением, того перехода, которым за многие тысячи лет твердый гранит может стать плодородным суглинком. Плавление вулканическим жаром, растрескивание и раскалывание сильным морозом, действие ледяных ветров, огненные озера и тому подобное — все это геологические явления. Но это геологические

явления, описанные так, словно к ним привязано человеческое сознание.

Если бы мы позволили себе смелый скачок воображения, мы сказали бы, что они, по-видимому, относятся к человеческим душам, которые, затвердев до утраты всякого подобия человечности и лишившись упорным преступлением всякой органической чувствительности, каким-то образом стали минералом, вошли в минеральный мир и приняли минеральную судьбу. Так что «вечные» муки предстают теперь не бессмысленным «наказанием» или «возмездием», а разрушением этой ложной кристаллизации обычными очистительными процессами природы. «Муки» вызваны полной невосприимчивостью скал и металлов к любому воздействию, менее неистовому, чем действие едких кислот, тяжкое дробление и ковка или страшные крайности температуры. А «вечное проклятие» — образное выражение мысли о том, что речь здесь идет о геологических процессах и геологическом времени.

Теперь становится яснее, почему все описания ада повсеместно помещают его в преисподней, внутри земли. Ибо, как мы видели в другом месте, подземные слои земли представляют царство минералов (литосферу) и царство металлов (барисферу), облекающие неведомое ядро невообразимой плотности и инерции.[7] Спуск к центру земли, как мы знаем из науки, — спуск во все возрастающую плотность. Именно этот принцип выражает Данте в описании Ада: поместив его внутри земли, он представлял его себе состоящим из концентрических сфер все возрастающей плотности, ведущих

[7] «Теория небесных влияний», гл. 10.

К средине, в чьей точке сходится
Все тяжкое…
Та точка, куда отовсюду влечется
Все тяжкое.[8]

[8] Данте Алигьери. «Ад», песнь XXXII, стих 72, и песнь XXXIV, стих 105.

Это, разумеется, центр земного ядра, который Данте, олицетворяя саму мысль о плотности и тяжести, делает обиталищем Сатаны, предельного зла.

Это ядро земли — не только область наибольшей плотности в нашем мире, но и область, наиболее удаленная от света солнца, источника всей жизни. Это царство «стигийского мрака», один из главных ужасов которого — просто отсутствие света. «Света мира я больше не увижу, — как сказано в „Часослове Премудрости“, — и превыше всех мук и страданий скорблю я об отсутствии благословенного Лика Божия».[9]

[9] «Orologium Sapientiae», в сборнике «Книга об искусстве умирания» под редакцией Ф. М. М. Компер, с. 119.

Единственное место в нашем мире, куда никогда не проникает солнечный свет, — это и в самом деле недра земли, и всякий, кто спускался в шахты или глубокие пещеры, уже чувством поймет, что это значит. Даже так неглубоко под поверхностью земли через некоторое время почти невыносимым становится не только полное отсутствие привычных форм и красок, природы и роста, которые зависят от света, но и странное чувство, что счастье там невозможно. Свет, очевидно, в каком-то смысле пища для эмоциональной стороны человека, и мысль о том, что его отправляют в лишенный света ад, мы можем понимать лишь как символ того, что эта его сторона уже умерла.

Все описания ада так или иначе соединяют эти три мысли — мысль о подземном минеральном или вулканическом царстве, мысль о тьме и мысль о том, что время там неизмеримо долгое, вечное, бесконечное по сравнению с человеческими мерами времени. Это индийская Нарака, «лежащая под землей и под водами».[10] Это вавилонская Аралу, «страна Без-Возврата, область тьмы… дом, вошедший в который не выходит… дорога, откуда путник никогда не возвращается… дом, обитатели которого не видят света… область, где прах — их хлеб и грязь — их пища».[11] Это греческий Тартар, к которому вело Устье Земли, «где течет много огня, и есть великие огненные реки, и много рек текучей грязи… пещера в земле, величайшая из всех, и притом пронзающая Землю насквозь… Тех, кого признают неисцелимыми, назначенный Ангел бросает в Тартар, и оттуда они уже вовсе не выходят».[12] Это египетский Аментет, представленный в космологическом плане Великой пирамиды темной скальной камерой в ста футах ниже уровня земли, пол которой оставлен необделанным и из которой последний ход ведет в никуда.[13]

[10] «Вишну-пурана», в переводе Г. Г. Уилсона, кн. II, гл. V, 2, с. 214.

[11] «Нисхождение Иштар в Аралу», цит. по: Льюис Спенс. «Мифы Вавилона и Ассирии», с. 150.

[12] «Мифы Платона», в переводе Дж. А. Стюарта, с. 87–91.

[13] И. Э. С. Эдвардс. «Пирамиды Египта», с. 88.

Отсюда нет дальнейшего пути. Это конец, место, где окаменевшие души «переплавляются» тем космическим процессом, который Ибсен в «Пер Гюнте» символически изобразил в образе Пуговичника. Такая «переплавка» жестких форм, того, что утратило способность развиваться, неизбежно должна сопровождаться огромным страданием. Ад, насколько мы можем

судить, — это картина этого космического «плавильного котла», увиденная с человеческой точки зрения. Назначение ада тогда состояло бы в том, чтобы вернуть испорченные психические изделия в их первоначальное состояние доброго сырья, которое в должный срок можно было бы использовать снова, то есть снова вобрать в растущие формы.

Мы уже говорили о процессе, которым гранит может стать суглинком, а тот в свою очередь войти в состав растений и животных. Именно такой психический смысл придается этой мысли в «Вишну-пуране»:

> Различные ступени бытия… — это неодушевленные вещи, рыбы, птицы, животные, люди, святые, боги и освобожденные духи; каждая из них по порядку в тысячу раз выше предшествующей; и через эти ступени существам, пребывающим… в аду, суждено пройти, пока не будет достигнуто окончательное освобождение.[14]

[14] «Вишну-пурана», в переводе Г. Г. Уилсона, кн. II, гл. VI, т. 5, с. 221.

Нисхождение в ад есть, таким образом, путешествие вспять по эволюции; погружение во все большую плотность, тьму, оцепенение и в невообразимую скуку времени; падение назад сквозь века в первозданный хаос, откуда огромное восхождение к познанию Бога приходится начинать заново, с самого начала.

VIII

СУД, ИЛИ НОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

✦

Во всех учениях мысль о Суде вводит представление об окончательном итоге каждой жизни. Прохождение через миры духа и души может дать индивидуальному «я» совсем новые возможности — увидеть космос таким, каков он есть, рассудить о собственной природе в ее отношении к этой реальности и сообразно этому пересмотреть свое отношение к вещам, или, говоря языком религии, «покаяться». Сколько «я» сумеет извлечь из этих сверхфизических жизней, должно зависеть от его подготовки и от того, насколько оно свободно от чисто материального взгляда на мир. Все это будет субъективно, и в это время судьба индивидуума как бы пребывает во взвешенном состоянии. Затем, когда круги снова поворачивают к началу физической жизни, все ближе подходит мгновение, когда все должно застыть, кристаллизоваться, принять неподвижную форму. Дух в электронном мире мы можем сравнить с состоянием пара, а душу в молекулярном мире — с состоянием воды. Все это время температура падает, процессы становятся все медленнее и медленнее. И вдруг, в мгновение, в точности известное физике, наступает замерзание — то есть жидкость наделяется формой. Эта форма зависит от того, где вода оказалась в момент замерзания: в чаше, в трубе или свободными каплями на оконном

стекле. Но, однажды замерзнув, однажды «воплотившись», она уже ничего не может изменить, пока ее снова не нагреют до более высокой температуры, — то есть пока лед снова не умрет. Мгновение замерзания можно считать для воды «судом».

Для индивидуального «я» таким судом будет его кристаллизация в физическое тело определенного рода. Ибо, однажды получив такое тело, «я» будет иметь способ восприятия, возможности, а вероятно, и всю свою судьбу, определенные «типом» этого тела — тяжеловесного, порывистого, полнокровного, чувствительного, ущербного или какого угодно еще. И вот современная эмбриология, стараясь найти ту точку, в которой такие основные черты зарождаются, вынуждена отступать к самому мгновению зачатия. Ибо уже здесь, говорят нам, хромосомы вместе с сотнями своих генов, творящих черты, слетаются в индивидуальный и неизменный узор. Ни в какой более поздней точке нельзя сказать, что входит индивидуальность. Ибо ее семена уже посеяны и впоследствии могут развиться не иначе, как они и развиваются. Подробное изучение роста лишь обнаружило процесс развертывания, подобный тому, что показывают японские бумажные цветы, если бросить их в воду.[*] Подпись всего будущего тела была уже начертана в судорожном движении зачатия. Так что именно это мгновение, если вообще какое-то, следует видеть как суд, или замерзание черт индивидуального бытия в постоянную форму.

[*] «Теория небесных влияний», гл. 12.

В «Тибетской книге мертвых» непосредственно перед изображением сцены Суда есть очень живое описание тоски развоплощенной души по телу:

> Ты… подумаешь: «Вот я и умер! Что мне делать?» — и, удрученный великой скорбью… ты будешь блуждать туда и сюда в поисках тела.[**]

[**] У. И. Эванс-Венц, «Тибетская книга мертвых», с. 165, 175–177.

Именно эта тоска, согласно тибетскому учению, и ускоряет ту кристаллизацию, о которой мы говорили.

Затем следует описание самого Суда, после которого тотчас «будешь блуждать к вратам утроб… О благороднорожденный, в это время ты увидишь видения мужчин и женщин в соединении… На каком бы материке или в каком бы месте тебе ни суждено было родиться, знаки этого места рождения тогда воссияют тебе». Таким образом, одновременно с Судом «я» изображается неудержимо втягиваемым в ту утробу, из которой ему суждено родиться, — точно так же, как в мифе об Эре души, вспугнутые громом и землетрясением, «внезапно взлетели оттуда в разные стороны, чтобы родиться во плоти, проносясь, словно метеоры».[*]

[*] «Мифы Платона», пер. Дж. А. Стюарта, с. 151.

Эта мысль о Суде как о мгновении, когда душа приписывается к определенному телу, отзывается в особом обращении египетского ритуала к богу Хнему, творцу тел, который в одном месте изображен как раз в тот миг, когда он лепит человека на гончарном круге.[**]

[**] Сэр Э. А. Уоллис Бадж, «Египетские представления о загробной жизни», с. 118.

Но единственный ли возможный исход Суда — это новое сотворение органического тела? Какие еще приговоры могут быть там вынесены? Если мы вернемся к нашей схеме четырех кругов — небес, чистилища, земли и ада — с их собственными шкалами времени и представим себе, что Суд совершается в точке

встречи этих миров, нам, по-видимому, откроются три направления, по которым «я» может пойти или в которых может воплотиться. Завершив свой цикл жизней в последовательных состояниях материи и готовясь теперь вступить в новый цикл, оно, по-видимому, имеет три выбора нового рождения: восхождение в мир небес, нисхождение в мир ада или новое вхождение в мир земли в теле, подобном тому, в котором оно обитало прежде.

Эти три дороги, ведущие от рокового моста Чинват, выражены с безыскусной ясностью в зороастрийском предании:

> Всякий, чьи добрые дела на три грана больше его греха, идет в Рай; всякий, чей грех больше, идет в Ад; тот же, у кого то и другое равны, остается в Хамистикане до будущего тела, или воскресения.[***]

[***] «Артак-Вираз-намак», цит. по: Дж. Д. К. Павры, «Зороастрийское учение о будущей жизни», с. 91.

Если мы примем мысль об этих трех возможностях, или дорогах, мы сможем понять, почему разные представления о посмертной судьбе души, царившие в разные века, кажутся столь противоречивыми. Ибо разные народы и разные религии по своему типу и природе почти всегда возвеличивали одну или две из этих возможностей и почти никогда не умели рассмотреть все три в равной мере.

Так, в течение тысячелетий египетские вельможи выражали на своих мумиях убеждение, что они воздерживались от всякого зла, будут оправданы на Суде и непременно станут Осирисом, то есть войдут в мир небес. Обожествление, или небеса, стало изображаться как обычная цель души человека определенной

касты, а прочие, некогда равноправные, возможности канули в забвение.

В позднесредневековом христианстве, напротив, учение об аде было так зловеще преувеличено, что лишь жизнь особой святости считалась способной спасти человека от страшного нисхождения в Аверн.

И опять-таки в наше время те философы, которые изучали эти вопросы хоть с какой-то степенью подлинности, — как Ницше и особенно Успенский, — выдвигают как норму мысль о возвращении, или новом вхождении в подобный же круг физической жизни, и почти совсем опускают мысль о небесах и аде. Ввиду заурядности огромной массы обычных жизней этот последний взгляд, пожалуй, действительно приложим в наибольшем числе случаев.

С другой стороны, лишь приняв три возможные судьбы «я» вместе со всем космическим устройством, от которого эти возможности зависят, можно соединить и примирить все перечисленные взгляды.

Теперь мы можем понять, почему все подлинно традиционные изображения Суда кажутся столь необычайно сложными. Дело в том, что они стремятся символизировать в едином целом три судьбы — освобождение, проклятие и человеческое новое рождение, или возвращение, — которые открыты перед развоплощенной душой. Чтобы показать это, создатели этих удивительных композиций должны были изобразить также разные части вселенной, с которыми связаны эти разные судьбы, и их отношение друг к другу, — как это попытались сделать мы в очень упрощенном виде с помощью четырех сопряженных кругов разного времени.

Таким образом, с одной стороны, эти образы Суда были призваны символизировать окончательное распределение бытия человека после каждого круга существования. А с другой — они старались показать всю иерархию миров, от минерального до электронного, от ада до небес, к одному из которых «я» неизбежно приговаривают его прошлый счет, его устремления и его коренное сродство.

Суд изображался тогда как торжественное мгновение, когда все составные части человека и весь его прошлый счет добра, зла и безразличия сводятся воедино и запечатываются в соответствующий организм и форму существования. Все такие описания подчеркивают, что в этот миг каждая сторона человека, даже самая тайная и сокровенная, о самом существовании которой он обычно и не подозревает, должна явиться и свидетельствовать о нем.

Об этой субъективной, или самоосуждающей, стороне Суда опять-таки определеннее всего говорит «Тибетская книга мертвых». Ибо здесь изображена весьма подробная и символическая сцена Суда, на которой председательствует Яма-раджа, пламенеющий Владыка Смерти, и на которой добрые и злые дела умершего взвешиваются друг против друга силами с головами обезьяны и быка в присутствии божеств, фурий, заступников и обвинителей. Однако в конце этого описания прибавлено следующее необычайное предостережение:

> Помимо собственных галлюцинаций, в действительности вне тебя нет таких существ, как Владыка Смерти, или бог, или демон, или Быкоголовый Дух Смерти. Поступай так, чтобы распознать это.*

---

* У. И. Эванс-Венц, «Тибетская книга мертвых», с. 167.

Суд, таким образом, — это драма, разыгрываемая разными сторонами собственной природы человека, в которой его собственные разные функции, или силы, выступают как обвиняемый, обвинитель, мучитель, защитник и ангел, ведущий запись. Эта мысль была намеренно использована в некоторых средневековых сочинениях — например, в «Плаче умирающего создания», где умирающий, его добрый ангел, его совесть, его душа и его пять чувств изображены разыгрывающими нечто вроде генеральной репетиции подлинного Суда, который последует за смертью.[**]

[**] «Книга об искусстве умирания», под ред. Ф. М. М. Компер, с. 137.

Нас поражает, как описания, разделенные тысячелетиями и возникшие на далеко отстоящих друг от друга материках, сходятся в перечислении разных частей человека. И еще больше нас изумляет сложность устройства человека, как оно там представлено.

Во всех случаях Суд изображается совершающимся под председательством сверхчеловеческого существа, которое есть как бы владыка, покровитель и спаситель человечества. В христианском Суде это Христос, в египетском — Осирис, в греческом — Зевс, в зороастрийском — Ахура Мазда, в тибетском — Яма-раджа.[*] Во всех случаях это председательствующее существо есть одновременно бог, ставший человеком, и человек, ставший богом, — прообраз воплощенного божества и пример человека, сделавшегося божественным. Оно представляет собою разом божество для человечества и возможную божественность той самой души, что теперь предстала перед Судом. Оно — и вселенский дух, и тот дух, через который этот индивидуум может стать одним целым с вселенной в электронном мире.

[*] Яма-раджа в своем земном, или человеческом, облике — это Ченрезиг, который, как говорят, воплощается в далай-ламах; так же как Христос в своем человеческом облике жил в Палестине в начале нашей эры.

Перед этим божественным председателем совершается процесс, который повсюду изображается как взвешивание на весах. Взвешивание означает суд совершенно безличный, объективное измерение плотности. Это оценка бытия человека действием естественных законов. Эти законы, по которым более легкое и теплое неизбежно поднимается, а более плотное и холодное неумолимо падает, олицетворены в сцене Суда тем, кто управляет весами: в христианстве это святой Михаил, у зороастрийцев — Рашну, в Египте — волкоголовый Анубис, в Тибете — обезьяноголовый Шиндже.

Иногда триада стражей весов еще живее передает впечатление естественного процесса, производимого взаимодействием трех сил. В тибетском взвешивании Шиндже сопутствуют быкоголовый Ванг-гочан и змееголовый Дул-гочан; в зороастрийском ангелы Митра и Сраоша помогают «Рашну справедливому, который держал в руке желтые золотые весы и взвешивал праведных и нечестивых».[1] А в греческом Радамант, Эак и Минос сидят вместе на Лугу у Распутья: первый судит умерших из Азии, второй — умерших белой расы, а третий, «на главном месте», выступает последним судьей.[2]

[1] «Артак-Вираз-намак», цит. по: Дж. Д. К. Павры, «Зороастрийское учение о будущей жизни», с. 85.
[2] «Мифы Платона», пер. Дж. А. Стюарта, с. 119 и с. 155.

Но что же это такое, что так неумолимо взвешивается? В зороастрийском варианте это злые дела, слова и мысли умершего, которые так взвешиваются против добрых. В тибетской сцене злой гений высыпает на одну чашу мешок черных камешков —

злые дела умершего, а добрый гений, или ангел-хранитель, высыпает на другую мешок белых камешков — его добрые дела.

Такие представления привычны. Но они становятся чрезвычайно интересны, когда в последнем случае подобная оценка дел соединяется с мыслью о Зеркале Кармы, в котором судьи могут видеть всю земную жизнь человека и против этой фотографической записи невозможна никакая апелляция. Ибо это зеркало, или пленку прошлой жизни, держит Владыка Смерти Яма-раджа,[3] который, как мы уже говорили, представляет божество, или дух, — электронное состояние, в котором целую жизнь можно прожить за сорок минут. Зеркало Кармы, подобно табличке, которую несут души в мифе об Эре,[4] и подобно палитре Тота, египетского писца богов,[5] прямо указывает на эту запись жизни в предельно сжатом виде. Так и Эль Греко в «Мученичестве святого Маврикия» мог изобразить над огромной воронкой света, по которой душа мученика вознесется на небо, ангела, ведущего запись и поющего либретто, или аккорд, его завершенной жизни.[6] Такая сжатая запись обеспечивает то, что связи и последствия неизбежно видны и что суд безусловен, ибо ни одного свидетельства не недостает и ни один поступок не забыт.

---

[3] У. И. Эванс-Венц, «Тибетская книга мертвых», с. xxi.
[4] «Мифы Платона», пер. Дж. А. Стюарта, с. 135.
[5] Сэр Э. А. Уоллис Бадж, «Египетская книга мертвых», с. 25–26.
[6] Эль Греко, «Мученичество святого Маврикия», Эскориал, 1580–1584.

Но египетское изображение суда, вероятно древнейшее, представляет еще более тонкое сплетение мыслей. Ибо здесь взвешивается сердце умершего, а поскольку его душа и образ его прежнего тела показаны отдельно, как наблюдающие, это сердце, по-видимому, означает нечто независимое от того и другого, то есть нечто родственное самому внутреннему качеству человека,

его бытию.[*] Это сердце взвешивается против пера Маат, которое по смыслу, по-видимому, близко буддийской дхарме, то есть праву, истине и в особенности тому, чем индивидууму следует быть, — его правому пути, или подлинной возможности. Бытие, которое человек развил в себе, измеряется, таким образом, против его изначальной способности — точно так же, как в притче о талантах.[**]

---

[*] Аб , см. сэр Э. А. Уоллис Бадж, «Египетская книга мертвых», с. lx.
[**] Лк. 19:11.

Смотрят на это роковое взвешивание и другие части умершего, которые здесь же изображены. Его «удача», или физическая судьба, стоит внизу; его дух — ястреб с человеческой головой — парит вверху. А между ними под присмотром Рененет и Месхенет, богинь рождения, лежит маленькая бесформенная глыба с человеческим лицом — зародыш его следующего тела, ожидающий принять тот отпечаток, который определит суд.

В этом необычайном изображении показано не только взвешивание приобретенного бытия человека против его изначальной способности, но и то, как избыток или недостаток, обнаруженный при этом, в точности определяет новое тело, в котором «я» родится в следующий раз, то есть его изначальную способность в грядущей жизни. Так замыкается круг, и итог, или воздаяние, этого суда — уже то, что ляжет на правую чашу весов при следующем. Суд повторяется, справедливость вечна, и новое взвешивание вырастает из прежнего — во веки веков.

IX

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОРГАНИЧЕСКИЙ МИР

✦

До сих пор мы думали о Суде, или распределении новых форм, философски. Но когда мы подходим к задаче с другой стороны и видим людей, рожденных и, по всей видимости, зачатых с врожденной способностью к музыке, как Моцарт, к математической мысли, как Ньютон, к открытию новых земель, как Колумб, или, напротив, с телесными изъянами какого-нибудь органа или члена, или с неизвестно откуда взявшимися склонностями к пороку или жестокости, мы вынуждены рассмотреть задачу с практической точки зрения. Где-то, в ином мире, прозвучал основной аккорд жизни человека, и здесь, в этом мире, физические составные части его организма приняли отвечающий ему узор и стали для нас осязаемы.

В мгновение смерти, говорит одно тибетское учение,

> слышатся четыре звука, называемые «внушающими трепет звуками»: от жизненной силы стихии земли — звук, подобный обрушению горы; от жизненной силы стихии воды — звук, подобный разбивающимся океанским волнам; от жизненной силы стихии огня — звук, как от пылающих джунглей; от жизненной силы стихии воздуха — звук, подобный тысяче громов, грохочущих разом.

> Место, куда человек попадает, убегая от этих звуков, — это утроба.*

* У. И. Эванс-Венц, «Йога посмертного состояния», в кн.: «Тибетская йога и тайные учения», с. 242.

Ту же передачу сущности человека назад, к зачатию, силой мощной энергии, порождаемой при смерти, описывает санкхья:

> Скрытые следы (или неисполнившиеся последствия) кармы, совершенной в течение жизни, которая подходит к концу, образуют кармашаю (физическую возможность) следующей. Но облик она принимает через внутреннюю перестройку в то время, когда линга (сущность) покидает тело.
>
> Побуждения, порожденные отделением линги, — а его описывают как ощущение, подобное разрыву бесчисленных нитей, — в мгновение смерти вызывают новое появление, или припоминание, всех скрытых следов только что окончившейся жизни. Тогда линга освобождается от физического тела… и все скрытые следы в одно мгновение появляются вновь, перестроенные сообразно своему характеру и силе, причем состояние ума в это мгновение уподобляют электрической жидкости. Это происходит единым толчком в единое мгновение, и потому целое и его части познаются в одно и то же мгновение. Связанные таким образом, скрытые следы образуют кармашаю, или физическую энергию для построения следующего тела.*

* Шримад Вивекапрасада Брахмачари, «Катехизис санкхьи», с. 90.

Каким-то образом распад земных стихий прежнего тела, по-видимому, порождает колебание, которое может невидимо проходить сквозь время, так же как радиоволны невидимо проходят сквозь пространство. Это колебание, по-видимому, несет окончательный психологический узор умирающего — так же как

несущая волна телевизионной передающей станции невидимо несет изображение выступающего артиста, которое, будучи принято подходящим аппаратом, обретает видимую форму за много сотен миль от того места, где артист в действительности находится. Подходящий аппарат для приема психического узора, передаваемого индивидуумом при смерти, — это та самая яйцеклетка, из которой ему предстоит произойти, доведенная половым актом родителей до необычайной степени чувствительности.

Как выглядит прием этого узора индивидуальности для науки? В первое мгновение оплодотворения видно, как крошечная стрела сперматозоида пронзает оболочку яйцеклетки, которая тотчас же снова смыкается над ней. Там сперматозоид создает поле притяжения, неумолимо притягивая к себе женское ядро, ожидающее его в центре яйца, и сам притягиваясь к нему. Когда эти два ядра сливаются в микроскопическое единство, тончайшие нити, или хромосомы, из которых они состоят, исполняют исступленный танец — распутываются, расходятся и вновь соединяются в пары в одно мгновение. Быстрее, чем можно рассчитать, все, как молния, складывается в новый рисунок — знак, или символ, человека, которому предстоит быть.

Таких хромосом каждая обычная клетка человеческого тела содержит сорок восемь, или двадцать четыре пары. Половые же клетки содержат лишь по одной хромосоме из каждой пары и потому при своем соединении дают новое сочетание из сорока восьми, которое делает каждый зародыш единственным, а каждого человека — неповторимым.

Что же такое эти хромосомы, каждая из которых несет знак какой-то функции, качества или формы и которые, слитые в совершенной гармонии, составляют целое? О сфере влияния

каждой из них доказано мало. Но об одной паре известно, что она определяет пол: полнота этой пары делает женщину, а непарная хромосома — мужчину, как в библейском предании о Еве, сотворенной из ребра Адама и имеющей на одно ребро больше, чем он. Так что поле влияния остальных хромосом, надо полагать, относится к чертам или качествам столь же основным, как пол.

Вспомним, например, восемь главных функций и систем человека, описанных в первой главе.* Предположим, что у каждой функции есть три стороны — «автоматическая», или механическая, «художественная», или эмоциональная, и «изобретательская», или интеллектуальная, — и предположим далее, что каждой стороной управляют положительный и отрицательный полюсы. Так мы получаем всего сорок восемь главных «рычагов управления», которые вместе могли бы определять развитие каждой стороны человеческой машины. Верно это деление или нет, но вот тот масштаб, в котором можно ожидать влияния хромосомы.

---

* См. главу I.

Но современная биология делит каждую хромосому на полугипотетические частицы, называемые генами, которые будто бы управляют гораздо более тонкими подразделениями организма. Сто или более таких генов составляют одну хромосому. Так что если мы будем считать, что разными сторонами и положительной и отрицательной частью каждой анатомической системы управляют полдюжины хромосом, то один ген будет определять лишь шестисотую долю такой системы. Здесь мы, по-видимому, доходим до таких тонких подразделений, как вздернутость носа, тембр голосовых связок или склонность к морской болезни. Несколько тысяч таких подробностей — и

человек готов. И подобно тому как курсы нескольких тысяч акций и ценных бумаг могут дать точное отражение хозяйственной жизни всего мира в любой данный день, так и указатель, который дают несколько тысяч генов, — по отношению к некоему космическому шифру, нам неизвестному, — вполне мог бы обозначать все устройство человека.

О генах можно сказать еще одну важную вещь. Они так малы, что состоят не более чем из нескольких — быть может, полудюжины — молекул. Иначе говоря, они принадлежат молекулярному миру и подчиняются молекулярным законам. Именно поэтому они так ускользают от изучения. Они лежат за пределами клеточного, или органического, мира, которым ограничено наше наблюдение. Вспомним, как было показано, что, возвращаясь к мгновению зачатия, мы доходим до точки, где процессы идут слишком быстро, чтобы вмещаться в клеточную материю, и что, становясь еще быстрее, они должны уходить в материю в молекулярном состоянии. Гены и хромосомы представляют первое вхождение человеческой жизни в поле нашего физического наблюдения. Они лежат на границе двух миров, отчасти причастные природе материи в ее свободном молекулярном состоянии, отчасти заключенные в той первозданной клетке — оплодотворенной яйцеклетке.

Есть ли научные свидетельства в пользу мысли, что этими молекулярными ключами управляют сквозь время, из будущего? До недавнего времени не было известно, каких влияний или излучений можно ожидать на гены. Но в последние годы перестройки или изменения генов, например, тюльпанов были получены воздействием на них рентгеновских лучей или радия. В результате такого воздействия искусственно получены уклонения, или мутации, совершенно новых очертаний, форм и

окрасок. Один из ужасов атомной бомбы в том, что ее лучи шутят шутки с самой устойчивостью человеческой формы. Каким-то образом излучение этой определенной длины волны влияет на расположение генов и производит поразительные изменения в том, что мы считаем индивидуальностью.

И вот одна из особенностей таких радиоактивных частот в том, что, в отличие от излучений звука, тепла или света, они держатся на протяжении долгих периодов времени. Период полураспада радия, например, составляет 1600 лет; это значит, что излучению частицы радия требуется 1600 лет, чтобы уменьшиться вдвое. Иначе говоря, колебания, возбуждаемые радием, затухают за тысячелетие примерно настолько же, насколько гул большого колокола затухает за полминуты. Как звук колокола проходит сквозь тридцать секунд, так подобное радиоактивное излучение проходит сквозь 1600 лет.

Это значит, что то же самое излучение, которое может воздействовать на гены тюльпана сейчас, могло бы произвести подобное же уклонение и через тысячу лет. Или, наоборот, та же радиоактивность, которая могла бы произвести уродливый тюльпан тогда, может создать тождественное изменение сегодня. Прошло ли формирующее влияние сквозь время назад или вперед? Это одно и то же. Можно сказать только, что это излучение, имеющее власть над формой, независимо от времени.

Позже мы увидим в этом пример общего начала: форма в одном мире создается влиянием из мира, лежащего выше, и молекулярное расположение может быть изменено только электронной силой. Пока же у нас есть вполне научное основание для того положения, с которого мы начали, а именно: формирующие влияния, высвобождаемые смертью, должны

проходить назад и заново творить зародыш, и делаться это должно мгновенным воздействием на гены в момент зачатия.

Как можно ожидать, что такие влияния действуют? Мы можем предположить, что к концу жизни каждая психологическая черта человека либо преувеличилась, либо уменьшилась по сравнению с органической склонностью, заложенной в нем при рождении. Либо он боролся, чтобы преодолеть какой-то недостаток или слабость, либо она приобрела над ним еще большую власть. Либо он старался обуздать какую-то неодолимую склонность, либо оказался в ее власти больше, чем когда-либо. И поскольку каждой психологической черте отвечает какая-то действительная физическая черта, это значит, что в предельно сжатом «коде» организма, который дают гены, тот ген, что управляет этой чертой, к концу жизни будет нуждаться либо в усиленном, либо в ослабленном возбуждении.

Так мы можем представить себе, как челюсть кулачного бойца с каждой жизнью становится чуточку больше, плоть обжоры — грубее, слух музыканта — острее, память писателя на слова — совершеннее. Из-за все возрастающей привычности повторения можно лишь ожидать, что те черты, которые уже развиты больше всего, будут развиваться и дальше и при смерти посылать еще более сильный толчок назад, к соответствующему гену, ожидающему в танце зачатия.

Несомненно, именно в этом смысле в разных учениях использовалась символика рождения в облике животного. Каждое животное бралось как крайнее преувеличение одной черты, и физической, и психологической. Так, собака могла символизировать нос, силу обоняния, а также состояние полной власти этой функции над человеком, то есть подвластность животным вожделениям, которые в значительной мере

возбуждаются запахами. Подобным же образом змея могла символизировать то сочетание желез, которое порождает стремительные и злобные реакции. Так каждое животное представляло бы болезненное преувеличение черты, которой управляет один ген или набор генов, — черты, выпавшей из всякой гармонии с остальным организмом и слепо захватившей власть над целым.

В мифе об Эре рассказывается, как многие души греческих героев, которым предложили свободный выбор из всех возможных образцов жизни, выбрали жизни животных, соответствующих их природе: Аякс — жизнь льва, Агамемнон — орла, а шут Эпей — обезьяны.* Читая это, действительно выносишь страшное впечатление того, как Аякс становится все косматее и все тупее в своей храбрости, Агамемнон — все более одиноким, молчаливым и орлиным, Эпей — все более легковесным и бессмысленным в своем передразнивании, от жизни к жизни, во всю вечность. Вот та страшная мысль, которую древние передавали под видом переселения душ в животных, — мысль о все возрастающем застывании в одной определенной черте.

---

* «Мифы Платона», пер. Дж. А. Стюарта, с. 149.

«Если входишь в утробу из-за чувств привязанности и отвращения, — говорит „Тибетская книга мертвых“, — можешь родиться либо лошадью, либо птицей, либо собакой, либо человеком».* Здесь перед нами мысль о человеческом новом рождении как о неудаче — с точки зрения тех, кто пытается вовсе вырваться в электронный мир, или мир небес, — но, в отличие от символики рождения в облике животного, по крайней мере как об уравновешенной неудаче, при которой все разные черты

человеческого организма передаются более или менее в правильном соотношении и соразмерности.

---

[*] У. И. Эванс-Венц, «Тибетская книга мертвых», с. 178.

Однако эта мысль о возросшем равновесии черт, о возросшей гармонии организма уже предполагает высокую степень самопознания со стороны индивидуума в соединении с намеренной борьбой против известных слабостей и намеренным восполнением известных недостатков.

Теперь мы лучше видим, как может действовать механизм человеческого возвращения: как «скрытые следы» прошлой жизни, «перестроенные сообразно своему характеру и силе», по выражению санкхьи, могут быть переданы при смерти, черта за чертой, соответствующим генам и хромосомам внутри яйцеклетки. И далее мы видим, как общая сумма этого послания, составленного из нескольких тысяч таких знаков, может быть мгновенно перенесена сквозь время излучением, обладающим той долговечностью и проникающей силой, которые, как мы теперь знаем, присущи радиоактивности.

Но акт зачатия — это также и половой акт родителей. Создание нового узора, или силового поля, исходит также и от них, от их состояния, от силы и чистоты их чувства и так далее. Так что если по сравнению с прежним зародышем в новом должно быть достигнуто сколько-нибудь серьезное улучшение и гармонизация, мы приходим к мысли, что умирающий должен не только начать овладевать собственными слабостями, но и каким-то образом поднять своих родителей на более высокий уровень. Он должен учить своих родителей теперь, чтобы сделать свое следующее тело лучше. И он должен принести к мгновению своего

собственного зачатия такую силу сознания и чувства, чтобы она передалась им.

На эту таинственную мысль «Тибетская книга мертвых» указывает так:

> …направь свое желание и войди в утробу. В то же время излей свои волны дара [благодати или доброй воли] на утробу, в которую входишь, [превращая ее тем самым] в небесную обитель.*

---

* У. И. Эванс-Венц, «Тибетская книга мертвых», с. 191.

Высший человек не может ждать. Он должен улучшить свою наследственность, сам устроить свое рождение.

Для людей, которые ни святые, ни преступники, мы видим, напротив, лишь постепенное и, быть может, неприметное изменение от жизни к жизни — либо оттого, что одна черта стремится поглотить остальные, либо, напротив, через медленный наклон к гармонии и равновесию целого. Это то вечное возвращение, которое описывал Ницше и которое Успенский воссоздал в своем романе «Странная жизнь Ивана Осокина».

Но сколько жизней можно ожидать, что такие неприметные изменения будут продолжаться? Как мы знаем по графикам всякого жизненного процесса, ничто в природе не следует по прямому склону вечно, но рано или поздно загибается в стремительный подъем или в отвесное падение. Сколь терпелива природа в случае человека? Сколько жизней может он рассчитывать прожить, прежде чем потребуется окончательный расчет, суд судов?

Даже здесь древние предания не оставляют нас без подсказки.

> И в то самое Место, откуда пришла каждая Душа, [написано в мифе «Федра»,] она не возвращается вновь, пока не исполнятся десять тысяч лет; ибо раньше ни одна Душа не оперяется крыльями, кроме Души того, кто без лукавства искал Истинной Мудрости или любил своего Товарища узами Мудрости. Души таких людей, когда завершится третий круг в тысячу лет, если они трижды подряд избрали эту жизнь, оперившись крыльями, тогда уходят.[**]

[**] «Мифы Платона», пер. Дж. А. Стюарта, с. 517.

Что бы это могло значить? Десять тысяч лет, по счету, прямо указанному в родственном мифе об Эре, — это сто жизней. Такой подсчет мог бы пройти незамеченным, если бы он неожиданно не напоминал нам о ста восьми бусинах на четках Будды, каждая из которых символизирует перевоплощение.

Во всяком случае, это место, по-видимому, предполагает для массы человечества необычайно долгий срок, составляющий, быть может, целое столетие жизней, за который медленный прилив, затрагивающий человечество вообще, можно ожидать, сделает свое дело или не сумеет его сделать. В улучшении такого масштаба нет ничего личного: человеку, по-видимому, предлагается возможность участвовать в некоем общем и неприметном восхождении в том темпе процессов, который применим ко всей природе.

Вместе с тем, по-видимому, предусмотрен и более быстрый путь, так сказать «короткая дорога», — «для тех, кто без лукавства искал Истинной Мудрости». Такие люди, прожив треть всех отведенных им жизней, по-видимому, подводятся к иному шансу. Им может быть предоставлена возможность встречи с учителем или школой, и так они могут узнать тайну возрождения. Со специальным знанием, точным руководством, напряженной работой над собой и удачей они, быть может, сумеют подняться

прямым путем, вырваться из круговорота рождений. Именно эта возможность изображена на старых русских иконах Страшного Второго пришествия, где несколько монахов, минуя общий суд, показаны летящими отвесно вверх по правому краю прямо в рай.*

* Н. П. Кондаков, «Русская икона», табл. LXIII.

Но для тех, кто узнал эту тайну, время сразу же начинает отсчитываться иной мерой. Речь уже не идет о десятках жизней. Открывается особый шанс, но воспользоваться им надо очень быстро. Определенный уровень должен быть достигнут за очень немногие жизни. «Души таких людей… если они трижды подряд избрали эту жизнь, оперившись крыльями, тогда уходят».

Странно встретить эту захватывающую и страшную мысль, в точности отозвавшуюся двадцать пять веков спустя, в наше собственное, самое скептическое время. В «Странной жизни Ивана Осокина» Успенского герой наконец начинает с трагической ясностью видеть вечно возвращающийся круг своей собственной жизни. Он встречает мага, который объясняет ему кое-что еще. Но, взволнованный тем, что узнал, он едва слышит, как тот прибавляет:

> Человек, который начал догадываться о великой тайне, должен воспользоваться ею, иначе она обращается против него. Это небезопасная тайна. Когда человек осознал ее, он должен идти дальше, или он пойдет вниз. Когда человек находит тайну или слышит о ней, у него остается только две или три, во всяком случае лишь несколько жизней.

X

ПАМЯТЬ В НЕВИДИМЫХ МИРАХ

✦

Прежде всего надо постараться понять, что «память» может относиться лишь к тем более плотным мирам, в которых восприятие движется сквозь время достаточно медленно, чтобы рождалось ощущение прошлого, настоящего и будущего. В электронном мире памяти быть не может, потому что там все — сейчас и все известно. С этой высшей точки зрения неверно думать о разных жизнях человека как о череде, одна за другой: речь идет об *одновременном возвращении*.

Но в мире, где мы живем, думать так мы не можем: нам приходится предполагать «до» и «после», одну жизнь, сменяющую другую. И в таком мире ближе всего к высшему восприятию подходит именно «память».

Мы уже рассматривали вопрос о сознании и памяти в пределах одной жизни — как мгновения более живого сознания своего существования среди окружающего мира порождают импульсы, которые как бы бегут вслед за обычным движением восприятия сквозь время и настигают его в виде «воспоминаний». Мы предположили также, что такие мгновения, необычайно усиленные — быть может, великой радостью, трагедией, изумлением или странностью, — способны даже излучить импульс памяти в соответствующую точку спирали другой жизни

и тем самым дать начало всем тем странным ощущениям знакомости неведомых событий и мест и даже предвидению того, что вот-вот случится в ближайшем будущем.*

* Множество таких засвидетельствованных историй собрал покойный Камиль Фламмарион в книге «Смерть и ее тайна», хотя, к сожалению, взгляд его на них несколько болезнен.

Однако всякое серьезное изучение природы памяти рано или поздно упирается в глухие стены рождения и смерти. Мы можем собрать почти подавляющую массу свидетельств в пользу того, что последовательные жизни вырастают одна из другой в возвращении и что миг смерти в одной жизни есть миг зачатия в следующей. Но доказать этого мы не можем никогда — по той причине, что память обычных людей никогда не способна одолеть это препятствие. Для привычных уровней сознания и для порождаемых ими импульсов памяти смерть — совершенный изолятор. Чтобы пройти сквозь смерть в следующую жизнь, память должна была бы обладать куда большей силой, то есть рождаться из несравненно более высокой напряженности сознания, чем любая, какую мы обычно знаем.

Круг человеческой жизни можно сравнить с электрической цепью, которая при смерти разрывается, а память — с током. Этого «разрыва» вполне достаточно, чтобы ток обычной силы не перетекал с одной стороны на другую. Но если очень сильно поднять напряжение, можно ожидать, что ток перескочит через промежуток дугой, вспыхнув ярким светом и вместе с тем замкнув цепь и дав «течению» пройти с одной стороны на другую.

Почти во всех преданиях о странствиях души после смерти есть упоминание — часто незамеченное — о некоей точке, где память отнимается или смывается. Видение святого Макария Александрийского, например, описывает, как душа, проведя три

дня в освобождении от тела и вознесясь на небо для поклонения Богу, получает затем повеление шесть дней странствовать по раю, где, «созерцая все это, она преображается и забывает все печали, какие имела, пребывая в теле».

Здесь вполне можно разглядеть поздний, измененный вариант истинной легенды: в этом видении оправдана естественная человеческая склонность и желание забыть несчастье, и утрата памяти в определенной точке представлена уже как нечто желанное, а не как нечто смертельно опасное, чего следует избегать. Тем самым весь смысл рассказа переворачивается с ног на голову, ведь суть всех изначальных легенд как раз в том, что в это время память нужно сохранить любой ценой.

Эта ошибка, впрочем, дает нам очень любопытное представление о том, как может происходить утрата памяти. Ведь в этом видении забвение связано с миром «рая», то есть с молекулярным миром, в котором, как мы предположили, душа заново переживает или пересматривает свою прошлую жизнь в предельно сжатом виде. Мы уже прежде поняли, какая страшная душевная мука должна быть связана с таким напряженным сгущением памяти во всех обычных жизнях, и можем понять, что неодолимым желанием «я» в это время было бы уйти от этого невыносимого раскаяния, не помнить больше, забыть любой ценой.

В символическом романе Успенского о возвращении герой, страстно желающий получить возможность вернуться в свою растраченную жизнь, полностью помня все свои ошибки, находит наконец мага, который соглашается отправить его назад, как он того хочет. «И вы будете помнить все, — добавляет маг, — пока не захотите забыть».* Этот совершенно основополагающий принцип, которому подчинены все проявления памяти в жизни, должен с

силой во сто крат большей действовать и для памяти за порогом смерти.

---

[*] П. Д. Успенский. «Странная жизнь Ивана Осокина», с. 20.

Эта мысль о сильном желании забыть, о страстной тоске по забвению живо передана в греческой легенде о Лете.

> Оттуда, сказал Эр, [душа] каждого, не оборачиваясь, шла прямо под престол Необходимости, и когда все, до последнего, прошли сквозь него, они вместе двинулись на Равнину Леты сквозь страшный палящий зной и стужу; а Равнина эта лишена деревьев и всякой травы, какую рождает земля. Он сказал, что они, когда уже был вечер, расположились станом у Реки Забвения, воду которой не удержит никакой сосуд. И всем необходимо было выпить известную меру этой воды; но те, кого не хранила мудрость, пили сверх меры; и, выпив, каждый забывал все.[**]

[**] «Мифы Платона», перевод Дж. А. Стюарта, с. 151 и 156.

Это, однако, неполный вариант более сокровенной орфической легенды о двух потоках, из которых могли пить умершие, — Лете и Мнемосине, забвении и памяти. Ибо на знаменитой золотой табличке, найденной в Петелии, даются точные наставления орфическому посвященному, чья цель, когда он очистится, — вовсе вырваться из круга воплощений.[*] Такой искатель должен старательно избегать вольно бегущего источника по левую руку, возле которого растет белый кипарис, а вместо того обратиться к стражам сокрытого колодца Мнемосины с такими поразительными словами: «Я дитя Земли и Неба; меня палит жажда; я гибну; дайте мне испить прохладной воды из колодца Памяти». И стражи дадут ему испить воды из священного колодца, и он будет перенесен, чтобы вовеки жить с Героями.

[*] «Выйти из круга и отдохнуть от бед».

Точно так же завершается и русская панихида: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему и сотвори ему вечную память». И хор, возвышая голос, трижды отвечает: «Вечная память! Вечная память! Вечная память!»

Это сохранение памяти сквозь смерть, предполагающее непрерывное сознание, всегда изображается как непременное условие для выхода из возвращения земных жизней. Но всегда добавляется, что задача эта слишком трудна для неподготовленных людей. Не говоря уже о том, что обычные люди не сознают себя даже при жизни и в полном обладании своими чувствами, они не могут вынести — и нельзя ожидать, что вынесут, — страшного потрясения смерти, не утратив даже той осознанности, какой обычно обладают, так же как нельзя ожидать, что обычный человек вынесет сильную телесную боль, не лишившись чувств. Этот обморок неизбежен и входит в замысел природы, оберегающей людей от ненужного страдания, пока они не смогут понять, зачем оно и чего оно стоит.

Ранее мы сравнили миг смерти и выход «я» из клеточного состояния в электронное с атомным взрывом. И тогда стало совершенно ясно, что такой переход неизбежно должен повлечь за собой то затмение сознания, которое признается, по-видимому, во множестве легенд. Как сказано в приведенном выше мифе об Эре, «всем необходимо было выпить известную меру» воды забвения. Тогда весь вопрос, казалось бы, в том, как скоро душа сумеет выбраться из своего беспамятства к осознанию необычайных возможностей мира, в котором она оказалась? Ибо большинство душ погружалось в полное забвение потому, что «те, кого не хранила мудрость, пили сверх меры».

Так мы подходим ко второй причине утраты памяти. Она связана с общим принципом: перемена состояния уничтожает память. Наше тело в летнем состоянии не может вспомнить своих зимних ощущений, а при свете дня — того, что оно чувствовало во тьме предрассветных часов. Еще более ясный пример — то, что переход от сна к бодрствованию обычно уничтожает память о сновидениях. Поэтому лишь совершенно особый способ наблюдения, и прежде всего напряженное усилие вспомнить в самый миг пробуждения, позволяет перенести в дневное сознание что-то похожее на последовательное изучение снов.*

* Этот вопрос очень хорошо разобран в книге Дж. Г. Сайма «Страна снов».

Если мы будем рассматривать огромный приток электронной энергии при смерти как неизмеримо усиленный вариант того притока света и впечатлений, который бывает при пробуждении, мы поймем, почему память о прошлой жизни, ярко озаренная первой вспышкой молнии, неизбежно должна затем исчезать. Память о снах уничтожается при пробуждении, а память о жизни — при смерти по тому же закону, по которому металлы теряют способность проводить звук, как только начинают проводить более напряженную энергию тепла, или звезды исчезают в свете солнца. Чтобы продолжать наблюдать звезды после рассвета, нужен особый и трудный способ — со дна колодца или с помощью заслонов. Так же, должно быть, обстоит дело и с сохранением памяти сквозь смерть.

Но перенести память об этой жизни в иные состояния после смерти, чтобы рассмотреть ее значение в свете тамошних условий, — это лишь половина задачи. Ибо, чтобы воспользоваться такими воспоминаниями, нужно было бы пронести их еще дальше, вместе с воспоминаниями о невидимых

мирах, в следующую жизнь. А для этого предстоит одолеть еще более грозную перемену состояния — ту, что связана с рождением в привычный физический мир. И правда, трудно представить, какое потрясение сильнее: то, что происходит от утраты физической формы и бесформенного выхода в электронный мир при смерти, или то, что происходит от утраты защиты материнской утробы и выхода в мир света, воздуха, шума и холода при рождении.

Согласно индийскому преданию, выраженному в «Вишну-пуране», именно эта последняя перемена состояния вернее всего уничтожает память:

> Нежное и тонкое живое существо пребывает в зародыше… плавая в воде… не в силах дышать, наделенное сознанием и вызывающее в памяти многие сотни прежних рождений… Когда дитя готово родиться… его поворачивает головой вниз и с силой изгоняет из утробы мощными и мучительными ветрами родов;
>
> и младенец, на время лишаясь всякого чувства, едва соприкоснувшись с внешним воздухом, тотчас утрачивает разумное знание.*

* «Вишну-пурана», перевод Г. Г. Уилсона, кн. VI, гл. V, т. 5, с. 204.

Итак, есть два главных рода памяти, которых нам недостает и которые, по-видимому, были уничтожены довольно разными путями. Во-первых, нам недостает памяти о наших прежних физических жизнях. Это, несомненно, происходит по той же причине, по какой нам недостает памяти о большей части нашей нынешней жизни, а именно: вспоминать ее слишком больно. Вообще мы не хотим помнить прошлое, мы предпочитаем занимать ум воображаемым будущим, совершенно несовместимым с этим прошлым. Так функция памяти и отмирает.

Во-вторых, у нас нет памяти о других состояниях материи, в которых мы, быть может, пребывали до зачатия, ни о невообразимой свободе и зрении, свойственных молекулярному или электронному миру. И это, тоже вероятно, оттого, что мы так и не научились особому и страшно трудному умению переносить память через коренную перемену бытия.

> Всякая Душа, которая есть Душа Человека, по необходимости видела Сущее Воистину, — говорит Платон в «Федре», — иначе она не вошла бы в это существо; но припомнить То посредством здешнего нелегко всякой Душе: ни тем Душам, что видели Его там недолго, ни тем, с которыми, когда они пали на Землю, случилось худое, так что от дурного общения они обратились к неправде и забывают святое, виденное ими прежде. Воистину немного остается тех, у кого Память присутствует в достаточной мере.*

* «Мифы Платона», перевод Дж. А. Стюарта, с. 319.

Как развить память «в достаточной мере», чтобы человек помнил себя и пронес это воспоминание из одного мира в другой, из одной жизни в следующую? Начать он должен с этой, нынешней жизни. Ибо, что бы ни случилось с другими, эта уже запечатлена в нем во всех подробностях, как пленка, которая экспонирована, но не проявлена. Вернее, в нем много разных пленок, потому что каждая из его функций делает и хранит свою запись: одна катушка — все его зрительные впечатления, вторая — звуки и разговоры, которые он слышал, третья — его собственные движения, четвертая — телесные ощущения и так далее. В коре его мозга, в его глазу, в его горле миллионы восприятий, из которых сложена его жизнь, сведенные к молекулярному или электронному масштабу, лежат дремлющими, но нетронутыми.

Как мы сказали, у обычного человека эти пленки не проявлены, то есть их запись «забыта», кроме тех случаев, когда внимание случайно привлекается к той или иной короткой сцене каким-нибудь сходством или противоположностью в настоящем. Ибо проявителем служит внимание, или сознание. Поэтому человек, желающий «развить память», должен намеренно направить сознание на свои записи. Он должен проявлять внутреннюю пленку своего прошлого сейчас, а не ждать, пока она внезапно и сокрушительно откроется ему при смерти.

Сначала те воспоминания — о людях, местах, решающих и мелких происшествиях, — которые обычно пробуждаются в нем лишь по ассоциации, надо вызывать последовательно и усилием воли. Их надо разложить по месяцам и по годам. Их надо собрать, развернуть и оценить — особенно те, которые ему больше всего не хочется вспоминать. Ибо именно способность не помнить прошлых слабостей, неловкостей и неудач и держит человека таким, каков он есть, позволяет ему повторять одни и те же роковые ошибки постоянно и безболезненно — или, вернее, откладывать все происходящее от них страдание совести до одного последнего, невыносимого переживания. Так первая задача человека, желающего развить память, — помнить себя во времени.

Но когда он всерьез попытается это сделать, он натолкнется в своем прошлом на многое, повторения чего никак не может допустить. Он может обнаружить первое мелкое проявление какой-то привычки, позднее ставшей гибельной; может вспомнить первую случайную встречу, положившую начало роковой связи; или какую-то глупую небрежность, приведшую к большой трагедии. Видя такие воспоминания и встречая их лицом к лицу, он начнет познавать себя. Он увидит, каким был — и каков

есть. И поймет, что до сих пор соглашался со своим прошлым лишь потому, что не помнил его.

Изучая свою запись дальше, он может увидеть, что эти драматические мгновения его жизни, и к добру, и к худу, не стоят особняком, а были предвещены многими более ранними положениями, каждое из которых все полнее и подробнее набрасывало грядущую развязку. Ему может даже показаться, что такие «прообразы» представляют собой своего рода память, обращенную назад, — невидимое эхо импульсов в обращенном времени, о котором мы уже догадывались. И он поймет, что для того, чтобы последняя сцена была сыграна иначе, надо изменить и эти «репетиции» — вплоть до самого младенчества.

Отсюда в нем может постепенно начать развиваться своего рода двойная память. Он будет видеть одновременно и то, что случилось на самом деле, и то, что могло бы случиться, будь он сознательнее. И чем яснее он будет помнить прошлое, тем большее значение будет придавать этим новым возможностям, которые он отнесет к будущему возвращению. Возвращение свяжется для него с мыслью о возможном сознании. Он начнет перестраивать свою жизнь.

Чем упорнее он будет в этих перестройках, тем мучительнее станет противоположность между тем, что было, и тем, что могло бы быть. И это необходимая часть процесса, ибо как сознание служит проявителем для пленки памяти, так совесть — ее закрепителем. Вся цель должна состоять в том, чтобы проявлять и закреплять память постепенно и намеренно, пока человек еще жив. Ибо как слишком сильный проявитель и слишком резкий закрепитель не выявляют снимок, а безвозвратно губят его, так именно сокрушительный поток сознания и совести, высвобождаемый электронным состоянием, уничтожит память в

миг смерти, если она не была уже проявлена и навсегда закреплена при жизни.

И вот, вспоминая все ярче и острее перекрестки своего прошлого, человек придет к вопросу: как передать предостережение самому себе, когда он встретит их в следующий раз? Как передать себе тогдашнему то, что он чувствует теперь? Быть может, он отправится на то самое место, где была совершена какая-то ошибка или упущена возможность, и, всеми силами стараясь помнить себя, попытается прикрепить к какой-нибудь стене или дереву, врезавшимся ему в память, то понимание, которое хочет передать. Он может сказать себе, что, когда он будет стоять здесь в следующей жизни, вид этого дерева должен заставить его вспомнить.

Тогда ему откроется, что единственная его возможность — стать сознательным сейчас. Он на деле поймет принцип, что единственный наш способ передать память в другую жизнь — сила сознания в этой. И увидит, что цель обретения сознания в жизни — оставаться сознательным сквозь смерть.

XI

ОТДЕЛЕНИЕ СТРАДАНИЕМ

✦

Подготовкой к огромной задаче — оставаться сознательным сквозь смерть — должно быть напряженное осознание себя в жизни. Какое-то начало сознания должно уже выйти из тела и суметь изучить все проявления этого тела объективно, в благоприятных условиях физического существования, прежде чем может идти речь о самоосознании в смерти. Это начало сознания должно научиться помнить себя, то есть помнить все проявления своего физического тела и их отношение к нему, — сейчас. Никаким иным путем мы не можем представить себе, чтобы память сохранилась в другом времени.

Стремясь к сознанию в телесной жизни, мы оказываемся, таким образом, в положении человека, которого несет по воде в маленькой лодке, давшей течь, и который пытается научиться плавать, пока лодка еще держится на плаву, потому что знает: когда она пойдет ко дну, будет слишком поздно. Это умение плавать в другом мире, это обретение постоянного начала сознания связано с намеренным развитием души.

Оставив пока в стороне пример великих мистиков и религиозных учителей, мы ясно видим, что этим путем шли многие из величайших писателей, художников и музыкантов,

тайна которых ускользает от нас, если мы не допускаем такой возможности.

В творчестве Шекспира, например, мы чувствуем мощное нарастание понимания всех слабостей, страстей, жертв, борений и стремлений людей, что неизбежно предполагает открытие всех сторон человеческой природы в самом себе, то есть происходит из самосознания. Вместе с тем, так живо видя и выражая все смертные страсти, нечто в Шекспире, чувствуем мы, постепенно отделилось от них — помня все это и все же оставаясь в стороне. В «Юлии Цезаре», «Макбете», «Гамлете» мы видим во многих обличьях одного и того же человека, который проживает величайшие страдания и трагедии, какие только может принести жизнь, и в котором все же нечто уже начинает существовать отдельно от этого и отдельно от его собственных человеческих чувств по отношению к этому. Именно эта сила придает всем этим героям их странную несостоятельность, если мерить их мирскими мерками. Они уже идут иным путем, чем остальное человечество: их жизни больше не имеют смысла с точки зрения мирских результатов. Ибо они начинают помнить себя.

Еще более яркий пример можно найти в длинном ряду автопортретов Рембрандта, которые, взятые вместе, ближе всего, что есть в искусстве или литературе, подходят к изображению «длинного тела» человека. С самых ранних из них мы видим, как Рембрандт стремится «увидеть себя» и с ужасающей объективностью запечатлевает мгновения страха, тупости и неудержимого веселья, когда он застает себя совершенно без защиты, потерянным в почти животной бессознательности.* Постепенно он оказывается способен отделить себя от все большего числа этих человеческих проявлений Рембрандта, пока в поздних автопортретах не начинает, кажется, видеть всего

человека извне. Возникает неодолимое впечатление, что узнавание отделилось от хрупкой человечности и что Рембрандт знает и помнит себя совсем иначе, чем обычные люди.

---

[*] «Картины Рембрандта» под редакцией А. Бредиуса, № 1, 2, 3, 5, 14, 15.

У этого процесса есть и другая сторона. Очевидно, одно из требований для выхода из определенных данных условий жизни, из определенных физических ограничений состоит в том, что все или большинство возможностей, заключенных в этих ограничениях, сначала должны быть осуществлены. Обычные люди приговорены к повторению своих жизней, потому что они еще не начали сознавать возможности, которые заключены в этих жизнях. С такими людьми, как Рембрандт или Шекспир, положение совсем иное. Количество наблюдения и понимания, касающегося всякой стороны и всякого положения человеческой жизни, всякого сословия и типа людей, которое было выжато из материальной жизни Шекспира, неисчислимо.

Повторение происходит от недостатка понимания. Это механизм, благодаря которому каждый получает еще одну возможность понять больше, стать сознательнее в своих нынешних условиях, — ведь если он не может овладеть ими, то наверняка не сумеет овладеть и другими, менее привычными. Но Шекспир и Рембрандт уже достигли огромного количества понимания и высвободили его из своих собственных жизней, и потому почти немыслимо, чтобы такие жизни повторялись так, как должны повторяться бессознательные.

Невозможно, например, поверить, что Шекспир должен снова написать «Гамлета». Он сделал это однажды — совершенно. Повторять совершенство означает своего рода расточительство, не предусмотренное космическими законами. Несовершенство

повторяется, совершенство — нет. И все же «Гамлет» существует в истории. Бесчисленные его постановки занимали сотни актеров и постановщиков, влияли на десятки тысяч зрителей, создавали моды, обороты речи и направления мысли, которые окрашивают всю нашу цивилизацию и проникли даже в самые механические ее стороны. Следовательно, кто-то должен написать «Гамлета».

Чтобы выйти из возвращения, «Шекспир» должен научить кого-то другого написать «Гамлета». Он должен поставить на свое место кого-то другого. Тогда он будет свободен для иных задач. И этот пример на деле удачен, ибо в знаменитом споре о Бэконе и Шекспире мы видим, кажется, смутный след, оставленный в обычном времени переходом авторства великого исторического творения от одного человека к другому в последовательных возвращениях.

Как такие люди пришли к своему странному положению на пороге свободы? Самая явная их черта — сильное желание видеть объективно, даже самих себя. Но помимо этого нас не может не поразить та странная роль, которую, по-видимому, играет для них страдание. Снова и снова мы видим, как в жизнь таких творческих гениев входит какая-то великая трагедия или страдание, которое кажется странно неизбежным, которого они не стараются избежать и в котором они каким-то любопытным образом, похоже, нуждаются. Словно на определенной ступени растущей объективности к самим себе никакое обычное переживание уже недостаточно сильно и ничто, кроме страдания, не может достаточно испытать их обретенную силу.

Особенно это так у подобных людей при приближении смерти. Рембрандт после своего блистательного пути умер больным, забытым и совершенно одиноким. Бетховена, глухого, сраженного болезнью, беспомощного и покинутого, совсем забыл пьяный

мальчишка, посланный за врачом. Толстой умер на сельской железнодорожной станции, когда в восемьдесят два года бежал из дома в невозможное паломничество в Тибет. Ньютон ушел так далеко за пределы обычных отношений, что с ним обращались как с безумным; и так же — с Ницше.

Конечно, смерть всякого человека трагична и одинока. Но в этих случаях трагедия и страдание, кажется, играют совсем иную роль, чем в жизни обычных людей. Обычные люди страдают расточительно и бесполезно, и для них стремление избежать бессмысленной боли, несомненно, правильно. Но уже в некоторых из этих других случаев, кажется, входит совсем иное начало — намеренное страдание. Страдания не избегают и даже ищут его просто потому, что с ним человеку справиться труднее всего и оно — величайшее испытание обретенной им способности отделять свое сознание от телесных проявлений и смотреть на них сверху, объективно.

Когда мы обращаемся к великим религиозным учителям человечества, мы видим, что такое преднамеренное страдание доведено до пределов, с точки зрения обычного человека совершенно непостижимых. Одно слово Пилату могло бы все изменить. Но Христос ничего не делает, чтобы избежать распятия, и даже поступает так — при тех обстоятельствах и том настроении народа, — что делает его неизбежным. Так же ведет себя Сократ перед афинским судом. Будда сознательно ест отравленную пищу, поднесенную ему кузнецом в придорожной деревне. А Миларепа, тибетский святой, когда завистливый ученый муж обещает своей любовнице бирюзу за то, чтобы она поднесла мудрецу чашу отравленного творога, сначала отсылает женщину назад за ее платой, а затем сознательно принимает чашу. В каждом из этих случаев рассказчики ясно дают понять, что

такая добровольная смерть сопровождается страшной мукой, которая была ясно предвидена и сознательно призвана.

У такого страдания, должно быть, много смыслов, и большая часть их остается для нас невидимой. Но вспомним все, что было сказано о возможности выхода из круга человеческих жизней через перенесение полного сознания и памяти сквозь смерть в миг освобождения в электронный мир. И о том, что сознание, чтобы закалиться для такого испытания, должно было бы уже доказать свою способность выдерживать самые страшные потрясения и лишения, какие только может предложить физический мир.

По крайней мере с одной точки зрения, сознательное навлечение на себя великого страдания незадолго до смерти должно приучить сознание к таким потрясениям, чтобы оно смогло выдержать этот последний переход не дрогнув. Овладение великой болью дает сознанию напряженность и «полет», необходимые, чтобы существовать дальше отдельно от тела, позволяет ему, так сказать, «взлететь» самостоятельно.

Ибо страдание — главное средство, которым одна часть человеческого механизма может быть отделена от другой. Даже у зубного врача человек может почувствовать: «Страдает оно, а не я». Тогда как, сидя в удобном кресле в теплой комнате после хорошего обеда, он практически не в состоянии вызвать в себе подобное ощущение.

Такое разделение, если зайти в нем далеко, высвобождает огромные количества эмоциональной энергии. Мы знаем теперь, какой огромный масштаб энергии высвобождается при отщеплении электронных оболочек от ядра атома. Точно так же высвобождается энергия в человеке при отщеплении внешних физических оболочек его организма от его ядра — его неведомого

«я». Обычно такое расщепление происходит при смерти, и неуправляемых последствий этого неуправляемого деления мы уже касались.

Но как с искусственным расщеплением атома, так и с искусственным отделением или ослаблением связи сознания с телом задача в том, чтобы найти толчок достаточно сильный и проникающий, чтобы добиться результата, и при этом держать опыт под контролем.

В случае человека единственный толчок нужной силы дает, по-видимому, сильное страдание, полностью подвластное и точно направленное. Быть может, так же можно было бы использовать самую восторженную любовь и сострадание; но в тех случаях, что сохранились для нас, такое сострадание на деле принимает равное ему страдание, и, кажется, никакой настоящей разницы между этими двумя силами нет.

Очевидно, здесь кроются тяжкие опасности. Огромный удар, ведущий к расщеплению атома, должен прийтись точно в нужное место, чтобы выбить электрон из его системы. Точно так же в случае человека приложение великой силы страдания точно между началом сознания и его телесными проявлениями, чтобы разделить их, возможно лишь после долгой нравственной и психологической подготовки. Ибо неверное его приложение, как во множестве сект бичующихся и самоистязателей на протяжении истории, может лишь изувечить психофизический организм и неразрывно сплавить сознание с телом. Этот исход, один из самых страшных при преждевременном опыте, — достаточное предупреждение, что все сказанное не относится к обычному человеку. Намеренное использование страдания становится осуществимым лишь в связи с работой школы возрождения — и тогда лишь в совершенно определенный момент.

Ибо страдание, как и тепло, не только расщепляет, но и закрепляет. Оно делает возможным ослабление связей и разделение разных сторон человека — но вместе с тем как-то стремится неразрывно сплавить его основное «я», или индивидуальность, с той стороной, к которой оно тяготело в то самое время, когда терпело боль. С обычной точки зрения действие его в том, что оно делает постоянными те отношения, которые в это время преобладали. Изменчивость, которая есть и слабость, и спасение обычного человека, тем самым утрачивается. Так что, как это обычно и понимают, страдание может либо разрушить, либо создать человека — смотря по тому, позволит ли он своему вниманию прилепиться к несчастной плоти или сумеет великим усилием претворить ее в то начало сознания, которое способно смотреть на физический организм и его беды с отстраненной и объективной точки зрения.

Эта страшная решающая сила страдания выражена в истории двух разбойников, распятых вместе с Иисусом, которые, претерпевая одинаковую боль, один с ожесточением, а другой с преданностью, были, по народному преданию, один проклят, а другой благословен. Во всяком случае, ответ Христа раскаявшемуся разбойнику: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» — наводит на дальнейшую мысль, что великое страдание, принятое верно, может быть претворено в энергию такой силы, что она уничтожит все прежние записи, — так сильный жар может расплавить бронзовую доску и тем стереть надписи, казалось бы вырезанные на ней навеки.

Эта возможность того, что страдание поглощает запись дурных поступков в прошлом, от которой человек не может избавиться никаким иным путем, и вместе с тем навсегда закрепляет в нем определенные черты, которые он ощущает желанными, но

которые до сих пор лишь изредка его посещали, может пролить дополнительный свет на мысль о намеренном страдании при приближении смерти.

Тех людей, что достигли таких необычайных высот понимания в своих разных областях, всех рано или поздно должен был посетить вопрос: «Как сделать такое понимание постоянным перед лицом болезни, старости и приближающегося распада?» Художники чутьем, а учителя сознательно пришли, кажется, к одному и тому же пониманию: сознательно избранное страдание может стать как раз таким закрепителем, той протравой, которой уроки, полученные в жизни, несмываемо закрепляются в материале бытия человека. Миларепа в своей боли поет об этом открыто:

Болезни…
Лишь сильно украшают меня…
Дарами их беру, чтоб украшать знаки совершенства моего…
Эту болезнь, что так мне к лицу,
Я мог бы перенести, но нужды в том нет.[*]

[*] У. И. Эванс-Венц. «Великий йог Тибета Миларепа», с. 265.

Однако здесь, чтобы поправить картину, надо добавить две вещи. Во-первых, добровольное страдание мыслимо лишь для того, кто давно освободился от страдания невольного — то есть от обычных тревог, страха, опасений, рабской зависимости от чужого мнения, воображаемых бедствий и так далее. Единственное здоровое отношение человека, оказавшегося во власти таких вещей, — желание как можно скорее от них избавиться и довериться высшим силам. В самом деле, добавлять намеренное страдание поверх этого груза — значит проявлять нездоровую и даже болезненную склонность.

Лишь человек, свободный от всего этого, понимает, что для того, что должно быть сделано, нужна новая и огромная движущая сила, и начинает думать о претворении боли и неудобства — того единственного сырья, в котором у людей нет недостатка.

Само это слово «претворение» подсказывает и вторую оговорку, которую мы должны сделать в нашем рассуждении. Ибо «страдание» — лишь описание того, как определенные переживания выглядят для нас, с нашей точки зрения. Если они и в самом деле лишь «страдание», значит, они не достигли своей цели. Но у нас есть все основания полагать, что они несут с собой радость, восторг или какую-то новую эмоцию, для которой у нас нет имени, равной или даже большей силы. Как же тогда описать состояние, в котором боль и радость присутствуют в равных долях или в котором телесное страдание сопровождается эмоциональным восторгом? У нас нет способа выразить такое состояние.

«Ты слышишь, что Я страдал, и все же Я не страдал; что Я не страдал, и все же Я страдал; что Я был пронзен, и все же не был поражен; повешен — и не был повешен; что кровь текла из Меня — и не текла», — так говорит Христос в апокрифических «Деяниях Иоанна». «Одним словом, того, что говорят обо Мне, со Мной не было, а то, чего не говорят, — то Я претерпел».*

* «Деяния Иоанна», стих 101: «Апокрифический Новый Завет», перевод Монтегю Родса Джеймса, с. 256.

* * *

Некоторые по особой причине должны говорить менее явно. Человек, которого я знал, после многих лет, посвященных тому, чтобы учить своих товарищей определенным эзотерическим

идеям и объяснять их, за несколько месяцев до смерти вдруг перестал что-либо объяснять. Почти полным молчанием и уединением он словно отгородился от рассеивающей силы жизни, которая высасывает душу из всякого человека, не закрепившего в себе собственного поля сознания.

Затем, в самый последний месяц, когда смерть его была, очевидно, делом нескольких дней, слабость его была крайней, а жестокая боль не отпускала, этот человек без всяких объяснений начал предпринимать ряд подвигов выносливости, совершенно необъяснимых с любой обычной точки зрения. Врачи предписали ему полный покой, а он требовал, чтобы его день за днем возили в долгие поездки по стране, ко всем тем домам, где он жил в годы, проведенные в Англии. В этих поездках он не ел и не пил, а по возвращении часто оставался всю ночь сидеть в машине, в темноте и холоде. Когда он едва мог переставлять ноги, он заставлял свое умирающее тело шаг за шагом по целому часу идти по ухабистым проселкам; заставлял его подниматься в предрассветные часы, одеваться, спускаться и взбираться по длинным лестничным пролетам; превращал ночь в день; и требовал от своих товарищей, чтобы остаться с ним, таких подвигов выносливости, какие они, в полном здравии и силе, едва были в состоянии совершить.

Наконец, в день, который он предвидел как день своей смерти, он встал с постели, оделся и, одной лишь волей отстранив тех, кто хотел его удержать, спустился вниз и созвал к себе всех своих близких друзей, которым сумел передать многие мысли так, что каждый увидел в них разрешение своей собственной задачи. Затем он удалился, а на рассвете следующего утра сознательно умер.

Полный смысл такого деяния — и для самого этого человека, и для тех, кто был рядом с ним, — должен остаться нам неизвестным. Можно лишь сказать, что им он показал определенные силы, например способность говорить с другими без слышимых слов и сообщаться с ними на расстоянии, которые обычно считаются чудесными. И еще — что эти силы применялись не ради них самих, а как функции иного состояния сознания и в связи с какой-то задачей, исполняемой в другом мире.

Страдание принадлежит природе физического, или органического, тела. Именно страх перед ним привязывает человека к смертности. Намеренно принимая его, он перехитряет природу и смерть. Он показывает отделенность своей воли от власти этого тела. Он отводит душу в сторону, готовя ее к самостоятельному существованию в невидимом мире. Он помнит себя. Таким путем человек может готовиться к сознательному бессмертию.

XII

ПРЕОБРАЖЕНИЕ В ЭЛЕКТРОННОМ МИРЕ

✦

Какова природа этого сознательного бессмертия? Прежде всего нужно очень ясно отличить возможность сознательного бессмертия от бессмертия бессознательного. Скала, которая десять тысяч лет сохраняет одну форму, бессмертна по отношению к человеку, но ее бессмертие бессознательно. Таково же и постоянство ада.

Итак, желанно вовсе не бессмертие само по себе. Больше того, для всякого, кто вдумается, в мысли о бессмертии, связанном с нашим нынешним телом или нынешним состоянием почти полной бессознательности, есть что-то невыразимо ужасное. Ведь это означало бы конец всякой возможности перемены, роста, развития. Бессознательное бессмертие подразумевает застывание, окаменение одной формы; это свойство формы, которая не в силах умереть. Сознательное бессмертие связано со способностью свободно переходить из одной формы в другую, перерастать низшие формы ради высших. Это свойство жизненного начала, ставшего независимым от умирающих форм. Две эти возможности противоположны друг другу.

Способность переходить из одной формы, или носителя, в другую, которую подразумевает сознательное бессмертие, зависит от совершенно определенного принципа. Чтобы стать

сознательно бессмертным в одном мире — то есть обрести власть по своей воле менять носитель в этом мире, — необходимо и обладать телом, принадлежащим миру выше, телом из следующего, более тонкого состояния материи, и владеть им.

Возьмем очень простой пример этого принципа. Дома, автобусы, самолеты, поезда — это носители, сделанные из материи в минеральном состоянии. Физический человек обладает способностью по своей воле переходить из одного такого носителя в другой благодаря полной власти над клеточным телом, телом из материи более высокого состояния. Если его автомобиль или дом «умирает», то есть ветшает или перестает служить, он может оставить его и приобрести новый. Так что в известном смысле о физическом человеке можно сказать, что по отношению к этим носителям он бессмертен. Ведь он может входить в них, жить в них, покидать их или менять по своей воле.

То же клеточное тело делает его и всемогущим по отношению к материи в минеральном или металлическом состоянии. Он может делать из такой материи вещи, переплавлять их, переделывать в новые вещи и так далее. По отношению к куску железа или к сделанным из него носителям он и бессмертен, и всемогущ; он — «бог».

Теперь мы можем понять, почему мысль о том, чтобы стать по-настоящему бессмертным по отношению к клеточному миру, мыслима только в связи с созданием высшего тела, то есть души, и с полной властью над всеми ее силами. Думать, будто чисто физический человек может обрести бессмертие и всемогущество в клеточном мире, — все равно что воображать, будто велосипед может обрести власть над другими средствами передвижения своего уровня.

Из всего этого следует, что во вселенной заложено много степеней бессмертия. Каждый мир материи бессмертен по отношению к более плотному миру под ним. Молекулярный мир земли бессмертен по отношению к клеточному миру природы, который на ее поверхности то и дело умирает и рождается вновь. Электронный, или солнечный, мир света бессмертен по отношению к молекулярному миру земли. И существо, обладающее телом природы и материи одного из этих миров, должно иметь возможность бессмертия по отношению к существам, населяющим мир под ним.

Так что если человек, вполне владеющий клеточным телом, бессмертен и всемогущ в мире минеральных тел, то человек, вполне владеющий молекулярным телом, или душой, может в свою очередь быть бессмертным и всемогущим в мире клеточных тел. А человек, вполне владеющий электронным телом, или духом, будет бессмертен и всемогущ в мире молекулярных тел — то есть бессмертен и всемогущ в мире человеческих душ.

Теперь наконец мы начинаем постигать огромное значение духа. Ибо человек, сумевший жить в постоянном теле из той божественной энергии, что обычным людям является лишь вспышкой молнии в смерти, будет творцом человеческих душ. Он сможет работать, строить, придавать форму и разрушать в молекулярной материи, как физический человек может это делать в материи минеральной. Он сможет знать законы, управляющие молекулярными телами, и пользоваться ими, а значит, сможет создавать людям души или помогать им создавать души самим.

Говоря раньше о возможности для людей обрести душу, мы вынуждены были добавить, что ни одного шага на этом пути они не могут надеяться совершить без помощи. Теперь ясно почему.

Найдя минеральный сосуд или утварь — скажем, закопанный кувшин или горшок, — мы сразу заключаем, что здесь приложил руку физический человек. Точно так же мы не можем представить себе сложившееся и вполне действующее физическое тело без участия души, а сложившуюся и вполне действующую душу — без участия духа.

Так мы начинаем различать три отдельные ступени возможного развития человека от его нынешнего состояния, когда у него есть лишь физическое тело, сознаваемое только отчасти и большей частью не подвластное ему.

Прежде всего он должен найти человека, который обрел душу, или молекулярное тело. Ибо только такой человек будет всемогущ по отношению к физическим телам. Только такой человек будет понимать законы, касающиеся клеточных тел, сумеет распознать недостатки и отклонения, назначить очень сложный ряд упражнений и толчков — физических, умственных и эмоциональных, — необходимых, чтобы нарастить нервную силу, сломать внутренние и внешние привычки и сделать клеточное тело нормальным, послушным, чутким и вполне действующим. Настоящая работа человека, обладающего душой, будет, таким образом, состоять в том, чтобы преобразовывать физических людей, делать их нормальными. Он может вести «школу нормальности». Ибо есть принцип: развиваться может только нормальное, только нормальное может стать сверхнормальным.

Кроме того, он, быть может, научит своих учеников теории обретения души. Он может помочь им развить волю, осознание, единство и совесть, которые, как мы видели, необходимы для этой огромной задачи. Но наделить их душами он не сможет: работать прямо в молекулярном мире ему не под силу.

Только человек, который сам живет в духе, сможет образовывать и созидать души, как человек, обладающий душой, мог образовывать и созидать тела. Такой человек будет работать с людьми, которым уже удалось стать физически нормальными и в которых начали расти зачаточные души; и он может образовывать, развивать и воспитывать эти души. Он может вести «школу душ», об условиях и обстоятельствах которой мы едва ли можем иметь какое-то представление.

Наконец, мы должны предположить школы для достижения духа, о ведении и работе которых мы не можем даже строить теорий. «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня… Он будет крестить вас Духом Святым и огнем»,* — говорит Иоанн Креститель. Вода относится к душе, огонь — к духу.

---

* Евангелие от Матфея, III, 11.

Нам доступна мыслью и касается нас лишь одна сторона таких школ. Кандидат должен уже обладать зрелой душой. И обретение духа таким человеком может быть связано с возможностью наделить своих учеников той душой, которой он уже обладает. Это будет его испытанием. Он должен поставить кого-то на свое место.

Эта мысль открывает нам один из главных принципов, связанных с созданием новых тел и вытекающей из него переменой места во вселенной. И она же открывает, почему эта задача так необычайно трудна. Как показывает все наше исследование, вселенная сплошь заполнена; это совершенное целое, образованное возвращением всего на своем месте. Поэтому, чтобы какой-то предмет «покинул свое место» — скажем, чтобы человек покинул свое место в клеточном мире и обрел постоянное

место в мире молекулярном, — необходимы две вещи. Во-первых, какое-то место в молекулярном мире должно освободиться, чтобы дать ему простор. И во-вторых, какой-то человек с более низкого уровня понимания должен вступить на место, которое освобождает он сам. Больше того, хотя мы и не можем представить себе, как именно, этот процесс должен продолжаться за пределами видимого и вверх, и вниз. Должна сдвинуться целая цепь людей, каждый на место другого. Только так и может произойти настоящая перемена места, не оставив во вселенной никакого места пустым, то есть не создав невозможной пустоты.

Теперь ясно, почему перенос человеческого сознания в постоянное тело из высшей материи коренным образом отличается от всякой другой задачи, доступной человеку. Ибо это, и только это, подразумевает перемену космического места. Мы должны понять, что всякий обычный известный нам вид «совершенствования» — всякое обучение и учение, приобретение новых знаний, хороших привычек, навыков, ремесел, даже совершенствование самого бытия — относится к совершенствованию на том же месте.

Мотор можно почистить, смазать, покрасить, заставить работать быстрее, его можно переставить с бетономешалки на выработку электрического света — но он останется тем же мотором. Все это совершенствование на том же месте. Если бы мотор стал дышать, чувствовать, производить потомство и обрел клеточное строение, это означало бы переход с одного места во вселенной на другое. И именно к перемене такого рода относится создание новых тел.

Такое цепное движение вверх, в высшую материю, такое судорожное потрясение сознания, которое как бы прорубает вертикальную трещину сквозь столько царств, — процесс

необычайно сложный. Ему нужны бесчисленные благоприятные обстоятельства — личные, космические и даже общественные. Прежде всего, он возможен лишь в связи с работой школы, которую ведет человек, полностью владеющий всеми силами души и неотступно стремящийся к высшему уровню. Во-вторых, он возможен лишь в один определенный момент истории этой школы — момент, для которого вся предшествующая работа школы была лишь подготовкой.

В самом деле, если подумать о бесчисленных испытаниях на множестве разных уровней, которые придется пройти, о поводах для нравственного и физического страдания, которые нужно изобрести, о разнообразии типов, о разных уровнях бытия, о необходимых драматических положениях — а все это должно быть введено намеренно, с полным знанием того, как оно связано с развязкой, — то мы увидим, что требуется поставить ни много ни мало огромную космическую драму. Кто-то должен поставить пьесу в самой жизни, пьесу, в которой все опасности, угрозы, пытки, выкупы, побеги и смерти — подлинные исторические события.

Еще в начале мы поняли, что, по устройству вселенной, момент смерти — величайшее испытание и величайшая возможность, которые выпадают человеку. Ибо в этот момент возможно все. Если, стало быть, цель руководителя школы — достичь духа со всем, что это подразумевает, мы должны предположить, что после напряженной подготовки он изберет для этого высшего усилия момент собственной смерти. Сюжетом драмы, ее главным событием, станет смерть постановщика.

Вместе с тем обстоятельства этой смерти — жертвы, страдания, усилия и предательства, которые к ней ведут, — дадут бесчисленные испытания, или побочные сюжеты, затрагивающие

каждого персонажа в пределах пьесы. Они дадут один ряд испытаний для «учеников» руководителя, чьей целью, быть может, будет обретение души; другой — для понимания обычных людей, которые могут оказаться слугами, лавочниками или случайными прохожими; третий — для общественных деятелей того времени; и, быть может, четвертый, последний шанс спасения — для преступников или «умирающих душ», чье участие может понадобиться сюжету.

Как поставить связную и предельно целеустремленную пьесу с таким разношерстным собранием действующих лиц? Когда настоящие святые, убийцы, предатели и искупители должны каждый в точности сыграть свою роль, как направить многообразное действие к предвиденному концу? Это невозможно иначе, как с помощью особой функции — телепатии. Только человек, обладающий силой вкладывать мысли и внушения прямо в умы других людей, может поставить такую пьесу. Эта сила — функция души, которая благодаря своему молекулярному строению может входить в других людей и знать, что происходит в их мозгу и других органах. Так что постановщиком такой пьесы может быть лишь тот, кто уже обрел душу и полную власть над ней и кто в связи с собственной смертью пытается утвердиться в постоянном электронном теле, или духе.

Эта «телепатическая» постановка сама собой сортирует и испытывает различных персонажей пьесы. Первое испытание — узнают ли те, кем так направляют, что с ними происходит. Предположим, что в ум человека вложено внушение какого-то привычного действия. Он непременно примет его за собственную мысль и, если он не слишком ленив или не слишком занят, скорее всего, исполнит внушение, сказав, что сам решил так поступить.

Если же внушение касается непривычного или несвойственного ему действия, он — если только его не охватило очень глубокое чувство — отложит его, объяснив себе, что решил этого не делать. Таким образом, всех обычных персонажей такой пьесы можно заставить делать то, что они делают обычно; они будут играть свои естественные роли, но так, как того требует действие.

С «учениками», однако, дело обстоит иначе. Обнаружив в своем уме образ очень трудных или несвойственных им поступков, они — если привыкли к школьной дисциплине и к серьезной внутренней борьбе за власть над собой — могут увидеть в этом особую возможность и сделать все, чтобы эти поступки совершить. Предположим, им внушено какое-то великое самопожертвование или вызов принятым обычаям ради верности. Слабый ученик отложит это, сказав себе: «В конце концов, руководитель никогда не велел мне так поступать». Сильный же ученик может увидеть в этом случай развить волю, одолеть собственную слабость.

Больше того, если он научился очень хорошо знать себя, он может распознать, что такие мысли ему несвойственны, что они не могли родиться в его привычном уме. Быть может, он свяжет их с совестью, а если он очень наблюдателен, то может даже заподозрить их подлинный источник и начать догадываться о том, что происходит. Во всяком случае, он скажет себе, что они, должно быть, исходят с более высокого уровня и пренебречь ими нельзя.

Так у таких учеников появляется возможность сломать механичность собственных действий, поступить не так, как свойственно их характеру. Им дается сделать то, чего без помощи они не могли бы даже вообразить, — и все же сделать это самим, по собственной воле. Действие этого на ученика совсем иное, чем

действие подобных поступков, совершенных из послушания, и никаким другим способом его не подделать. Так подлинная телепатия дает ученику случай превзойти самого себя, развить волю и создать душу.

Едва ли нужно добавлять, что в такой пьесе не может быть внушено ни одного дурного поступка. Такие поступки, в известном смысле нужные сюжету, сами собой обеспечиваются слабостью различных персонажей, когда те сталкиваются с определенными ключевыми положениями. Властолюбец, когда его власти грозит опасность, неизбежно сговорится об убийстве — никакого внушения не нужно. Даже ученики, когда какой-то поворот действия застанет их врасплох, предадут из робости или замешательства, как Петр при пении петуха. Толпа будет реветь, требуя крови, и на этот раз — просто потому, что делала это тысячу раз прежде. Такие поступки совершенно механичны и никогда не бывают следствием внушения постановщика, хотя он их, конечно, предвидит и принимает в расчет. Может даже случиться, что, зная главную слабость ученика, постановщик создаст какое-то внешнее положение, рассчитанное на то, чтобы почти неодолимо выявить эту слабость, и в то же время телепатически подскажет ученику, как ее одолеть. Так может быть произведено то огромное внутреннее трение, которое необходимо для обретения души.

Несколько «сценариев» таких пьес дошло до нас, сохранившись среди массы писаний более философского рода. Сколько было постановок, не оставивших записи, и сколько еще не вышло за стадию предварительных репетиций, мы никогда не узнаем. Ибо, хотя эти драмы могут происходить открыто, странно, что никакой памяти о них не остается, кроме записи, сознательно

составленной и преданной огласке. Если постановщики еще не готовы записать, представление остается неизвестным.

Быть может, самые ясные записи сосредоточены вокруг фигур Будды, Миларепы и Христа. Буддийское повествование, известное как «Книга о великой кончине», по-видимому, очень неполно и подвергалось правке и приведению к канону до тех пор, пока из него почти совсем не исчезла непосредственность подлинного живого представления. Последние эпизоды жизни Миларепы, напротив, очень живы и содержат любопытные варианты христианской драмы. Но именно эта последняя, Евангелие, должна представлять собой совершенный образец — так сказать, классическое исполнение — такой пьесы.

Есть и другие различия. По разным причинам и Будда, и Миларепа ставили свои драмы на «сочувственной» сцене — в странах, где тайное знание было в большом почете, и во времена, когда обычные люди, быть может по космическим причинам, оказывались в необычайно восприимчивом расположении. Фон драмы Христа гораздо привычнее. Стратегическая окраина великой бюрократической империи, нервные чиновники и неспокойная толпа, политический гнет и тень мятежа — все это никак не назовешь «сочувственным». И все же это показывает, что возможность общего «сдвига» в уровне сознания, который в конце концов может затронуть сотни тысяч или миллионы людей, вовсе не зависит от условий, которые с обычной точки зрения мы назвали бы благоприятными. Привычное зло жизни может даже быть «использовано» как своего рода точка опоры, дающая высшим силам упор, от которого они могут отталкиваться в работе и достигать своих целей.

Несмотря на такие различия сцены, типы такой драмы, по-видимому, неизменны. Римский сотник, который вдруг

прозревает сквозь политическую казнь на кресте и восклицает: «Истинно Человек Сей был Сын Божий!» — тот же персонаж, что и тюремщик Сократа, который, принеся яд, просит прощения у «самого благородного, самого кроткого и самого лучшего из всех, кто когда-либо попадал в это место».

Вместе с тем каждая роль может быть сыграна с личными отличиями, зависящими от данного актера и данной постановки. Хозяин постоялого двора, который подает Будде испорченную пищу, от которой тот умирает, введен как совсем второстепенный персонаж, и его решающий поступок — почти «случайность». В христианской драме, напротив, Иуда взят как олицетворение зла и, хотя в конце концов раскаивается, все же должен повеситься. Но даже здесь есть странный намек на сговор — на Тайной вечере и в словах Христа при предательстве: «Друг, для чего ты пришел?» А в драме Миларепы роль получает совсем новый поворот: ревнивый ученый-пандит, устроив отравление святого, с насмешкой просит перенести на себя вызванные им муки, а когда на него переходит малая их часть, обращается, оставляет свое богатство и становится преданным учеником. Вот пример того, как внешне злодейскую роль можно сыграть так, чтобы она подготовила актера совсем к другой роли в следующий раз.

Ибо мы должны принять мысль, что во всех таких драмах каждый сознательный актер должен в конце концов научиться играть все роли, с тем чтобы однажды, быть может, стать достойным даже самой главной роли. В евангельской драме, например, есть много намеков на то, что святой Иоанн — «ученик, которого любил Иисус», который один оставался с ним при распятии, которому он поручил заботу о своей матери, чье евангелие открывает глубочайшее эмоциональное понимание и, главное, который позднее, уже стариком, на Патмосе сам описал

переживания электронного тела, — был, так сказать, «дублером Христа». «Подражание Христу» — в сущности, конечная задача каждого участника христианской мистерии. Все такие роли, однако, лишь вспомогательные. Ибо подлинное значение всей пьесы должно заключаться в преображении главного героя в электронном мире, в достижении им духа. И все чудесные события и проявления, которые следуют за его смертью, в известном смысле можно рассматривать как свидетельство того, что пьеса удалась, что огромное чудо совершилось. Ибо колоссальный сдвиг места через все уровни материи, вертикальная трещина сквозь всю вселенную, необходимая для такого преображения, словно отдается эхом не только вверх, до небес, но и вниз, в минеральный мир, до самого ада.

> Отходя, Джецюн явил процесс слияния физического тела с Царством Вечной Истины… Безоблачное небо казалось почти осязаемым от радужных красок… Обильно сыпались дожди цветов… Восхитительно сладкозвучная музыка… и дивное благоухание, более ароматное, чем любая земная эссенция, наполняли воздух… Боги и люди встречались и беседовали… так что на это время они были перенесены назад, в Золотой век.[*]

[*] У. И. Эванс-Венц. «Великий йог Тибета Миларепа», с. 273–274.

> Когда [Будда] Возвышенный умер, в миг его ухода из существования случилось могучее землетрясение, страшное и внушающее трепет, и разразились громы небесные.[**]

[**] «Книга о великой кончине», гл. VI, стих 10, пер. Т. У. и К. А. Ф. Рис-Дэвидсов: «Диалоги Будды», ч. 2.

> Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. И вот, завеса в храме [времени] раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и

многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святый град и явились многим.[***]

[***] Евангелие от Матфея, XXVII, 50–53.

Все это подтверждает мысль, что произошли какие-то огромные родовые муки, затронувшие все части вселенной. Через все уровни материи и через само время непосредственным вмешательством электронной энергии проложена трещина. Сквозь эту трещину восприятие обычных людей может на короткое время заглянуть в высшие миры, в прошлое и в будущее. И через нее для всех существ теперь пролегает путь избавления, которого прежде не было.

После этого совершаются чудеса иного разряда. Почти все чудеса, приписываемые Христу при жизни, относятся к исцелению, то есть к приведению в норму, физического тела. Исцеление сына царедворца в Капернауме, расслабленного у купальни Вифезда, десяти прокаженных, слепого и кровоточивой женщины — все это относится к поправкам физической природы, каких мы могли бы ожидать от человека, вполне владеющего функциями молекулярного тела и чья работа состоит в создании «нормальных людей».

Чудеса после распятия, однако, иного порядка. Христос мог тогда проецировать новое физическое тело или много таких тел в разных местах, после того как его прежнее тело было уничтожено. Двое друзей, идущих полями в Эммаус, вдруг находят рядом с собой физического Христа; в тот же день другой Христос является ученикам в запертой комнате; неделю спустя бывает еще одно явление — Фоме, при сходных условиях; а четвертый Христос приходит к ученикам, ловящим рыбу, по ту сторону Тивериадского озера. Каждый раз сам являющийся Христос дает

очень странное доказательство своего физического существования: он непременно хочет поесть или дать к себе прикоснуться. Это казалось бы странно не относящимся к делу, если бы целью не было показать, что явление — не галлюцинация и даже не видение, а настоящее физическое тело. Ибо для тех, кто понимал, одно это было бы доказательством, что Христос достиг царства, где он может создавать и уничтожать тела по своей воле, то есть обрел полную свободу во всех носителях и работает в духе из электронного мира.

Так и Миларепа, готовясь к смерти, когда разные ученики упрашивают его прийти к ним, каждый в свою деревню, сопровождает их всех и вместе с тем остается со всеми, кто остался на месте.

Такое доказательство способности свободно переходить из одного тела в другое, присущей сознательному бессмертию, станет одним из величайших испытаний для учеников учителя и непременно вызовет смятение и ужас у тех, кто еще не догадался, что поставлено на карту. Последователи Миларепы начинают ссориться между собой, и каждый утверждает, что раз учитель был с ними, то с другими быть не мог. В конце концов ему самому приходится вмешаться: «Все вы правы. Это я играл с вами».

Так и когда Мария Магдалина и двое путников, ходивших в Эммаус, вне себя от пережитого, спешат назад, чтобы рассказать собранию «официальных учеников» в Иерусалиме, их принимают за безумных. «Но и им не поверили». Ибо одна из самых странных насмешек судьбы в том, что самые ожесточенные неверующие в преображение учителя непременно найдутся среди тех, кто лучше всего знал его в обличье обычного человека. Кто-то всегда будет отрицать его дух во имя его физического тела: ведь их

воспоминания о человеке покажутся им действительностью, а чудо — воображением.

Это неверие в великий опыт именно потому, что он удался, — одно из самых странных и непостижимых следствий драмы. И мы должны понять, как ошибочно обычное представление, будто чудо заставило бы человека поверить. Если в человеке есть скептицизм, чудо непременно заставит его не поверить. Ибо, оказавшись совершенно не в силах найти разумное объяснение, он неизбежно придет к выводу, что сошел с ума либо он сам, либо его учитель. И если он не сумеет подняться над своими обычными взглядами и представлениями, само чудо может отрезать его от учителя — быть может, навсегда.

Так этот момент чудес, эта развязка драмы, приносит, быть может, величайшее испытание из всех. Ученики могли пройти много других испытаний, приложить большие усилия и многое понять. Теперь все зависит от того, есть ли у них положительное отношение — на языке религии вера — к своему учителю. Ибо только с полной верой и очистившись от страха они могут последовать за ним в электронный мир.

Зато для тех, кто выдержит это испытание, становится возможной совсем новая связь с учителем. Ибо в силу своего электронного тела он может достичь их где угодно и когда угодно. По природе электронной материи, которая проникает во все, он может овладевать ими и заставлять их исполнять его волю, пока они сами того хотят. По природе электронной материи, которая превосходит время, он может приходить к ним в будущем и, быть может, даже в прошлом. Он стал по отношению к ним не только всемогущим, но и вечным. И он может применять свою силу созидания душ не только среди них, но и среди всех людей,

которые в него веруют, пока существует электронная материя. Его бессмертие поистине будет сознательным.

«Се, Я с вами во все дни до скончания века».

* * *

О моем собственном учителе могу сказать лишь, что и он поставил среди своих друзей пьесу, в которой они, сами того не ведая, безупречно сыграли свои роли и сюжетом которой была его собственная смерть. Безмолвно он наставлял их в сердцах — одни это узнавали, другие нет. «Я всегда буду с вами», — мог сказать и он, но сказал это легко, куря сигарету, так что никто не обратил внимания. Лежа в постели в Суррее, он своим умом овладел молодым человеком, летевшим над Атлантикой, которого он прежде уже избавил от одной иллюзии. Тем утром, уже мертвый, он шел рядом с путником, переходившим Лондонский мост, а другому, сидевшему за рулем автомобиля, показал природу вселенной.

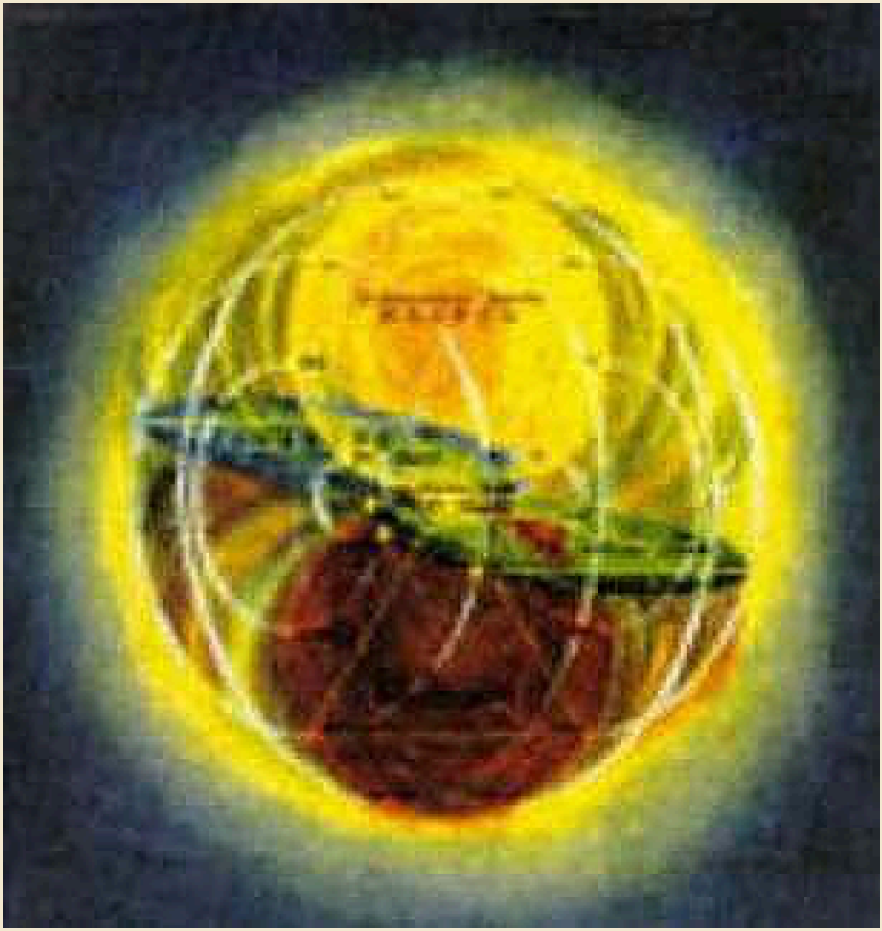
И все же в эти рассказы трудно поверить. Так пусть же свидетельством его достижения будет эта книга, написанная в год, последовавший за его смертью, — книга знания, которого я не заслужил. Кто может вместить, да вместит. Ибо это так.

19 ноября 1948 года

ПРИЛОЖЕНИЕ

МОДЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ

✦

Предположим, что наша фигура из четырех соединенных кругов изображает миры и времена материи в минеральном состоянии, материи в клеточном состоянии, материи в молекулярном состоянии и материи в электронном состоянии. Пользуясь этой фигурой как своего рода «философской машиной», мы можем воспроизвести в символической форме многие любопытные стороны вселенной. Вместе с тем именно эти определения делают

ее, вероятно, непригодной для изучения явлений за пределами Солнечной системы.

Окружность каждого из кругов размечена шкалой времени, которая развертывается логарифмически в три ступени. Мы установили, что круг минеральной жизни имеет шкалу от 80 000 лет к 8000, к 800 и к 80 годам; она пригодна для измерения процессов, идущих внутри земной коры, в царстве, которое древние представления символически изображали как «ад». Круг клеточной жизни подобным же образом простирается от 80 лет до одного месяца и пригоден для жизней и процессов органических существ на поверхности земли, или попросту «на земле». Круг молекулярной жизни простирается от одного месяца до 40 минут и измеряет жизни и явления, принадлежащие земной атмосфере, или, на старом языке, «раю». Круг электронной жизни простирается от 40 минут до 2½ секунды и относится к явлениям света, зависящим от солнца на «небесах».

Таким образом, четыре круга, если их распрямить, представляют собой непрерывную шкалу продолжительностей жизни от 80 000 лет до 2½ секунды, то есть охватывают скорости переживания, различающиеся в миллион миллионов раз.

Итак, с одной точки зрения четыре круга можно принять за изображение минерального мира, органического мира, молекулярного мира и электронного мира, или четырех древних «миров» — ада, земли, рая и небес. С другой же точки зрения они изображают прохождение отдельных жизней через эти четыре мира и относительную скорость движения в них.

Изучая круг человеческой жизни, ставший теперь типическим образцом мира клеточных тел, мы поняли, что при рождении (10 месяцев) и в конце детства (8 лет), а также в единой точке смерти и зачатия (80 лет) входит некий прямой импульс творческой

силы, некая совершенно новая возможность из самого источника жизни. Эти точки отмечают три ступени упомянутой логарифмической прогрессии. Поэтому в этом круге — как и в трех остальных — мы можем соединить эти точки треугольником, который будет изображать прямое вмешательство солнечной, или божественной, энергии в каждый мир. Эти треугольники расходятся лучами во все миры из своей единственной точки соединения — точки смерти-зачатия, общей для всех миров, точки вселенского Суда. Эта точка, откуда исходят все жизни, куда они возвращаются и которая поддерживает их в круговом движении, есть само солнце. Эти треугольники солнечного излучения следует видеть в непрерывном движении, и это первое движение будет изображать жизнь.

Далее, шесть промежуточных точек, или вех, на каждом круге можно принять — подобно планетам внутри Солнечной системы — за указание на «функции», или «органы», соответствующих миров. Между ними идет внутреннее обращение энергии, которая передается или отражается от одной к другой по определенному рисунку, — так луч света мог бы вечно переходить между рядом надлежащим образом расставленных зеркал. Из этого обращения, или «игры огней», составляющего второе движение вселенной, рождается все многообразие форм, свойственных данному миру.

Итак, мы должны представить себе четыре круга — минеральной, клеточной, молекулярной и электронной жизни, — каждый из которых озарен движущимся треугольником божественной энергии и каждый одушевлен собственным внутренним обращением.

Далее, мы должны представить себе, что соответствующие точки в кругах разных миров сами связаны прохождением определенных влияний из одного мира в другой — так рождение

в клеточном мире должно каким-то неведомым образом управляться рождением в молекулярном и электронном мирах, или так планета может влиять на соответствующий ей орган человеческого тела. Это влияние функции одного мира на подобную функцию другого есть третье движение вселенной, которое выражено законом «что вверху, то и внизу».

Эти три движения вместе образуют неподвижное тело вселенной. И из их взаимной игры они творят жизни, которые проходят по кругам миров со скоростями, соответствующими сопротивлению каждой среды. Так, квант энергии, заключенный в изначальном импульсе отдельной жизни, должен проходить через клеточный мир с одной скоростью, через сильно уменьшенное сопротивление молекулярного мира — с гораздо большей скоростью, а через огромное сопротивление минерального мира — в тысячу раз медленнее.

Прохождение жизней по кругам миров вводит четвертое движение вселенной, четвертое измерение, то есть время.

Глядя на нашу модель вселенной, мы должны поэтому начать с того, чтобы представить себе в ней четыре рода движения. Во-первых, движение божественного излучения по каждому из треугольников; во-вторых, движение внутреннего обращения между шестью промежуточными точками в каждом мире; в-третьих, движение от каждой точки одного круга к соответствующим точкам других кругов; и в-четвертых, движение жизней по самим различным кругам.

Но назначение этой «философской машины» — помочь нам создать образ шести движений, вселенной шести измерений. Поэтому нам нужно привести все сооружение в движение еще двумя способами.

Для различения представим себе круг минерального мира окрашенным в красный цвет, круг клеточного мира — в зеленый, круг молекулярного мира — в синий, а круг электронного мира — в желтый, или золотой.

Теперь представим себе, что все сооружение подвешено за крайнюю точку электронного, золотого, круга и быстро вращается вокруг собственной оси. Появится очень странная, но любопытная фигура. Она будет похожа на большую сферу, или пузырь, в верхней половине которого заключена меньшая сфера, или пузырь, золотого цвета, а в нижней — такая же сфера, или пузырь, красного цвета; обе разделены зеленой перегородкой, которую создает горизонтальное движение синего и зеленого кругов молекулярной и клеточной жизни. В золотой электронной сфере будут ясно видны и треугольник, и внутренняя фигура, как они будут видны и в красной минеральной сфере внизу. Плоское же движение синего и зеленого кругов не дало ничего, кроме зеленой пленки, в которой и треугольник, и внутренняя фигура совершенно исчезли.

Здесь перед нами очень красивый образ вселенной такой, какой мы ее воспринимаем, то есть образ разделения миров. Золотая сфера изображает сферу полного солнечного света, или электронной жизни, над поверхностью земли, в которой действие и солнца, и планет явно даже для нашего восприятия. Красная сфера изображает сферу минералов под поверхностью земли. А зеленый диск, или пленка, изображает сферу органической жизни на поверхности земли, созданную взаимопроникновением клеточного и молекулярного миров, — сферу, в которой действие божественных законов как бы скрыто самой ее сложностью, мерцанием ее многочисленных движений.

Это движение, пятое движение нашей фигуры, передает несколько сторон нашей вселенной. Мы видим, что небеса и ад разделены пленкой, не имеющей толщины, — плоскостью земной поверхности, плоскостью взаимопроникновения земли и рая. В этой плоскости и верхняя электронная сфера, и нижняя минеральная сфера соседствуют и видны. Но если смотреть сверху, с небес, то именно эта земная поверхность делает невидимыми свои минеральные недра, точно так же как снизу она делает невидимым мир небес. С другой точки зрения весь большой пузырь можно принять за символ вселенской иллюзии, или майи.

Таково наше пятое движение — мир пятого измерения, в котором образ вселенной творится вечным возвращением, или обращением, всех вещей на своем собственном месте.

Чтобы получить шестое движение, мы должны представить себе, что четыре круга вращаются вокруг точки своей встречи. Теперь фигура примет форму, похожую на пышную хризантему белого цвета. Наблюдая ее, мы понимаем, что и треугольник, и фигура внутреннего обращения стали сплошными, то есть едиными, и далее, что цвета четырех миров соединились и дали белизну, или бесцветность. Это значит, что в своем вращении все четыре мира существуют во всех точках, то есть полностью проникают друг в друга. При этом движении фигура изображает взаимопроникновение миров, состояние тела, одновременно составленного из минеральной, клеточной, молекулярной и электронной материи, — идею о том, что все находится везде. В этом движении, шестом, осуществляются все возможности.

Помня все, что мы сложили вместе о значении различных кругов, о движениях внутри различных кругов, о движении самих кругов и о движениях всей фигуры, мы должны попытаться

соединить два последних движения и вообразить себе фигуру, в которой все шесть движений происходят одновременно. Такая фигура, вероятно, будет наибольшим приближением к верной модели вселенной, какое доступно чисто логическому уму.*

* Ср. фигуру из видения Ван Манена, приведенную в «Tertium Organum» Успенского, с. 135.

Можно спросить, почему шкала времени, проходящая по кругам, или через четыре мира, должна иметь определенные пределы — 2½ секунды на одном конце и 80 000 лет на другом. Что означает тот факт, что индивидуальная продолжительность длиннее 80 000 лет или короче 2½ секунды лежит за пределами нашей фигуры? Почему не пятый или шестой круг?

По-видимому, наша фигура четырех ступеней материи, истолкованная таким образом, изображает вселенную в той мере, в какой она касается действительных возможностей отдельных существ на земле. Это модель вселенной, какой она видится с этого места.

Ибо если мы попытаемся представить себе пятый круг, где зачатие приходилось бы на 80 000 лет, рождение — на 800 000 лет, зрелость начиналась бы в 8 000 000 лет, а полный срок жизни составлял бы 80 000 000 лет, то окажется, что мы не в силах вместить такую чудовищную медленность развития в земные условия.

Согласно нашей шкале клеточной жизни, зародыш человека теряет половину своей скорости уже в точке 1 своего круга, то есть в два месяца. Точно так же установлено, что радий, одно из самых плотных известных веществ, которое явно принадлежит не поверхности, а недрам земли, теряет половину своей радиоактивности, половину своей скорости, за 1600 лет. Но существо, зачатое в этот пятый круг, если бы оно существовало,

теряло бы половину своего начального импульса лишь за 160 000 лет. Оно жило бы в сто раз медленнее радия.

Мы можем помыслить лишь одно место, где могли бы быть такие условия, — это Луна. Там, как мы говорили, за несколько тысяч лет записанных человеческих наблюдений не было замечено никаких перемен. Так что, бесспорно, мы можем представить себе серьезные перемены на Луне лишь за периоды в сотни тысяч или миллионы лет. Таким образом, пятый круг времени, относящийся к материи в состоянии более низком, чем минеральное, — если вообще можно предположить, что он к чему-то относится, — вероятно, относится к условиям жизни на Луне. Они нас не касаются, вовсе не входят в возможный опыт существ на земле, и если мы можем вообразить, что земные существа опускаются в такой круг, то ясно, что вернуться они не могли бы никогда. Ибо они ушли бы за пределы земной вселенной с ее четырьмя состояниями материи совсем.

Точно так же существа, которые жили бы в состоянии материи более высоком, чем электронное, тоже вышли бы за пределы сферы земных существ — ибо они жили бы в среде более высокой, чем солнечная энергия, то есть стали бы независимы от солнца и свободны от Млечного Пути.

Вот почему, как бы мы ни старались, мы не можем ввести в эту модель нашей вселенной пятый круг.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

✦

Таблица I. Тибетский круг жизни (Бхавачакра)

По внешнему краю круга неотвратимо развертываются во времени ступени жизни — от зачатия к рождению, браку, зрелости, смерти и снова к новому рождению. Шесть отделений внутри круга изображают различные состояния существования — мир небес, мир полубогов, или рай, мир несчастных духов, или чистилище, мир ада, мир животных и мир людей, — и все они находятся внутри круга времени; в любое из них умирающий может войти в роковое мгновение Суда. Во внутреннем круге показано восхождение и нисхождение человеческих душ, а в середине — петух, змея и свинья, символы триады Вожделения, Гнева и Неведения, которая держит в движении Вселенную, или Сансару. Дракон, удерживающий целое, — это сила разгона жизни, за пределами которой лежат безвременье и единство.

Таблица II. Мадонна кругов

Мадонна, как Млечный Путь, носит и являет Христа Солнца. Из него исходят и к нему вечно возвращаются круг физической жизни, отягощенный Луной, и круг невидимой жизни, восходящий к звездам.

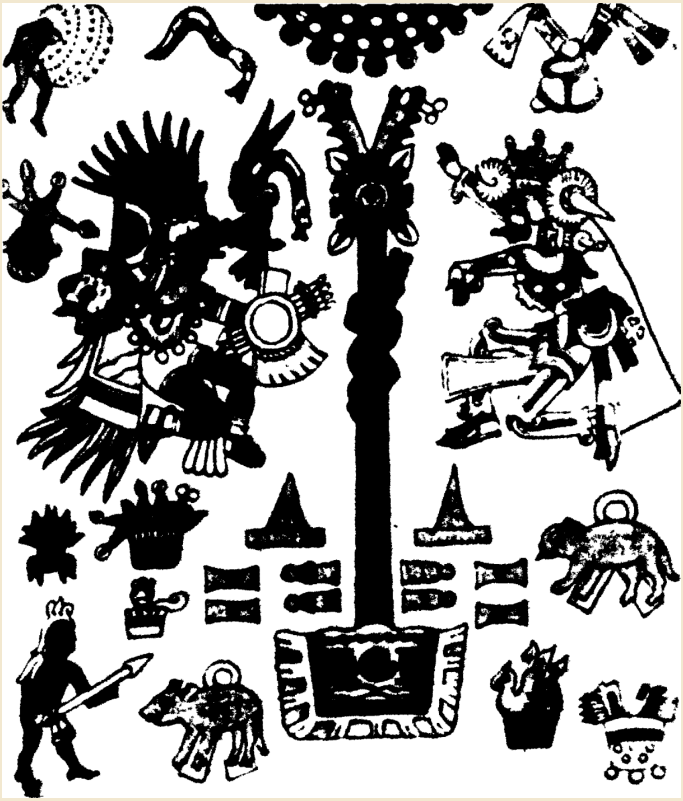

Таблица III. Ацтекский Суд (Тоналаматль, или священный календарь, из Кодекса Борбоникус)

Человек взбирается на древо жизни между Тонатиу, владыкой Солнца и Жизни, и Миктлантекутли, владыкой Подземного мира и Смерти. У корня дерева, растущего из символов земли, воздуха, огня и воды, собраны составные части, соединившиеся при его зачатии, — оплодотворенное семя, кабан личности, ястреб духа и крылья его души в корзине, усыпанной звездами. На вершине дерева, то есть в смерти, сияет символ самого солнца, от которого расходятся четыре луча, или пути. Оттуда поднимаются крылья души, наконец освобожденной. А выше его различные части, разъятые смертью, уходят каждая к своей участи: влево, на сторону смерти, — труп, обвязанный саваном, и зверь, возвращающийся к корню дерева; вправо, на сторону жизни, — змей, начало сознания, пришедший от солнца, и дух, которым человек преображается в звездный мир. Надо всем простирается Млечный Путь из бесчисленных солнц.

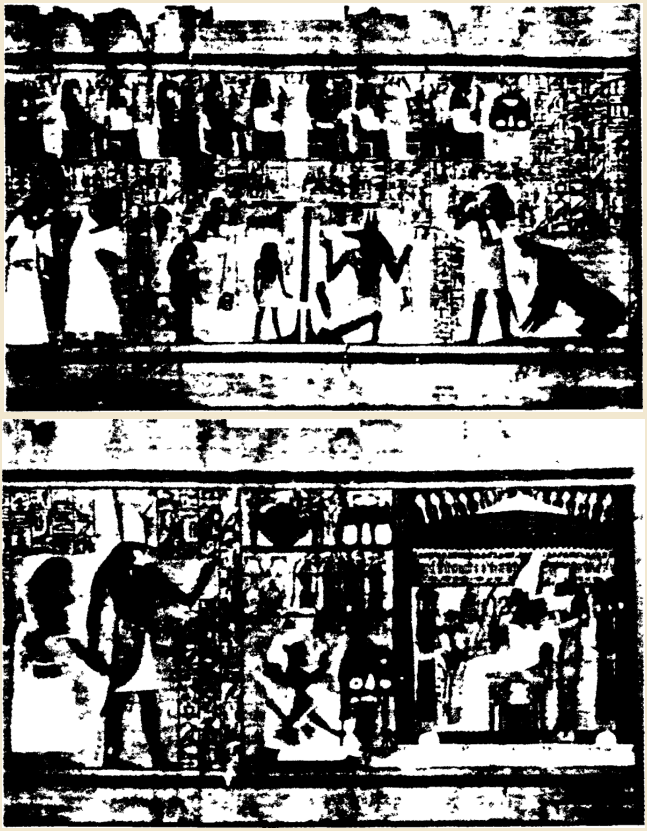

Таблица IV. Египетский Суд (папирус Ани, XV век до н. э.)

Под собранием богов душа писца Ани входит в Зал Суда. Его сердце, то есть приобретенное им бытие, Анубис взвешивает против пера Маат — его возможности. Тот показывает табличку с записью его жизни, а Амемет, пожирательница неоправданных, подстерегает добычу. Душа его, с крыльями ястреба, парит наверху; его удача, или судьба, стоит внизу; а бесформенная глыба его будущего зародыша — при которой находятся две богини рождения — ждет отпечатка тела, которое будет присуждено ему Судом. Затем Ани, оправданного Судом, Гор вводит пред лицо Осириса, где он — преображенный — является сияющим, как солнце, и над его венцом восходит солнечный диск. А перед Осирисом, на лотосе, уже стоят Дети Гора — Внутренний Круг человечества.

Таблица V. Русский Суд (икона «Второе страшное пришествие Христово»)

На глазах у множеств всего человечества, прошлого и настоящего, невежественного и праведного, при заступничестве Адама и Евы перед Христом, душу взвешивают нагой и одинокой на весах, которые держит Рука Божия. Неоправданную, ее утягивают вниз бесы ее же неисполнимых желаний и ввергают в пещеры мучений под землей. Для оправданной ангелы готовят перед лицом Христа дом, где лежат книга, свитки и орудия страстей — для той роли, которую она, быть может, однажды научится играть. Древний Змий, изображающий шкалу материи во всех ее плотностях и время с соответствующими им скоростями, тянется из ада, то есть из центра земли, к самому Христу Солнцу. Внизу слева мудрецы входят в школы возрождения на земле, откуда немногие летят прямо — минуя смерть и Суд — в Новый Иерусалим, или Внутренний Круг человечества, который стоит на уровне Бога Отца. Вверху ангелы времени развертывают звездное небо Млечного Пути.

Таблица VI. Средневековый Суд (собор в Бурже, XIII век)

Под Христом Судией, окруженным ангелами солнца, луны и планет, души умерших встают из гробниц, чтобы их взвесил архангел Михаил. Взвешивая кривляющуюся злую личность умершего против его сердца, или совести, ангел другой рукой оберегает ребенка, которым тому вскоре предстоит стать. Слева бесы — чьи лица на разных частях тела символизируют их рабство у низших функций — уносят осужденные души, чтобы переплавить их в аду. Справа ангелы ведут счастливых избранных через рай на лоно Авраамово, то есть обратно в другое время.

Таблица VII. Суд эпохи Возрождения (Эль Греко. «Погребение графа Оргаса», 1586)

Внизу важные плакальщики указывают на различные части умершего, а другими руками показывают участь каждой из них: голова, или личность, исчезает, нижние части предаются земле, а сердце — небу. По кайме епископской ризы тени его самого в других жизнях проходят сквозь его мозг. И пламя солнечной энергии, освобожденное смертью, горит то здесь, то там среди свидетелей — то как пол, то как сознание. Ибо эти свидетели — не кто иной, как сам этот человек во всех своих возрастах, во всех своих «я». Вверху, между землей и небом, ангел уже принимает от Христа, Марии и Иосифа еще бесформенный зародыш другой жизни, а Петр — чьи ключи от видимого и невидимого миров складываются в знак бесконечности — и весь сонм святых смотрят на это. И Петр, и Иосиф, и святые, и Христос — тоже он.

Таблица VIII. Суфийское преображение (Мирадж из «Хамсе» Низами, работа Шаха Махмуда Нишапури из Тебриза, 1539–1543)

Пророк, верхом на Бураке, скакуне сознательного духа, ведомый архангелом Джабраилом, вырывается из молекулярного мира воздуха в электронный мир огня. Под ним — населенные душами Внутреннего Круга — лежат окраины атмосферы, а далеко внизу — сама туманная земля. Вверху — свет, огонь, пустота и единство мира звезд, откуда приходят дары знания, силы и понимания к тому, кто, стерев лик своей отдельности, прорывается за пределы времени к единению со всеми тварями, со всеми небесами и адом.